

СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

ЖУРНАЛ ДЕПАРТАМЕНТА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НИУ ВШЭ

ИЗДАЕТСЯ С 2023 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ТОМ 2. №2(6) 2024

Главный редактор	Леонид Григорьев
Главный редактор	Игорь Макаров
Заместитель главного редактора	Ольга Клочко
Заведующий редакцией	Татьяна Барабанова
Верстка	Наталия Заблоцките
Редакционная коллегия	Сергей Бобылев Ван Вэнь Сергей Васильев Леонид Григорьев Гленн Дизен Марек Домбровски Наталия Иванова Ольга Клочко Валерий Крюков Игорь Макаров Татьяна Радченко Ренато Флореш
Учредитель и издатель:	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Адрес учредителя:	109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
Адрес редакции:	119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д.17, каб. 209
Сайт журнала:	cwejournal.hse.ru
ISSN: 2949-5776	Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ №ФС77-86407 от 30.11.2023

СОДЕРЖАНИЕ

№2(6) 2024

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА В ЭПОХУ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Кулагин В.А., Грушевенко Д.А., Галкина А.А.

Смена технологического ландшафта мировой энергетики:

драйверы и возможности 6

В статье представлен обзор ключевых ожидаемых изменений технологического ландшафта мировой энергетики. Со стороны секторов конечного потребления энергии существенно трансформируются требования к энергосистемам и к организации их работы. Потребители предъявляют спрос на все более универсальные, экологичные, экономичные и надежные способы энергообеспечения, все более становится востребовано энергоемкое оборудование с возможностями автономного использования. НТП, в свою очередь, дает доступ к новым решениям, одновременно меняя параметры межтопливной конкуренции. Свой вклад вносит и государственная политика. Ключевым трендом в энергоснабжении промышленности, коммерческого и бытового сектора становится электрификация. Транспортный сектор переходит от эпохи доминирования нефти к эре межтопливной конкуренции, причем ключевым субститутутом нефтепродуктов также становятся электрические решения. В самом сегменте генерации электрической энергии растет интерес к безуглеродным и возобновляемым источникам энергии. Расширение использования ВИЭ в электросистемах обязательно требует развития технологий накопления, однако текущий уровень НТП в этой сфере делает такие решения крайне дорогими, что оставляет долгосрочные ниши для тепловой генерации, но существенно изменяет режимы ее работы. Существенно меняются технологии и в области разведки, добычи и транспортировки ископаемых топлив. Это позволяет не опасаться нехватки ресурсов в ближайшие десятилетия, несмотря на растущие уровни добычи и исчерпание наиболее простых для разработки запасов. Но условия работы традиционной энергетики будут меняться.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ И ИНВЕСТИЦИИ

Гнидченко А.А.

Сдвиги в торговых взаимосвязях США и Китая со странами-партнерами:

что изменилось за «пятилетку бурных перемен» 26

В статье отслеживаются сдвиги в экономических взаимосвязях США и Китая со странами-партнерами в контексте торговли товарами и услугами. Разрабатывается авторская группировка важнейших стран-партнеров и регионов. Выделяется три этапа динамики торговых взаимосвязей. Представлена авторская ранжировка стран и регионов мира, которые в перспективе могут оказывать наиболее сильное влияние на рост и структурную перестройку мировой торговли: Китай, АСЕАН, Северная Америка, Россия и Индия. Учитывались такие факторы, как сохранение исключительных позиций Китая в мировой торговле даже в условиях противостояния со странами Запада, активное интеграционное развитие и высочайшая торговая связность стран АСЕАН, значительные усилия США

к реинтеграции Северной Америки и возвращению высокотехнологичных производств на континент, очень высокая заинтересованность России в развитии сотрудничества в рамках БРИКС и децентрализации международных платежей, а также становление Индии как крупного рынка сбыта.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Тимофеев И.Н., Чуприянова П.И.

Политика санкций ЕС в отношении России после февраля 2022 г.:
направления изменений 43

Политика санкций ЕС на российском направлении в значительной степени трансформировалась после февраля 2022 г. Ряд таких изменений носит количественный характер и отражается в увеличении объема используемых против РФ односторонних ограничительных мер. С другой стороны, можно констатировать качественные изменения в подходе ЕС к осуществлению санкционного давления на Россию. Среди них пересмотр позиции ЕС по вопросу использования вторичных ограничений, а также заметные сдвиги в политике по обеспечению эффективности режима санкций против России. Динамика, масштабы и особенности таких изменений, а также их концептуальное обоснование сегодня слабо отражены как в академической литературе, так и в аналитических материалах. Цель статьи состоит в заполнении данных пробелов, а также в ответе на следующие исследовательские вопросы: в чем состоят ключевые изменения подхода ЕС к реализации политики санкций в отношении России после февраля 2022 г.? Каковы динамика и особенности данных изменений? В исследовании фиксируются тенденции качественной смены подхода ЕС к отношениям взаимозависимости с Россией; количественного наращивания применения принципиально новых для Европейского союза инструментов санкций, в том числе вторичных санкций; концентрации усилий ЕС на обеспечении эффективности антироссийских ограничений; возрастающей динамики такой политики при сохранении дисбалансов в ее реализации. Эмпирические наблюдения ведутся на основе баз данных РСМД по санкционной проблематике и анализа нормативно-правовых документов ЕС по политике санкций в отношении РФ.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Носко П.А.

Анализ методологий присвоения ESG-рейтингов на российском рынке:
вопросы прозрачности и конвергенции 60

Цель статьи состоит в том, чтобы оценить уровень прозрачности методологий ESG-рейтингов на российском рынке и выявить, имеет ли место их сближение. Для достижения поставленной цели на основе публикаций зарубежных и российских авторов, международных организаций и Банка России выполнен анализ методологий присвоения ведущих российских рейтингов, разработана и применена методика оценки уровня прозрачности таких методологий по десяти параметрам. В работе представлен краткий обзор ключевых проблем, присущих ESG-рейтингам и освещенных в литературе, и порядка их решения нормами регулирования в ряде зарубежных стран и в Российской Федерации. В целях проверки внедрения рекомендаций Банка России в обновленные методологии присвоения ESG-рейтингов выполнен анализ подходов четырех агентств — Аналитического кредитного рейтингового агентства, «Эксперт РА», RAEX и Национального рейтингового агентства — с точки зрения транспарентности и конвергенции; методологиям агентств присвоены оценки степени прозрачности. Сделаны выводы о некотором сбли-

жении подходов агентств к ESG-оценке, прежде всего в части рейтинговых шкал и взвешивания ESG-компонент, а также о в целом высоком уровне прозрачности методологий российских ESG-рейтингов.

СТРАНОВОЙ ВЗГЛЯД

Сергеев Е.А.

Трансформация внешнеэкономической политики Европейского союза в контексте открытой стратегической автономии 76

Европейский союз сегодня ставит перед собой достаточно амбициозные задачи по сохранению своих позиций в рамках глобальной экономики, а также по своеобразному трансформированию своей геоэкономической мощи в мощь геополитическую. По крайней мере так можно трактовать задачи, поставленные в рамках концепции открытой стратегической автономии Европейского союза, фактически недвусмысленно объединяющей разные компоненты безопасности Союза (военный, политический, экономический и др.). Это позволяет рассматривать торговую и инвестиционную (внешнеэкономическую) политику ЕС (вкуче с рядом других направлений деятельности) сквозь призму реалистской парадигмы в рамках теории международных отношений и попытаться выявить новые политэкономические черты подхода ЕС к своей деятельности в области регулирования международной торговли и движения капитала. Корректируя и трансформируя некоторые ключевые элементы внешнеэкономической политики, а также создавая новые механизмы координации и барьеры в торговле и движении капитала, Европейский союз усиливает «защитный» компонент своей интеграционной модели, пытаясь приспособиться к изменяющимся параметрам современной глобальной экономики. При этом можно отметить взаимное переплетение основных направлений деятельности ЕС, которое распространяется также на сравнительно новые аспекты позиционирования Союза на внешней арене (геоэкономическая антикризисная политика, финансовая и валютная политика).

Орлов И.А., Уфимцев А.А.

Кирпичи для пирамид: иностранное участие в египетских мегапроектах .. 92

В работе выделены три группы стран и рассмотрен их вклад в реализуемые в современном Египте мегапроекты. На основе этого анализа делается вывод, что страны ОЭСР и БРИКС-5 участвуют как в качестве инвесторов, так и в качестве подрядчиков, в то время как страны ССАГПЗ почти всегда выступают именно в роли инвесторов. При этом страны БРИКС-5 и ССАГПЗ, как правило, представлены госкорпорациями и суверенными фондами, в то время как со стороны стран ОЭСР чаще вовлечены частные компании. Этот факт подчеркивает значимость БРИКС как площадки для проведения межгосударственных переговоров для расширения сотрудничества Египта со странами-членами этой организации. Тем не менее при выборе партнеров Египет руководствуется скорее экономическими, а не политическими соображениями, желая сохранять нейтралитет в мировой политике и не впадать в зависимость ни от одного из политических блоков. Экономическое будущее страны не придает уверенности, поэтому сохранение финансовой и политической независимости в будущем — это вызов для Египта.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обзор круглого стола «Сохранение окружающей среды и борьба с изменением климата: что БРИКС может предложить миру?» 118

Смена технологического ландшафта мировой энергетики: драйверы и возможности

Кулагин В.А., Грушевенко Д.А., Галкина А.А.

Кулагин Вячеслав Александрович — заведующий отделом исследования энергетического комплекса мира и России ИНЭИ РАН.

SPIN-РИНЦ: 4140-6845
ORCID: 0000-0001-8847-8882
Researcher ID: Z-5621-2019
Scopus Author ID: 56274242400

Грушевенко Дмитрий Александрович — старший научный сотрудник ИНЭИ РАН.

SPIN-РИНЦ: 7801-4079
ORCID: 0000-0002-8660-2576
Researcher ID: AAD-4257-2019
Scopus Author ID: 57039179500

Галкина Анна Александровна — старший научный сотрудник ИНЭИ РАН.

SPIN-РИНЦ: 2474-7057
Researcher ID: M-9885-2013
Scopus Author ID: 56607057900

Для цитирования: Кулагин В.А., Грушевенко Д.А., Галкина А.А. Смена технологического ландшафта мировой энергетики: драйверы и возможности // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. №2(6). EDN: ADUJKZ

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-6-25>

Ключевые слова: технологии в энергетике, межтопливная конкуренция, ВИЭ, себестоимость производства электроэнергии, накопители энергии, НТП.

Аннотация

В статье представлен обзор ключевых ожидаемых изменений технологического ландшафта мировой энергетики. Со стороны секторов конечного

потребления энергии существенно трансформируются требования к энергосистемам и к организации их работы. Потребители предъявляют спрос на все более универсальные, экологичные, экономичные и надежные способы энергообеспечения, все более становится востребовано энергоемкое оборудование с возможностями автономного использования. Научно-технический прогресс (НТП), в свою очередь, дает доступ к новым решениям, одновременно меняя параметры межтопливной конкуренции. Свой вклад вносит и государственная политика, инструменты которой позволяют как мягко воздействовать на привлекательность выбора, так и просто ограничивать возможности использования отдельного оборудования.

Ключевым трендом в энергоснабжении промышленности, коммерческого и бытового сектора становится электрификация. Транспортный сектор переходит от эпохи доминирования нефти к эре межтопливной конкуренции, причем ключевым субститутутом нефтепродуктов также становятся электрические решения.

В самом сегменте генерации электрической энергии растет интерес к безуглеродным и возобновляемым источникам энергии. В отдельных регионах мира новые возобновляемые источники энергии (ВИЭ) уже становятся конкурентоспособны по себестоимости производства энергии (до подачи в сеть) с ископаемой генерацией. Но при росте доли новых ВИЭ в электробалансе увеличиваются расходы на резервирование, накопление, сетевую инфраструктуру, что делает необходимым при принятии решений оценивать затраты в комплексе.

Расширение использования ВИЭ в электросистемах обязательно требует развития технологий накопления, однако текущий уровень НТП в этой сфере делает такие решения крайне дорогими, что оставляет долгосрочные ниши для тепловой генерации, но существенно изменяет режимы ее работы.

Существенно меняются технологии и в области разведки, добычи и транспортировки ископаемых топлив. Это позволяет не опасаться нехватки ресурсов в ближайшие десятилетия, несмотря на растущие уровни добычи и исчерпание наиболее простых для разработки запасов. Но условия работы традиционной энергетики будут меняться.

Введение

Мы находимся на этапе существенной технологической трансформации энергетического сектора. Этому способствуют новые возможности, открываемые научно-техническим прогрессом, усложнение ресурсной базы, рост требований к качеству и вариантам энергоснабжения со стороны конечных потребителей, государственная политика.

В каждом, без исключения, секторе конечного потребления энергии появляются новые решения, расширяется поле для межтопливной конкуренции.

Многообразие предлагаемых потенциально востребованных технологий велико и с каждым днем расширяется. Но выиграет технологическую гонку тот, кто сможет верно расставить приоритеты и направить финансовые и научные усилия в сегменты, которые на практике будут востребованы в будущем. История знает прецеденты, когда даже самые, казалось бы, перспективные технологии, которые должны были совершить революцию в мировой энергетике, заняли на рынках лишь ограниченные ниши или вовсе остались только на бумаге, столкнувшись с непредвиденными трудностями. Так, серия аварий на атомных электростанциях (АЭС) вынудила человечество осторожнее относиться к мирному атому, которому прочили долю 80% в мировом производстве энергии уже к 2020-м годам. Сложности в разработке и большие затраты при добыче газогидратов пока оставили их на уровне экспериментов, вместо 10% доли в мировом балансе к 2025 г. Высокая себестоимость и технологические сложности не позволили человечеству реализовать планы по разработке гелия-3 на Луне. А угрозы продовольственной безопасности и сопутствующее воздействие на окружающую среду не дали биотопливам существенно потеснить в моторах нефтепродукты (подробнее о технологиях, не оправдавших ожиданий в работе [Кулагин 2020]).

Разработка и испытание многих технологий требуют десятилетий до стадии выхода опытного образца из дверей лаборатории на рынок. А сроки завоевания рынка в существенной мере зависят от сегмента. Уникальный вид новой батареи для мобильных телефонов или планшетов будет использоваться в 50% устройств уже через несколько лет от начала процесса коммерциализации, а вот для масштабного внедрения нового процесса нефтепереработки потребуются 25–30 лет, нового ядерного реактора — 50–60 лет. Сроки обуславливаются темпами обновления оборудования и инфраструктуры в каждом сегменте [Кулагин 2020].

Для энергетике с ее длинными инвестиционными циклами и большими горизонтами планирования технологии, которые будут доминирующими и широко востребованными к 2050 г., должны определяться уже сейчас, что делает актуальными подобные обзорные исследования, направленные на поиск ключевых драйверов трансформации энергосистем и поиск оптимальных решений среди имеющихся.

1. Изменение технологий конечного потребления энергии: запросы потребителей и ограничения регулирования

Запросы потребителей к энергосистемам, бытовым процессам и характеристикам обслуживающих их приборов все время растут. Вот только некоторые из них:

- Экономия времени — самого ценного ресурса в нашей жизни. Покупая робот-пылесос, который выполнит уборку вместо нас, посудомоечную или стиральную машину, мы покупаем себе в первую очередь время, отдавая часть своих обязанностей домашним помощникам.
- Экономичность и экологичность. При покупке техники мы часто стремимся к рациональному потреблению, выбирая между изначальной стоимостью и расходами при эксплуатации. Так, более дорогой по цене покупки холо-

дильник класса энергопотребления А+ позволит снизить расход энергии более чем в два раза в сравнении с моделью класса С и за срок эксплуатации окажется дешевле по общим затратам. Некоторые при выборе приборов обращают внимание и на то, насколько экологичны они в производстве и при эксплуатации, из каких материалов сделаны.

- **Удобство.** По мере роста благосостояния цена перестает быть критическим параметром. Все больше обращается внимания на комфортность использования оборудования: способность проводить самоочистку с минимальным вмешательством человека (холодильники, духовые шкафы, пылесосы), возможность использования приборов в движении без переключения шнура между розетками и т.д.
- **Интеллектуальность и управляемость.** Все больший спрос предъявляется на умные устройства, в том числе дистанционно управляемые через интернет. Становятся востребованными системы удаленного управления климатом в помещении, автоматического приготовления пищи, доступного видеонаблюдения, радионяни, умные колонки и т.д. Многие из них появляются в жизни пользователей впервые и тем самым создают дополнительный спрос на энергию.
- **Мощность и длительность работы заряжаемых устройств.** Они тоже нередко выступают важным параметром при выборе потребительской электроники. Более востребованными оказываются телефоны, ноутбуки, планшеты, электросамокаты, которые могут дольше проработать на одном заряде.
- **Универсализация.** Стремление к единообразию портов-разъемов, розеток и штекеров не просто потребительский тренд, а зачастую и ответ на требования регуляторов. Например, к концу 2024 г. все мобильные устройства, продаваемые на территории Европейского союза (ЕС), должны иметь разъем Type-C [EU Parliament 2022]. Эта тенденция характерна не только для бытовой электроники. Вспомним загородные дома: плита на пропане, печь — на дровах, электричество в доме на дизель-генераторе и постоянный контроль за запасом целого набора энергоносителей. Многие стремятся перейти на единый источник и запитать от него все домашние системы.
- **Устойчивость энергоснабжения.** Потребители ищут надежный источник, чтобы в самый неподходящий момент не остаться без необходимой энергии.
- **Автономность.** Временные выезды, освоение новых территорий и потребность в энергии проживающих на удалении от централизованной инфраструктуры потребителей вынуждают искать оптимальные решения автономного энергоснабжения.

Запросы потребителей формируют и требования к энергоснабжению коммерческого и бытового сектора. Главным трендом тут будет рост потребности в электрификации и решениях по аккумулированию энергии.

Благодаря развитию технологий расширяется число альтернатив и поле для межтопливной конкуренции в системах обогрева помещений и нагрева воды. В большинстве случаев использование газа и угля остается самым дешевым вариантом. Причем при централизованном теплоэлектроснабжении это позволяет

повысить коэффициент полезного действия (КПД) станций за счет полезного отвода тепла. Но параллельно растет привлекательность и электрических устройств различного типа — как для дополнительного нагрева, так и для создания более комфортных условий в местах, где это не позволяют сделать централизованные системы (теплые полы, входные зоны и пр.). Отдельное внимание следует уделить автономным объектам, не подключенным ни к централизованным системам отопления, ни к газовым сетям. Здесь появляется широкий выбор. При наличии электричества оно становится одним из удобных решений. Но есть варианты и при полной автономности: бензиновые и дизельные генераторы, газовые установки на сжиженных углеводородных газах (СУГ) и метане (в газообразном или сжиженном виде), угольные и дровяные печи, а также новые технологии: солнечные панели, тепловые насосы, биогаз. Выбор здесь придется делать с учетом физической доступности источника энергии, цены и экологичности.

При покупке транспортных средств потребитель традиционно делает выбор исходя из набора показателей, по каждому из которых производители соревнуются, стремясь предложить более привлекательное решение — стоимость эксплуатации (входит цена транспортного средства, расходы на обслуживание и заправку), динамика разгона, пробег без дозаправки/дозарядки, комфорт, качество мультимедийных систем, надежность (доверие бренду и применяемым технологиям). Все чаще и сами потребители, и регуляторы обращают внимание на экологичность машины. Важным параметром при выборе является наличие сервисной и заправочной / зарядной инфраструктуры. Кроме того, изменение образа жизни, стремление к повышению повседневного комфорта и НТП привели к появлению принципиально новых видов транспорта: индивидуальных средств малой мобильности (электро-самокатов, электровелосипедов, моноколес), роботов-доставщиков, дронов. И здесь, как и в коммунально-бытовом секторе, одной из ключевых тенденций становится электрификация. Поле межтопливной конкуренции расширяется во всех видах транспорта — для дорожного между нефтепродуктами, природным газом, биотопливами, электроэнергией и водородом [Кулагин и др. 2020], для железнодорожного — между нефтепродуктами и электричеством [Grushevenko et al. 2023], для морского — между нефтепродуктами, аммиаком, метанолом, биотопливами и даже атомными установками.

В промышленности запросы к технологиям энергоснабжения тоже видоизменяются. Традиционно в секторе при выборе энергоресурса следовали трем основным принципам: энергия должна быть дешевой (для снижения себестоимости продукции), безопасной, а энергоноситель должен подаваться устойчиво (для непрерывности техпроцесса). Теперь к этим ориентирам добавляются новые:

- Имиджевая составляющая энергоносителя. Нередко производители выбирают не самые дешевые, а самые экологичные решения, монетизируя свои ESG-ценности в росте стоимости собственных акций [Deloitte 2023]. Но во многих случаях этот выбор имеет точечный демонстрационный характер, без масштабного переоборудования всех производств.
- Автономность энергоснабжения — возможность обеспечить энергией производство, удаленное от сетевой инфраструктуры на новых территориях.

- Качество энергоресурса — современное оборудование становится более требовательно к источнику энергии (класс нефтепродуктов, соответствие параметров электроэнергии установленным значениям и т.д.).
- Оптимизация налоговых выплат. Углеродное налогообложение и пограничные углеродные барьеры заставляют некоторых производителей энергоёмкой продукции задуматься об источнике энергоснабжения.

На фоне развития автоматизации и роботизации технологических процессов возрастает спрос на электроэнергию и в промышленном секторе.

Кроме потребительских требований, существенное влияние на набор вариантов энергоснабжения в каждом из секторов оказывает государственная политика, которая позволяет корректировать потребительские запросы и привлекательность использования конкретных решений. Среди наиболее ярких примеров:

- Тарифное, налоговое и ценовое регулирование, которое позволяет искусственно завышать стоимость для потребителя одних решений и снижать стоимость других.
- Стандарты по энергоэффективности, отдающие предпочтение конкретным технологическим схемам для зданий, оборудования, промышленных установок и пр.
- Требования к классам топлив.
- Прямые запреты и ограничения — например, запрет на использование ламп накаливания, продажу определенной тары, запрет на въезд на автомобилях с ДВС в черту города и др.
- Прямое и косвенное субсидирование энергоснабжения — например, подключение к электросетям или к газу не за счет потребителя или по схемам софинансирования.
- Углеродное регулирование.

Набор применяемых инструментов может существенно корректировать изначально сформированный потребителями запрос к системе энергоснабжения и самому уровню потребления.

В перспективе межтопливная конкуренция продолжит расширяться, а спрос на электрическую энергию в секторах конечного потребления будет расти быстрее, чем на любой другой вид энергоносителей, что хорошо видно в прогнозах ИНЭИ РАН [Макаров и др. 2024], Мирового энергетического агентства [IEA 2023], ОПЕК [OPEC 2023] и др.

Таким образом, главным полем боя для топливных альтернатив становится сегмент генерации электрической энергии, а его технологический ландшафт во многом определит будущее мировой энергетики.

2. Генерация электрической энергии: возобновляемая или ископаемая?

В сегменте генерации электрической энергии ключевой вопрос заключается в будущих параметрах межтопливной конкуренции между традиционной генерацией на ископаемых топливах, атомной энергией и возобновляемыми источниками.

В 2021 г. возобновляемые источники обеспечивали 15% потребления первичной энергии в мире. Примерно половина использовалась напрямую в секторах конечного потребления. В основном это биомасса и отходы, которые востребованы, прежде всего, для отопления и приготовления пищи. Вторая половина обеспечивала производство электрической энергии. Из них 40% выработки поступало за счет гидроэнергии, 25% из биоэнергии (биогаз, твердая биомасса, отходы) и оставшиеся около трети из новых ВИЭ (солнечных электростанций (СЭС), ветровых станций (ВЭС), геотермальных станций (геоТЭС), энергия океана и пр.) [IEA 2023]. При этом именно новые ВИЭ в последние 10 лет показывают наибольшие темпы прироста, и именно с ними связываются основные надежды по переходу к новой энергетике. Но реальные перспективы будут зависеть от НТП в каждом из сегментов.

В солнечной энергетике самыми распространенными в настоящий момент являются фотоэлектрические станции из кристаллического кремния, которые преобразуют солнечный свет непосредственно в электричество с помощью фотоэлементов. С 2010 г. они подешевели по себестоимости с 0,43 долл. 2023/кВт·ч до 0,08 долл. 2023/кВт·ч, что в ряде регионов сделало их конкурентоспособными с «традиционными» решениями по стоимости производимого киловатт-часа. Удешевление достигалось в основном за счет масштабирования производств и их переноса из стран ОЭСР в страны развивающейся Азии, где труд и ключевые материалы, из которых производятся панели, существенно дешевле. Кривая обучения технологии уже в значительной степени пройдена, но сохраняется некоторый потенциал для удешевления за счет уменьшения толщины ячеек, увеличения срока службы и оптимизации архитектуры модуля [VDMA 2022; DNV 2023; AEGIR 2022].

Возможные прорывы в фотовольтаике связывают с перовскитными технологиями (чистый перовскит / перовскит-кремниевый тандем), разработка которых ведется в том числе и в России [Akbulatov et al. 2017]. Опытные образцы таких панелей показывают высокие КПД и являются менее затратными относительно традиционных кремниевых в производстве, однако не решена проблема чрезвычайно высокой скорости деградации материала (самый долгий достигнутый срок службы – 1 месяц). Как и для кремниевых панелей, для них характерна проблема неравномерности выработки. Панели показывают максимальную эффективность при определенных параметрах инсоляции, при этом пасмурная погода или, наоборот, излишне жаркая не позволяют выйти на оптимальные параметры работы. Традиционной проблемой солнечной генерации является и отсутствие выработки после захода солнца, и сильное ее снижение в периоды дождя, облачности, в холодное время года.

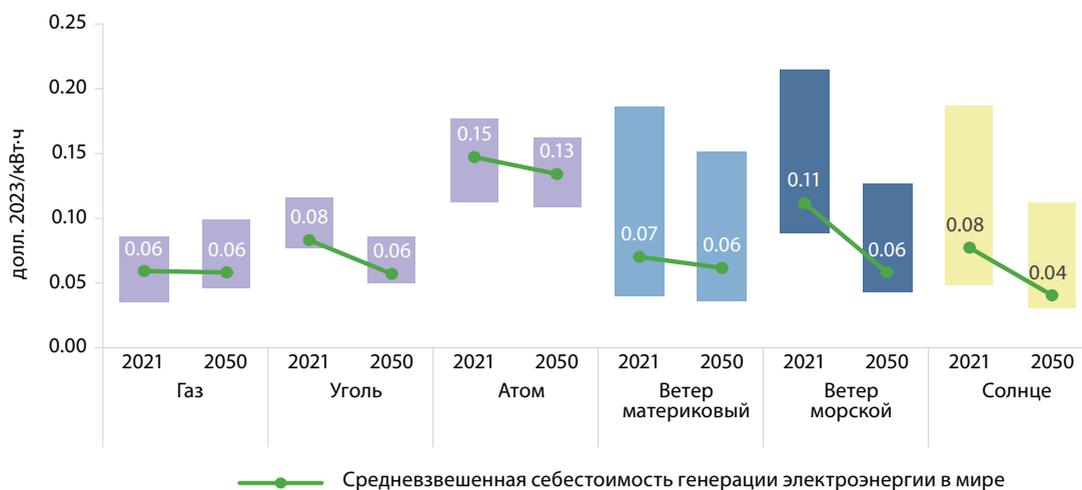
Теоретически проблему ночного времени могут решить технологии концентрированной солнечной энергии (CSP). В таких системах солнечные лучи отражаются от зеркал-гелиостатов и нагревают расположенную по центру станции башню, где хранится разогреваемый до температуры 600 градусов теплоноситель. Даже когда солнце перестает светить, башня может работать как классическая ТЭС, превращая тепловую энергию в электрическую на протяжении нескольких часов. Минусы таких систем (кроме того, что они дороже обычных кристаллических панелей по

себестоимости производства энергии в 2–3 раза [IRENA 2023a] — потребность в больших площадях и наличие рядом значительных ресурсов пресной или опресненной воды, необходимой в технологических процессах.

Еще один распространенный вид ВИЭ — ветровые станции. Здесь за период с 2010 по 2022 г. также наблюдалось значительное снижение приведенных удельных затрат на производство электроэнергии (LCOE) с 0,11 долл./кВт·ч до 0,07 долл./кВт·ч для береговых ВЭС и с 0,20 долл./кВт·ч до 0,11 долл./кВт·ч для офшорных ВЭС. Перспективы дальнейшего удешевления материковой генерации за счет совершенствования роторных систем и материалов лопастей оцениваются в экспертном сообществе в пределах 10% [ETIP WIND 2021; DNV 2022]. Потенциал удешевления офшорных ВЭС выше — порядка 30–40%, в первую очередь за счет ожидаемого роста единичной мощности турбины, оптимизации систем управления и передачи электроэнергии [AEGIR 2022; Makarov 2020].

Уже сегодня в отдельных регионах мира по затратам на выработку единицы энергии (LCOE) генерация СЭС и ВЭС конкурентоспособна с традиционной генерацией. В перспективе, учитывая прогнозируемое снижение затрат, привлекательность ВИЭ должна возрастать (см. рисунок 1 на с. 13).

Рисунок 1. Прогноз изменения себестоимости производства электроэнергии (LCOE) по источникам в 2050 г. в сравнении с 2021 г.

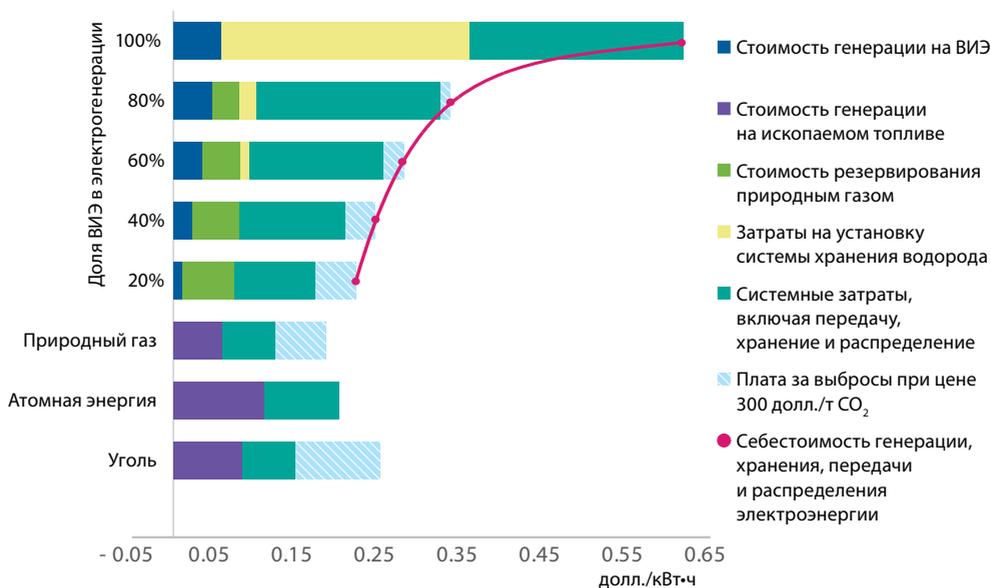

Столбцы показывают диапазон себестоимости генерации электроэнергии по регионам мира.
 Источник: расчеты ИНЭИ РАН.

Однако энергосистема — это намного больше, чем максимально дешевое производство электроэнергии. На пути к потребителю к себестоимости выработки добавляются расходы на передачу, хранение, распределение электричества, поддержание резервных мощностей, диспетчеризацию и т.д. Для учета системных

эффектов отдельные исследования пытаются перейти от показателя приведенных удельных затрат на производство электроэнергии LCOE к показателю приведенных удельных затрат на производство электрической энергии с учетом добавленной стоимости VALCOE [Karn et al. 2022; Moses 2023].

Рисунок 2. Схематическое соотношение полных затрат на поставку электроэнергии до уплаты налогов с учетом стоимости генерации, системных эффектов, платы за выбросы CO₂-экв. для разных источников энергии

Источник: ИНЭИ РАН.

Главные проблемы ВИЭ-генерации – расхождение пиков спроса на электроэнергию и пиков ее выработки, а также высокая зависимость от погодных условий. Например, солнечные панели не способны покрывать вечерние пики спроса, а в пасмурную или очень жаркую погоду возможны провалы генерации и в дневном режиме, во многих регионах мира выработка сильно падает в зимний период. Не спасает в этом вопросе и ветровая генерация, которая может показывать высокую выработку ночью, а безветренным днем или в периоды сильного ветра вовсе не обеспечивать производство электроэнергии. Как показывает практика наблюдений за ветровой энергетикой в ЕС, провалы выработки могут длиться неделями. Подобные проблемы требуют резервирования возобновляемой генерации или накопления и последующей отдачи в сети произведенной электрической энергии. Причем чем выше доля ВИЭ в энергобалансе, тем большие затраты на резервирование потребуются (поскольку со снижением коэффициента использования установленной мощности (КИУМ) растет себестоимость генерации на традиционных станциях). Кратно растут затраты и на накопление, если рассматривать режимы не внутрисуточные (днем/ночью заряд, в утренние и вечерние пики отдача), а запас на несколько дней, что требует существенно больших мощностей с очень низким

количеством циклов работы в течение года. Проще говоря, с ростом доли новых ВИЭ в генерации системные затраты увеличиваются непропорционально, и эта логика верна для всех стран мира (см. рисунок 2 на с. 14). Конкретный уровень затрат зависит от доступности ресурсов, исходной структуры генерации электроэнергии, природно-климатических условий, возможностей балансировки перетоками с соседними странами и многих других параметров. В полностью безуглеродных системах (где 100% генерации – ВИЭ) единственным решением для покрытия долгосрочных провалов в генерации является преобразование электричества в другой вид энергии для хранения, в частности в водород. Но такие решения достаточно дороги, как из-за затрат на оборудование (электролизная установка, хранилище водорода, топливный элемент), так и из-за потерь энергии в процессе преобразований [Кулагин и др. 2023]. Так, для сравнения: эффективность водородных систем по циклу «производство – заряд – разряд – подача в сеть» составляет 25–45%, при 85–95% для химических батарей [Environmental and Energy Study Institute 2019], а стоимость хранения в водородных системах (LCOS) превышает 300 долл./МВт·ч, против 150 долл./МВт·ч у химических источников тока [Lazard 2023]. При этом работа с водородом предъявляет особые требования к безопасности.

Существуют ли иные способы производства энергии из возобновляемых источников, обладающие достаточной маневренностью, а значит, не имеющие недостатков, присущие СЭС и ВЭС? Теоретически – да. Это технологии, использующие энергию океана – например, донные турбины-генераторы, приводимые в работу за счет сильного приливного течения, генераторы-буи, использующие практически постоянную энергию волн, станции, работающие за счет океанотермической энергоконверсии на перепаде температур на дне и на поверхности океана [Lewis et al. 2011]. В меньшей степени к таким технологиям можно отнести станции-плотины приливного диапазона, поскольку они работают только в периоды прилива и отлива. Однако по показателю LCOE все «океанические» решения значительно дороже ВЭС и СЭС (см. таблицу 1 на с. 15), не говоря уже о традиционной генерации. Кроме того, до конца не изучены риски их применения с точки зрения окружающей среды – воздействия на морскую флору и фауну.

Таблица 1. Ключевые технологии, использующие для генерации электроэнергии энергию океана

Технология	Стадия отработки	LCOE 2023, долл. 2023/кВт·ч	LCOE 2050, долл. 2023/кВт·ч
Приливного диапазона (станции-плотины)	Действуют коммерческие станции	0,11–0,24	0,11–0,24
Приливного течения (донные турбины-генераторы)	Отрабатываются пилотные проекты	~ 0,9	< 0,14
Преобразование энергии волн (генераторы-буи)	Отрабатываются опытные проекты	~ 1,024	< 0,21
Преобразование тепловой энергии океана (ОТЭК-станции)	Имеются экспериментальные станции	~ 0,26	~0,13

Источник: IRENA 2023b, European Commission 2021, ETIP OCEAN 2020.

Существует и более дешевая альтернатива, чем океанические решения — гидроэлектростанции, более ста лет используемые человечеством. Получение электроэнергии на крупных гидроэлектростанциях (ГЭС) сравнительно дешево — от 0,02 долл. 2023/кВт·ч. В некоторых странах они являются основным источником производства электроэнергии, например в Норвегии их доля превышает 90%. Но в целом по миру ГЭС обеспечивают только 15% в производстве электроэнергии и 8% в первичном потреблении [IEA 2023]. Сдерживающими факторами для развития гидроэнергетики являются ограниченный гидропотенциал во многих странах, географическая разнесенность гидроресурсов и центров потребления, потребность в специфичных ландшафтных условиях для установки. Достаточно большой критике подвергается гидроэнергетика со стороны экологов, в частности из-за нарушения экосистем в зоне затопления. Растущий интерес проявляется к мини-ГЭС и микро-ГЭС, которые теоретически могут размещаться даже на небольших проточных водоемах. Но они часто демонстрируют нестабильную выработку и оказываются дороги по стоимости производства электрической энергии — LCOE микро-ГЭС в среднем по миру начинается от 0,13 долл. 2023/кВт·ч [IRENA 2023a].

Еще один вариант — использование геотермальной энергии, уже получившей достаточно широкое распространение в подходящих для этого местах (выход на поверхность гейзеров, горячих источников и пр.). Рассматриваются и варианты применения геотермальных систем нового поколения, использующих энергию с больших глубин посредством бурения глубоких скважин. Однако пока затраты на производство электроэнергии по таким технологиям превышают 0,45 долл./кВт·ч. Для этих решений все сильно зависит от геотермического градиента (уровня температур на различных глубинах от поверхности Земли) — чем раньше удастся перейти к высоким температурам, тем выше вероятность вхождения станции в зону экономической эффективности.

Дороговизна одних технологий ВИЭ и несовершенство других в части непредсказуемости динамики выработки на фоне активизации низкоуглеродной повестки возвращают интерес к безуглеродным атомным технологиям. Производство электроэнергии на АЭС по показателю LCOE зачастую дороже других безуглеродных альтернатив, а кроме того, требует больших капиталовложений и беспрецедентных (по сравнению с другими способами генерации) мер безопасности, но в отличие от ВЭС и СЭС они могут работать без провалов выработки и для них достаточно внутрисуточного балансирования, что дает существенную экономию на системах резервирования и накопления по сравнению с системами на ВИЭ. Но и здесь не обойтись без резервирующих мощностей или использования накопителей энергии, что делает необходимым анализ ситуации в технологиях сегмента хранения энергии.

3. Технологии накопителей энергии

Технологии накопления важны не только для балансировки выработки электроэнергии на безуглеродных источниках, но и для обеспечения электрификации секторов конечного потребления: они используются в потребительской электронике,

автономных системах энергоснабжения, на транспорте и пр. Несмотря на широкий спектр предлагаемых решений в сфере накопления энергии, все они могут быть классифицированы на:

- Физические системы. В них поступающая от источника генерации электроэнергии преобразуется в кинетическую, потенциальную или тепловую, а затем обратно в электрическую. К таким накопителям относятся: ГАЭС, тепловые накопители, системы со сжатым воздухом, маховики.
- Электрохимические системы. Они осуществляют накопление и последующую отдачу электроэнергии посредством химической реакции. К ним относятся: щелочные батарейки, свинцово-кислые аккумуляторы, литий-ионные, редокс-ванадиевые батареи и пр.
- Водородные системы. В них посредством электролиза воды производится чистый водород, который впоследствии подается на топливный элемент для выработки электричества.
- Электрические – суперконденсаторы и сверхпроводники. Они хранят и отдают электроэнергию без ее преобразования.
- Химико-термические системы. В них электроэнергия преобразуется в топливо (синтез-газ, либо водород), которое затем сжигается.

Одновременно с этим можно выделить пять основных секторов, формирующих потребность в хранении электроэнергии, в каждом из которых развернется конкуренция между различными технологиями накопителей с уникальным набором параметров. Важно отметить, что во многих случаях стоимостные параметры не являются определяющими. Для принятия решения о выборе могут быть важнее габариты, количество циклов заряда/разряда или скорость заряда и продолжительность работы. В сегментах хранения электроэнергии важно еще, для чего именно применяется резервирование и нужны ли дневные режимы работы или хранение в больших объемах на длительный период.

1. Сегмент крупных балансирующих электросистем. Именно он во многом должен принять на себя нагрузку по демпфированию провалов в выработке ВИЭ. Здесь ключевой параметр – нормированная стоимость хранения энергии, учитывая коммерческую направленность подобных проектов. Важным параметром является компактность (единица занимаемой площади на единицу мощности хранилища). Немаловажен и срок службы, поскольку такие объекты могут вписываться в городскую инфраструктуру на многие годы, и энергопотери на цикл заряда/разряда.
2. Сегмент бесперебойного/резервного питания у потребителей на случай аварий и нештатных ситуаций предельно чувствителен к первоначальной стоимости приобретения накопителя (за весь срок службы он может отработать всего один-два раза, если энергоснабжение осуществляется бесперебойно, поэтому показатель LCOS для таких систем теряет смысл). При этом важен рабочий диапазон температур, поскольку источники бесперебойного питания могут требоваться в экстремальных климатических условиях.
3. Сегмент энергоемкой портативной электроники – мобильных телефонов, планшетов, электрических зубных щеток и прочих автономных электро-

приборов. Накопитель должен быть легким и компактным, а также обеспечивать максимальную длительность работы по умеренной цене.

4. Сегмент накопителей для средств малой мобильности – электросамокатов, моноколес, дронов, роботов-доставщиков, складских погрузчиков и пр. Он чувствителен к стоимости накопителя (она не должна существенно влиять на стоимость техники). Значима также удельная выдаваемая мощность, поскольку аккумулятор должен при небольших размерах обеспечивать приличный запас хода.
5. Сегмент накопителей для автотранспорта на электроприводах – электромобилей, электробусов, речных трамваев на электротяге и пр. Он чувствителен к стоимости накопителя (выражается в приведенной стоимости аккумулятора на цикл зарядки за срок владения автомобилем), а также компактности батареи и скорости перезаряда.

Ключевые параметры, которые важны при принятии решения о выборе накопителя в каждом из сегментов, и перспективы изменения этих параметров до 2050 г. представлены в таблицах (см. таблицы 2–6 на с. 18–20).

Таблица 2. Ключевые характеристики технологий хранения электроэнергии для балансирующих систем в электроэнергетике

	LCOS, долл. 2023/МВт·ч		Компактность системы, м куб./МВт·ч	Срок службы в циклах заряда-разряда и годах	КПД на цикл накопление-отдача, %
	2023	2050			
ГАЭС	105	100	500–5000	30–60 лет	70–85
Гравитационные	350	315	>100	30 лет	70–80
Тепловые	211	180	5–15	30 лет	50–60
Маховики	620	555	13–50	20 000–100 000 циклов (более 50 лет)	70–85
Сжатый воздух	230	200	150–500	20–40 лет	40–50
Lead-acid	881	724	10–15	500–600 циклов (1–2 года)	85–95
Li-ion	175	135	1–5	1000–8000 циклов (3–20 лет)	85–95
Na-ion	230	120	3–5	~5000 циклов (15 лет)	85–95
VO-flow	315	205	25–50	~20 000 циклов (до 60 лет)	70–80
H ₂ fuel cell	350	250	1–2	5–30 лет	25–45
Hydrogen-to-power	400	350	н/д	20–40 лет	25–40
SNG-to-power	450	380	н/д	20–40 лет	20–30
СПИН (сверхпродуктивный индукционный накопитель энергии)	Более 3000	Более 2000	>100	20–30 лет	более 95

Источник: составлено авторами.

Таблица 3. Ключевые характеристики технологий хранения электроэнергии для накопителей на стороне потребителей (в сегменте бесперебойного / резервного питания)

	Удельная стоимость емкости, долл. 2023/кВт.ч		Срок службы системы, лет	Оптимальный рабочий диапазон температур, °С
	2023	2050		
Lead-acid	90	90	3–5	+15... +25
Li-ion	120–400	95–300	~ 10	0...+40
Na-ion	151	65	10–15	0...+40
NiCd	350	350	До 20	–20...+40
VO-flow	650	430	20–30	+10...+40
H ₂ fuel cell	750	550	До 30	0...+80
Маховики	1500	1350	До 30	Теоретически не ограничен

Источник: составлено авторами.

Таблица 4. Ключевые характеристики технологий хранения электроэнергии для энергоемкой портативной электроники

	Удельная энергоемкость, Вт.ч/кг (объем энергии, вмещаемый в единицу массы)		Средняя удельная стоимость массы единицы емкости, долл. 2023 г. (стоимость единицы массы)		Время цикла полного заряда
	2023	2050	2023	2050	
Li-ion	200–300	250–350 (потенциально более 1000)	0,45	0,35	5–60 мин
Na-ion	80–120	100–150	0,65	0,45	20–60 мин
NiCd	40–60	40–60	7	7	4–6 ч
NiMH	140–300	140–300	2,75	2,75	4–6 ч

Источник: составлено авторами.

Таблица 5. Ключевые характеристики технологий хранения электроэнергии для средств малой мобильности

	Удельная стоимость единицы емкости, долл. 2023/кВт.ч		Удельная мощность, Вт/кг	
	2023	2050	2023	2050
Lead-acid	90	90	100–250	100–250
Li-ion	141	110	200–500	250–800
Na-ion	150	65	100–200	150–300
NiMH	550	550	250–1000	250–1000

Источник: составлено авторами.

Таблица 6. Ключевые характеристики технологий хранения электроэнергии для автономного транспорта

	Приведенная стоимость батареи на цикл, долл. 2023/цикл заряд-разряд		Масса стандартной батарейки*, кг	Продолжительность цикла полного заряда
	2023	2050		
Li-ion	28	25	150–700	5–60 мин
Na-ion	30	13	350–700	20–60 мин
NiMH	111	111	200–400	4–6 ч
Lead-acid	20	18	1100–1800	6–8 ч

* Емкость средней батареи электромобиля составляет 55 кВт·ч

Источник: составлено авторами.

Практически во всех сегментах литий-ионные аккумуляторы оказываются в списке наилучших решений, что позволяет с уверенностью назвать литий новым золотом. Но в случае нехватки металла и существенного удорожания аккумуляторов с использованием лития возрастет интерес и к альтернативным решениям, например на основе натрия. При этом большинство решений по накоплению все еще достаточно дороги. Поэтому в электроэнергетике по показателю доступности энергии рациональным решением балансирования ВИЭ является резервирование за счет традиционной генерации.

4. Технологии производства и поставок ископаемых топлив

Истощение наиболее доступных месторождений и растущая межтопливная конкуренция в электроэнергетике и секторах конечного потребления стимулируют активизацию НТП в сфере производства, поставок и переработки ископаемых топлив. При этом широко используются достижения смежных отраслей науки: IT, химии, физики, материаловедения и др.

На всех элементах производственных цепочек эффективность работы удастся повысить внедрением умных и цифровых решений. Это затрагивает моделирование пластов, умное бурение, интеллектуальное управление трубопроводными потоками, цифровые автозаправочные станции и другие сегменты. Благодаря использованию датчиков и систем роботизированного осмотра появляется возможность своевременно выявить неполадки и не допустить аварийных ситуаций. Цифровые двойники всё более востребованы при отработке вариантов проекта до начала эксплуатации, тестировании нештатных ситуаций и программного обеспечения, обучении специалистов. Развитие отрасли беспилотных летательных аппаратов дает новые возможности для мониторинга месторождений и трасс трубопроводов (визуального и с использованием диагностической аппаратуры), проведения геологоразведки, обеспечения доставки грузов на удаленные объекты. В геологоразведке, добыче и транспортировке углеводородов внедряются алгоритмы искусственного интеллекта с обработкой больших массивов данных.

Программные решения в совокупности с внедрением оборудования для многокустового бурения, удлинением латералей и оптимизацией расхода пропанта на гидроразрыве пласта уже позволили совершить революцию в разработке низкопроницаемых коллекторов. Технологический прогресс продолжается как в этом направлении, так и в части снижения энергозатрат и повышения коэффициента извлечения нефти (КИН) для сверхтяжелых нефтей и керогена, где поверхностный ретортинг все чаще заменяется внутривластовыми технологиями добычи.

Стремление использовать ресурсы водных акваторий по мере истощения других запасов стимулирует развитие технологий шельфовой и глубоководной добычи. Здесь помимо морских платформ становятся всё более востребованы современные подводные роботизированные комплексы добычи.

Большое внимание компании уделяют методам повышения нефтегазоотдачи – используются различные конфигурации поверхностно активных веществ (ПАВ), отрабатываются варианты с термическим воздействием на пласт и закачкой разных видов газов, включая CO_2 .

В транспортировке по трубопроводам повысить эффективность позволяет улучшение характеристик используемых материалов, увеличение давления, гладкостные покрытия, антифрикционные присадки, роботизация процессов дефектоскопии и ремонта.

При переработке ископаемых ресурсов активно применяются новые решения, направленные на повышение выхода наиболее ценных и дорогостоящих компонент и адаптацию к изменению входящего сырья. При этом в некоторых проектах есть возможность достигнуть хорошего синергетического эффекта за счет переработки сырья для последующего получения топлива более высокого качества и одновременного производства химической продукции.

Значительно расширяются возможности традиционной энергетики в обеспечении автономного энергоснабжения. Появляется оборудование для устойчивого снабжения объектов на основе различных топлив: компримированного природного газа, СУГ, сжиженного газа, угля, дизеля.

Совершенствуется и тепловая генерация, где основные усилия направлены на повышение эффективности сжигания в турбинах, обеспечение маневренности работы, внедрение систем минимизации выбросов.

5. Прогресс в технологиях улавливания, использования и хранения углерода (CCUS)

Низкоуглеродная повестка и планы по ведению налогов на выбросы парниковых газов, а также пограничные углеродные платежи стимулировали исследования в области CCUS, в том числе как элемента «озеленения» ископаемых топлив и улучшения их конкурентных позиций в меняющихся рыночных условиях.

Уже есть точечные проекты в местах добычи по улавливанию CO_2 и погружению обратно в пласт для вытеснения углеводородов. В качестве перспективных направлений использования технологий CCUS рассматриваются нефтегазохимия, переработка, производство водорода, металлургия, цементная промышленность,

тепловая генерация. Однако пока всё ограничивается стадией оценок и экспериментов из-за высоких затрат и необходимости существенной доработки элементов производственных цепочек, начиная со стадии улавливания.

Основными проблемами, сдерживающими расширение использования решений в области CCUS, являются:

- большие географические расстояния между центрами эмиссии CO₂ и приемлемыми местами хранения;
- риски воздействия на окружающую среду процессов CCUS из-за высокого углеродного следа самих подобных производственных цепочек и возможных утечек CO₂ после захоронения;
- снижение КПД тепловой генерации при использовании процессов CCUS из-за высоких энергозатрат процесса;
- необходимость мониторинга и обслуживания хранилищ CO₂ на длительных временных горизонтах с постоянными затратами.

Перспективы CCUS будут определяться как способностью решить часть обозначенных проблем, так и уровнем цен на выбросы CO₂, который напрямую влияет на экономическую эффективность решений. При этом их технологическое совершенствование будет продолжаться за пределами энергетики там, где выделение углекислого газа является частью производственного процесса. Со временем новые решения могут быть и более востребованы в энергетическом секторе.

Заключение

Ключевыми драйверами технологической трансформации энергетики становятся изменения потребительского спроса, приоритеты регулирования, появление новых возможностей и ограничений в секторе из-за научных прорывов и потребности в переходе на более сложные объекты добычи. При этом сама энергетика преобразуется на глазах, переходя от замкнутых топливных рынков к единой взаимосвязанной конкурентной системе.

Запросы общества к энергетическим системам существенно меняются с одновременным появлением принципиально новых видов бытового и промышленного энергопотребляющего оборудования, транспортных средств. Во всех сегментах конечного потребления идет процесс постепенной электрификации. И именно производство электроэнергии становится основным полем межтопливной конкуренции в глобальной энергетике.

Себестоимость производства электроэнергии на базе солнечных установок и ветрогенерации для многих стран мира становится ниже, чем генерация на ископаемых топливах. Отрабатываются и иные безуглеродные решения, которые локально могут проникать в зоны конкурентоспособности. Но при росте доли ВИЭ в балансе выработки существенно увеличиваются и системные затраты (резервирование, хранение, сетевая инфраструктура и пр.), а значит, цены на энергию для конечных потребителей. Таким образом, становится важен поиск баланса между целями по доступности энергии и целями по ее экологичности.

Критическими в безуглеродных энергосистемах, учитывая неравномерную выработку ВИЭ станций, становятся вопросы накопления и хранения энергии. В этом направлении продолжаются активные исследования и отработки технологий. На данном этапе с относительной уверенностью можно говорить, что литий-ионные решения пока являются оптимальными по сравнению с другими альтернативами для большинства сегментов хранения. Однако вызывает опасения высокая зависимость батарей от редких металлов, что, в свою очередь, стимулирует поиск альтернативных решений по хранению электрической энергии. Причем в каждом из сегментов использования батарей оптимум по требуемым параметрам свой, что позволяет занять свои ниши сразу несколькими технологиями. Для долгосрочного хранения электроэнергии (когда нужно покрывать провал генерации длиной в несколько недель) по большому счету нет безуглеродных альтернатив, кроме водорода, который крайне дорог. Это делает резервирование ископаемой генерацией пока практически неизбежной экономически разумной опцией.

НТП в ископаемой энергетике позволит ей, несмотря на исчерпание наиболее доступных месторождений, продолжать обеспечивать высокие уровни добычи и предлагать потребителям новые более эффективные решения по энергоснабжению. Одновременно рынкам газа и угля нужно быть готовыми работать в более стохастичных режимах из-за перепадов в производстве ВИЭ. Фактически ископаемые топлива и ВИЭ становятся не только конкурентами, но и важными взаимодополняющими элементами новой энергетической системы, которая должна предлагать потребителю и доступную, и более экологичную энергию.

Предстоящие десятилетия будут эрой активной технологической конкуренции, причем во всех сегментах производства, поставок и потребления энергоресурсов. При этом в глобальной энергетике будет возрастать доля торговли оборудованием и услугами. И в этой технологической гонке крайне важно не только выбрать верные приоритеты, но и сформировать реально работающие механизмы прохождения технологической инновации от теории до промышленного выпуска.

Хорошие перспективы откроются перед теми компаниями и странами, которые способны будут интегрироваться в меняющуюся систему, обеспечив технологическую готовность к этой адаптации.

Библиография

Кулагин В.А., Грушевенко Д.А. Водородная энергетика: за и против // Экология, энергетика, энергосбережение: бюллетень / под ред. ак. РАН Клименко А.В. М.: ПАО «Мосэнерго». Вып. 2, 2023.

Перспективы развития мировой энергетики с учетом влияния технологического прогресса / под ред. В.А. Кулагина. М.: ИНЭИ РАН, 2020. Режим доступа: https://www.eriras.ru/files/monograph_2020_ed_kulagin_v_a.pdf

Прогноз развития энергетики мира и России 2024 / под ред. А.А. Макарова, В.А. Кулагина, Д.А. Грушевенко, А.А. Галкиной. М.: ИНЭИ РАН, 2024. Режим доступа: <https://www.eriras.ru/files/prognoz-2024.pdf>

AEGIR, 2022. LCOE: update on recent trends (offshore). Режим доступа: <https://www.nrel.gov/wind/assets/pdfs/engineering-wkshp2022-1-1-jensen.pdf>

Akbulatov A.F. et al. Probing the Intrinsic Thermal and Photochemical Stability of Hybrid and Inorganic Lead Halide Perovskites // Journal of Physical Chemistry Letters. 2017. Vol. 8. Issue 6. P. 1211–1218. Режим доступа: <https://doi.org/10.1021/acs.jpcllett.6b03026>

Deloitte, 2023. How Companies Can Integrate ESG in Capital Allocation – and Why It Matters. WSJ. Jul 19, 2023. Режим доступа: <https://deloitte.wsj.com/sustainable-business/how-companies-can-integrate-esg-in-capital-allocation-and-why-it-matters-a546a6c1>

DNV, 2022. Energy Transition Outlook 2022: The Rise of Renewables. Режим доступа: <https://www.dnv.com/energy-transition-outlook/rise-of-renewables.html#:~:text=From%20today%20to%202050%2C%20wind,sees%20cost%20reductions%20of%2052%25>

DNV, 2023. Energy Transition Outlook 2023. Режим доступа: <https://www.dnv.com/energy-transition-outlook/download.html>

Environmental and Energy Study Institute. Energy Storage. February 2019 : Fact Sheet. Режим доступа: https://www.eesi.org/files/FactSheet_Energy_Storage_0219.pdf

EU Parliament. Press Release: Long-awaited common charger for mobile devices will be a reality in 2024. April 2022. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220930IPR41928/long-awaited-common-charger-for-mobile-devices-will-be-a-reality-in-2024>

ETIP OCEAN, 2020. 2030 Ocean Energy Vision. Режим доступа: https://www.etipoccean.eu/knowledge_hub/2030-ocean-energy-vision/

ETIP WIND, 2021. Getting fit for 55 and set for 2050. Режим доступа: <https://etipwind.eu/files/reports/Flagship/fit-for-55/ETIPWind-Flagship-report-Fit-for-55-set-for-2050.pdf>

European Commission, 2021. EU Strategic Energy Technology (SET) Plan. Режим доступа: https://setis.ec.europa.eu/implementing-actions/ocean-energy_en

Grushevenko D., Kapustin N. Modelling of energy consumption in the transport sector // AIP Conference Proceedings. 2023. Vol. 2552.

IEA, 2023. World Energy Outlook 2023 Free Dataset. Режим доступа: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/world-energy-outlook-2023-free-dataset-2>

IRENA, 2023a. Renewable Power Generation Costs in 2022. Abu Dhabi. Режим доступа: <https://www.irena.org/Publications/2023/Aug/Renewable-Power-Generation-Costs-in-2022>

IRENA, 2023b. Scaling up investment in clean energy technologies. Abu Dhabi. Режим доступа: <https://mc-cd8320d4-36a1-40ac-83cc-3389-cdn-endpoint.azureedge.net/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2023>

Karn A., Raj K.B., Gupta R., Pustokhin D., Pustokhina I., Alharbi M., Vairavasundaram, S., Varadarajan V., Sengan S. An Empirical Analysis of the Effects of Energy Price Shocks for Sustainable Energy on

the Macro-Economy of South Asian Countries // *Energies*. 2022. Vol. 16. Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/en16010363>

Kulagin V. A., Grushevenko D. A. Will Hydrogen Be Able to Become the Fuel of the Future? // *Thermal Engineering*. 2020. Vol. 67. P. 189-201. Режим доступа: <https://doi.org/10.1134/S0040601520040023>

Lazard. LCOE Lazard. April 2023. Режим доступа: <https://www.lazard.com/media/20zoovyg/lazards-lcoeplus-april-2023.pdf>

Lewis A., Estefen S., Huckerby J., Musial W., Pontes T., Torres-Martinez J. Ocean Energy // IPCC Special Report on Renewable Energy Sources and Climate Change Mitigation / Edenhofer O., Pichs-Madruga R., Sokona Y., Seyboth K., Matschoss P., Kadner S., Zwickel T., Eickemeier P., Hansen G., Schlömer S., von Stechow C. (eds.). Cambridge, UK, and New York, NY, USA: Cambridge University Press, 2011. Режим доступа: <https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/03/Chapter-6-Ocean-Energy-1.pdf>

Makarov A., Mitrova T. & Kulagin V. Long-term development of the global energy sector under the influence of energy policies and technological progress // *Russian Journal of Economics*. 2020. Vol. 6. No 4. P. 347–357. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.55196>

Moses J.B.K, Oludolapo A.O. The levelized cost of energy and modifications for use in electricity generation planning // *Energy Reports*. 2023. Vol. 9. Supp. 9. P. 495–534. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.egy.2023.06.036>

ОПЕС, 2023. World Oil Outlook. Vienna. Режим доступа: https://www.opec.org/opec_web/en/publications/340.htm

VDMA, 2022. International Technology Roadmap for Photovoltaic. Results (ITRPV). Режим доступа: <https://www.vdma.org/viewer/-/v2article/render/78984725/>

Сдвиги в торговых взаимосвязях США и Китая со странами-партнерами: что изменилось за «пятилетку бурных перемен»

Гнидченко А.А.

Гнидченко Андрей Андреевич – к.э.н., ведущий эксперт Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), старший научный сотрудник ИНП РАН, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ.

SPIN РИНЦ: 2707-6004

ORCID: 0000-0002-0678-8324

ResearcherID: D-7048-2017

Scopus AuthorID: 55935059300

Для цитирования: Гнидченко А.А. Сдвиги в торговых взаимосвязях США и Китая со странами-партнерами: что изменилось за «пятилетку бурных перемен» // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. №2(6). EDN: APKIWX

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-26-42>

Ключевые слова: торговля, товары, услуги, США, Китай, страны-партнеры.

Настоящая работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г. (ТЗ-52). Предварительные результаты работы докладывались 25 апреля 2024 г. на круглом столе департамента мировой экономики НИУ ВШЭ «Перспективы развития мировой экономики в условиях глобальной экономической фрагментации».

Аннотация

В статье отслеживаются сдвиги в экономических взаимосвязях США и Китая со странами-партнерами в контексте торговли товарами и услугами. Разрабатывается авторская группировка важнейших стран-партнеров и регионов: Китай, США, Северная Америка (кроме США), Европа, АСЕАН, страны альянса Сип 4 (Южная Корея, Япония и Тайвань), Индия, прочие страны. Выделяется три этапа динамики торговых взаимосвязей: активная фаза торговой войны США и Китая (июль 2018 г. – январь 2020 г.); постковидное восстановление мировой экономики (февраль 2020 г. –

январь 2022 г.); геополитическая турбулентность (февраль 2022 г. – настоящее время).

В части внешней торговли товарами описываются изменения взаимодействия США и Китая с группами стран-партнеров на каждом этапе; отдельно рассматривается динамика внешней торговли услугами США по странам-партнерам. Демонстрируется, что устойчивое сокращение торговли между США и Китаем по товарам отмечалось только на третьем этапе (спад во время торговой войны оказался временным), тогда как по услугам – начиная со второго этапа. На третьем этапе – параллельно со снижением дефицита торговли товарами США с Китаем – произошел рост дефицита со странами АСЕАН, альянса ChIP 4 и Северной Америки (частично за счет реэкспорта китайских товаров). При этом Китай с 2020 г. достиг рекордной доли в мировом экспорте товаров (около 16%) и продолжает ее удерживать.

Представлена авторская ранжировка стран и регионов мира, которые в перспективе могут оказывать наиболее сильное влияние на рост и структурную перестройку мировой торговли: Китай, АСЕАН, Северная Америка, Россия и Индия. Учитывались такие факторы, как сохранение исключительных позиций Китая в мировой торговле даже в условиях противостояния со странами Запада, активное интеграционное развитие и высочайшая торговая связность стран АСЕАН, значительные усилия США к реинтеграции Северной Америки и возвращению высокотехнологичных производств на континент, очень высокая заинтересованность России в развитии сотрудничества в рамках БРИКС и децентрализации международных платежей, а также становление Индии как крупного рынка сбыта.

Введение

Значительные изменения во внешнеторговых взаимосвязях крупнейших экономик мира – Китая и США – стали происходить с конца 2018 г. Прежде всего это отражалось в сдвигах географической структуры их внешней торговли товарами. Такая структурная перестройка периодизируется на три этапа.

Первый этап соответствует активной фазе торговой войны между США и Китаем (с июля 2018 г. по январь 2020 г.¹) в форме взаимного повышения пошлин на импорт, завершившейся заключением торговой сделки. Однако она не означала прекращение противостояния, а скорее перевела его в другие форматы. Сразу же после подписания торговой сделки начался *второй этап*, на котором сильное влияние на международную торговлю оказывали сначала локдауны во время пандемии коронавируса, а затем – активное постковидное восстановление мировой экономики². Этот импульс практически исчерпался к началу 2022 г. С февраля начался

¹ Первые масштабные тарифы в рамках торговой войны введены 6 июля 2018 г., а 15 января 2020 г. США и Китай оформили первую фазу торговой сделки [Bown 2021].

² Важным последствием активного восстановления, в том числе за счет фискальных стимулов, стал беспрецедентный в XXI веке рост инфляции в развитых странах [Chau et al. 2024].

третий этап, характеризующийся крайне высокой геополитической напряженностью на фоне вспыхнувшего конфликта России и Украины, а затем — обострения противоречий и в других регионах мира (Китай — Тайвань; Израиль — Палестина, с прямыми последствиями для судоходства в Красном море).

Цель исследования — систематизировать изменения во внешнеторговых взаимосвязях США и Китая с основными группами стран-партнеров на всех этапах структурной перестройки глобальной торговли, а также сделать вывод о вероятных странах-драйверах перспективных структурных изменений. Для достижения этой цели используется методология, основанная на статистическом анализе, группировке объектов по географическому и отраслевому признаку, экспертной оценке перспектив на основе экстраполяции трендов.

В разделе 1 представлена и обоснована авторская группировка стран-партнеров США и Китая. В разделе 2 освещены этапы динамики международной торговли двух указанных стран в разрезе ключевых групп стран-партнеров, с акцентом на особенности каждого из трех этапов (на основе анализа национальных статистических данных США и Китая о торговле товарами и данных ВТО о торговле услугами). В разделе 3 предложен взгляд автора на перспективы дальнейшего развития мировой торговли.

1. Принципы группировки стран-партнеров США и Китая

Для удобства и лаконичности представления информации в статье используется парный принцип анализа: оценки торговых взаимосвязей со странами-партнерами представляются с точки зрения двух крупнейших экономик мира — США и Китая. При этом выделяется несколько групп стран-партнеров с учетом следующих принципов.

Во-первых, в явном виде представляются данные по торговле с другой крупнейшей страной-конкурентом (для США — с Китаем, а для Китая — с США). Это позволяет фиксировать последствия торговой войны и других шоков для прямой торговли США и Китая (разрез, который при обсуждении глобальной торговли рассматривается наиболее часто).

Во-вторых, демонстрируются оценки торговли с Северной Америкой (Мексика и Канада). Для США выделение этого региона позволяет отследить процессы реинтеграции Северной Америки в рамках сменившего NAFTA и вступившего в силу в июле 2020 г. соглашения USMCA [Brookings 2024]. Для Китая сфокусированное рассмотрение торговли с Северной Америкой дает возможность фиксировать в том числе и непрямую торговлю с США через посредничество мексиканских и канадских компаний.

В-третьих, описывается динамика торговли США и Китая со странами Европы (включены ЕС, Великобритания, Швейцария, Норвегия, Исландия³), представля-

³ В национальных статистических данных США и Китая по внешней торговле группировки стран по регионам мира различаются. Например, если в группировке США Турция относится к Европе, то в китайской группировке — к Азии. В обеих группировках Россия, Украина и Беларусь относятся к Европе, но в рамках настоящего исследования представляется более правильным определить Европу как более узкую общность развитых стран, ориентирующихся на западные ценности. Таким образом, Россия, Украина, Беларусь и ряд других стран (таких как Сербия, Молдова и некоторые другие) в рамках настоящего исследования отнесены к группе прочих стран.

ющими третью сторону в балансе крупнейших экономик. Это позволяет иллюстрировать изменение зависимости Европы от Китая (которая особенно велика в таких секторах, как производство электромобилей и оборудование для солнечной энергетики — см. [Mazzocco 2023]) и ее взаимосвязей с США. Для ЕС сейчас сильные позиции Китая в торговле выступают, по крайней мере в восприятии европейской элиты, важной геополитической проблемой, для изучения которой Еврокомиссия финансирует исследовательский проект China Horizons (задействован консорциум из девяти исследовательских центров⁴).

В-четвертых, активно развивающийся азиатский регион разбивается на три группы: динамично растущие страны интеграционного блока АСЕАН⁵ (для США — потенциальная замена хотя бы части китайского импорта, для Китая — крупное и близко расположенное интеграционное объединение с хорошей логистикой⁶), страны альянса Chip 4 (Южная Корея, Япония и Тайвань, тяготеющие к западным странам и в последние годы вовлеченные в американский проект по координации поставок чипов⁷), Индия (для США — традиционный партнер в Азии⁸ и противовес Китаю, для последнего — один из «зарождающихся» потенциальных конкурентов).

Наконец, все остальные партнеры, в том числе Россия, объединяются в группу «прочие». Отметим, что выделение России в отдельную категорию в контексте проводимого в статье анализа нецелесообразно. Для США Россия не является существенным поставщиком, кроме ряда сырьевых товаров. Для Китая Россия, даже после активизации взаимодействия в 2022–2023 гг., все еще остается менее значимым рынком сбыта, чем, например, Индия (за исключением отдельных товаров, таких как автомобили).

Работа опирается в первую очередь на национальные статистические данные США и Китая о торговле товарами, данные CPB World Trade Monitor, используемые для оценки доли двух крупнейших экономик в глобальной торговле, данные UN Comtrade для представления отраслевого разреза торговли товарами, а также данные ВТО по торговле услугами.

2. Этапы динамики торговли США и Китая

2.1. Торговля товарами

На *первом этапе* — в процессе торговой войны между США и Китаем — инициировавшие ее США формально добились снижения импорта из Китая (и, соответ-

⁴ <https://chinahorizons.eu>

⁵ В блок входят 10 стран: Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянма, Камбоджа.

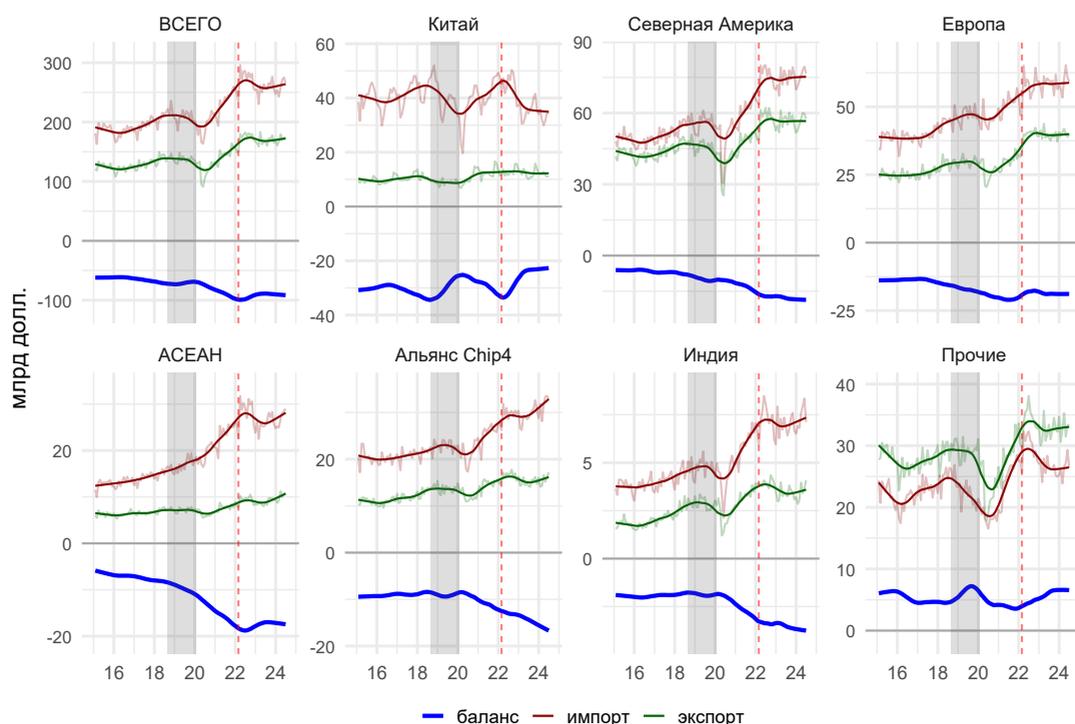
⁶ Сейчас Китай и АСЕАН выступают друг для друга крупнейшими торговыми партнерами. Важно, что Китай публично заявляет о возможности совместного развития инфраструктурных проектов с АСЕАН: в частности, в рамках предложенной Си Цзиньпином инициативы «Морского Шелкового пути XXI века» [Bi 2021].

⁷ Стратегии отдельных стран на рынке чипов исследуются, например, в работе [Kim and Rho 2024].

⁸ С поправкой на сохранение Индией за собой «стратегической автономии» [Vanvari 2024].

ственно, уменьшения дефицита торговли с Китаем), однако сальдо торговли США в целом со всеми странами-партнерами почти не изменилось за этот период, хотя импорт перестал расти (см. рисунок 1 на с. 30). Сочетание данных факторов указывает на то, что импорт из Китая был замещен ввозом товаров из других стран. Впрочем, реальное замещение было лишь частичным, поскольку сразу стали развиваться маршруты реэкспорта китайской продукции в США через страны АСЕАН (в первую очередь через Вьетнам) и Северной Америки (Мексика, Канада)⁹. Косвенно об этом свидетельствует увеличение профицита внешней торговли Китая с отмеченными регионами: по сравнению с уровнем июля 2018 г. к январю 2020 г. рост профицита торговли Китая с АСЕАН по тренду оценивается в 46%, с Северной Америкой — в 17% (см. рисунок 2 на с. 31). От торговой войны несколько выиграла Европа, которая смогла нарастить экспорт в США (хотя и здесь, вероятно, частично присутствовал реэкспорт из Китая). Важно отметить, что реэкспортные процессы не были отличительной особенностью только первого этапа — в дальнейшем они не только не прекратились, но и, по косвенным признакам, даже усилились.

Рисунок 1. Динамика внешней торговли США товарами в разрезе ключевых групп стран-партнеров, январь 2015 г. — июнь 2024 г.

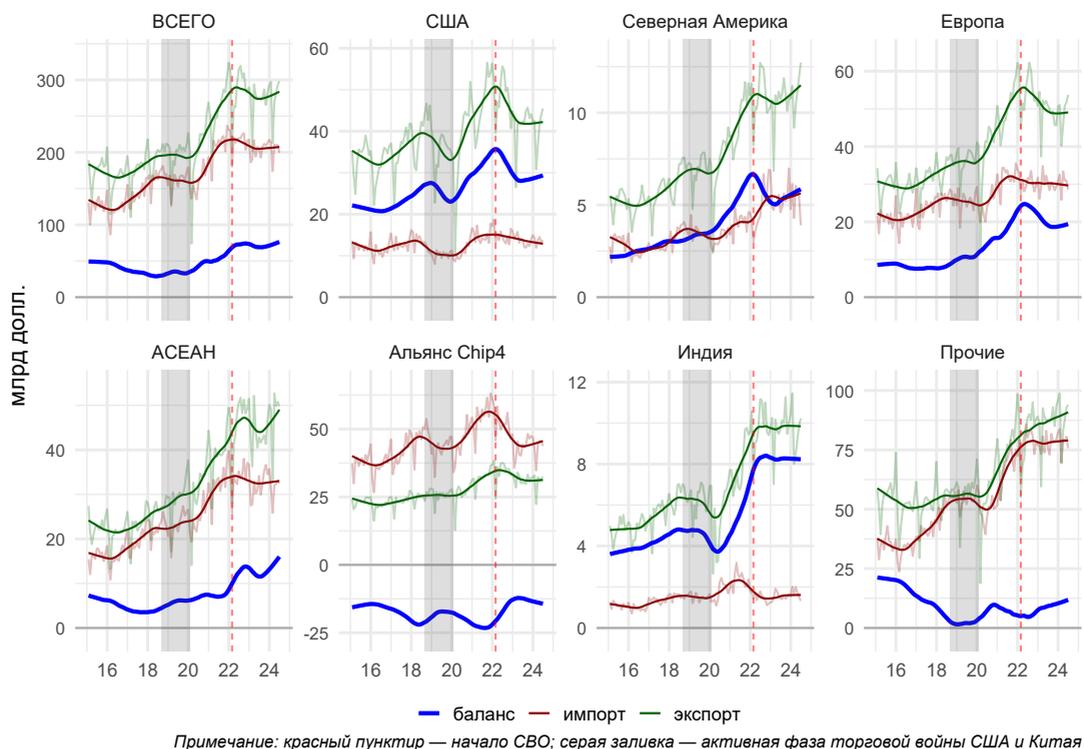

Примечание: красный пунктир — начало СВО; серая заливка — активная фаза торговой войны США и Китая

Источник: расчеты автора по данным Бюро цензов США.

⁹ См., в частности, анализ Nikkei Asia [Kitazume et al. 2019].

Рисунок 2. Динамика внешней торговли Китая товарами в разрезе ключевых групп стран-партнеров, январь 2015 г. — июнь 2024 г.

Источник: расчеты автора по данным Главного таможенного управления КНР.

Рисунок 3. Доля Китая и США в мировом импорте и экспорте товаров, январь 2017 г. — июнь 2024 г. (%)

Источник: расчеты автора по данным CPB World Trade Monitor.

На втором этапе — в процессе пандемии и постковидного перегрева мировой экономики — опережающий восстановительные темпы рост импорта во многих

странах мира, в том числе в США, позволил Китаю существенно нарастить экспорт товаров и выйти на рекордную долю в мировом экспорте — с 14% в 2019 г. до 16% в 2021 г. (см. рисунок 3 на с. 31)¹⁰. В дальнейшем, в 2023 г., доля Китая немного снизилась, но к середине 2024 г. вновь вернулась на высокую планку: во II квартале 2024 г. она составила 15,8% (тогда как доля США в мировом импорте — 14,0%)¹¹.

На данном этапе США стали закрывать дополнительную потребность в импорте, в первую очередь за счет поставок из стран АСЕАН и альянса Chip 4 (последние в период торговой войны практически не наращивали поставки в США, в отличие от постпандемийного периода, когда существенно возросли поставки тайваньской и корейской электроники¹²). Продолжилось медленное наращивание импорта из Европы, наметились ускорение поставок из Северной Америки и активизация сотрудничества с Индией. Хотя в последнем случае масштабы поставок незначительны, их резкий рост указывает на углубление сотрудничества, особенно в части импорта драгоценных камней и металлов, продукции машиностроения. В то же время итоги торговой войны в плане сокращения дефицита торговли с Китаем сошли на нет — к концу 2021 г. дефицит почти вернулся к уровню до начала торговой войны (а по китайским данным, значительно превысил этот уровень).

Китай в 2020–2021 гг. существенно нарастил экспорт в страны Северной Америки, что указывает на активные реэкспортные процессы в этом регионе. Основной рост пришелся на Мексику (+44% в 2021 г. к 2019 г., в первую очередь в части продукции машиностроения, металлургии и пластмасс), тогда как экспорт в Канаду увеличился в меньшей степени (+37%, в основном за счет оборудования и металлоизделий). К концу периода также достиг пиковых значений профицит торговли Китая с Европой и Индией (помимо машин и оборудования, внесших большой вклад в прирост экспорта Китая по обоим направлениям, значительно увеличились поставки химических продуктов в Индию, а также металлоизделий и автомобилей — в Европу). Взаимодействие со странами АСЕАН носило комплексный характер: в ходе постковидного восстановления существенно рос как экспорт, так и импорт Китая из АСЕАН. Дефицит торговли Китая со странами альянса Chip 4, в противовес общей тенденции, углубился и достиг нижней точки к концу периода (активно закупаются высокотехнологичные товары). Торговля с прочими странами, как и со странами АСЕАН, развивалась сбалансированно: отмечен уверенный рост как экспорта, так и импорта.

На *третьем этапе* — в процессе быстрых геополитических структурных изменений — произошло резкое охлаждение торговых взаимосвязей между двумя крупнейшими экономиками мира. США уже к 2023 г. сильно сократили импорт из Китая (особенно в части оборудования, электроники, пластмасс и металлоизде-

¹⁰ Оценки доли Китая в мировом экспорте приводятся по данным CPB World Trade Monitor.

¹¹ Это нужно иметь в виду при интерпретации периодически публикуемых негативных новостей об экспорте Китая, как, например, было в марте 2024 г. (см.: <https://www.reuters.com/markets/asia/chinas-march-exports-imports-shrink-miss-forecasts-by-big-margins-2024-04-12/>).

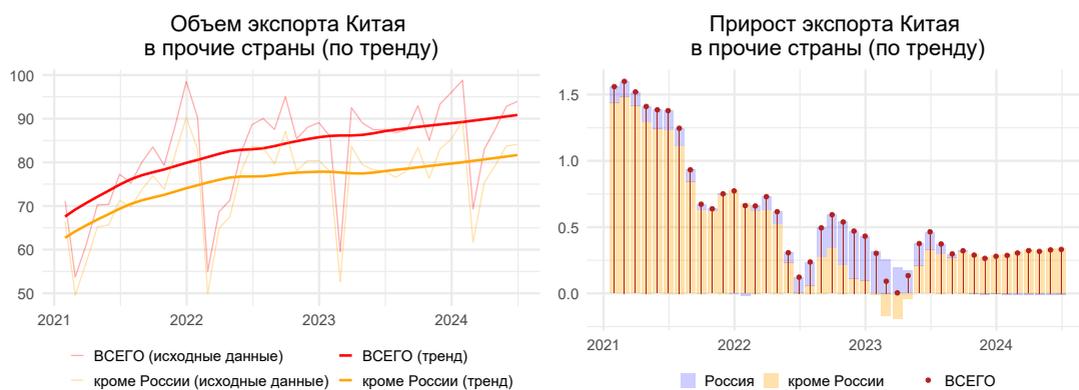
¹² Здесь и далее, отраслевой разрез торговли исследован по годовым данным UN Comtrade на уровне 2 знаков ТН ВЭД. Изучение более глубоких отраслевых деталей выходит за рамки цели исследования.

лий), прямой дефицит торговли с Китаем (без учета возможного реэкспорта) стал минимальным за последние годы, притом что совокупный дефицит торговли США остался на тех же высоких уровнях. Дефицит со странами АСЕАН, альянса Сhр 4 и Северной Америки параллельно углубился настолько, что по состоянию на начало 2024 г. по каждой из этих групп стран он оказался ненамного ниже дефицита торговли с Китаем, тогда как по всем отмеченным группам стран, вместе взятым, существенно превысил дефицит торговли с Китаем. Исключение — торговля США с европейскими странами, где произошел структурный сдвиг к несколько более активному экспорту в ЕС (в первую очередь за счет замещения российского топлива).

Китай в период геополитических структурных изменений значительно нарастил экспорт в страны блока АСЕАН (наибольший вклад в прирост дали Сингапур, Малайзия и Таиланд, а в товарном разрезе — транспортные средства, химические продукты, пластмассы, металлоизделия, а также нефтепродукты), продолжил поддерживать высокий уровень поставок в страны Северной Америки (в обоих случаях по косвенным признакам имел место реэкспорт в США). В то же время произошло явное сокращение экспорта китайских товаров в Европу (на фоне медленного роста импорта), а также заметно снизился ввоз товаров из стран альянса Сhр 4 в Китай (следствие их переориентации на США). Наконец, рост торговли Китая с прочими странами после ускорения в 2020–2021 гг. замедлился: импорт товаров стагнирует, тогда как экспорт умеренно растет.

Значимость России как рынка сбыта китайских товаров даже на третьем этапе остается ограниченной (за исключением автомобилей, объем поставок которых возрос за последние два года более чем в пять раз). Значительную роль Россия сыграла во второй половине 2022 г. — первой половине 2023 г. Тогда поставки Китая в США, Европу и даже страны АСЕАН просели, а экспорт в группу прочих стран, кроме России, перестал расти (см. рисунок 4 на с. 33). До середины 2023 г. Россия была одной из немногих стран, устойчиво наращивающих спрос на китайские товары — вследствие резко активировавшейся потребности в замещении продукции из западных стран.

Рисунок 4. Динамика экспорта Китая в прочие страны, январь 2021 г. — июнь 2024 г. (млрд долл.)

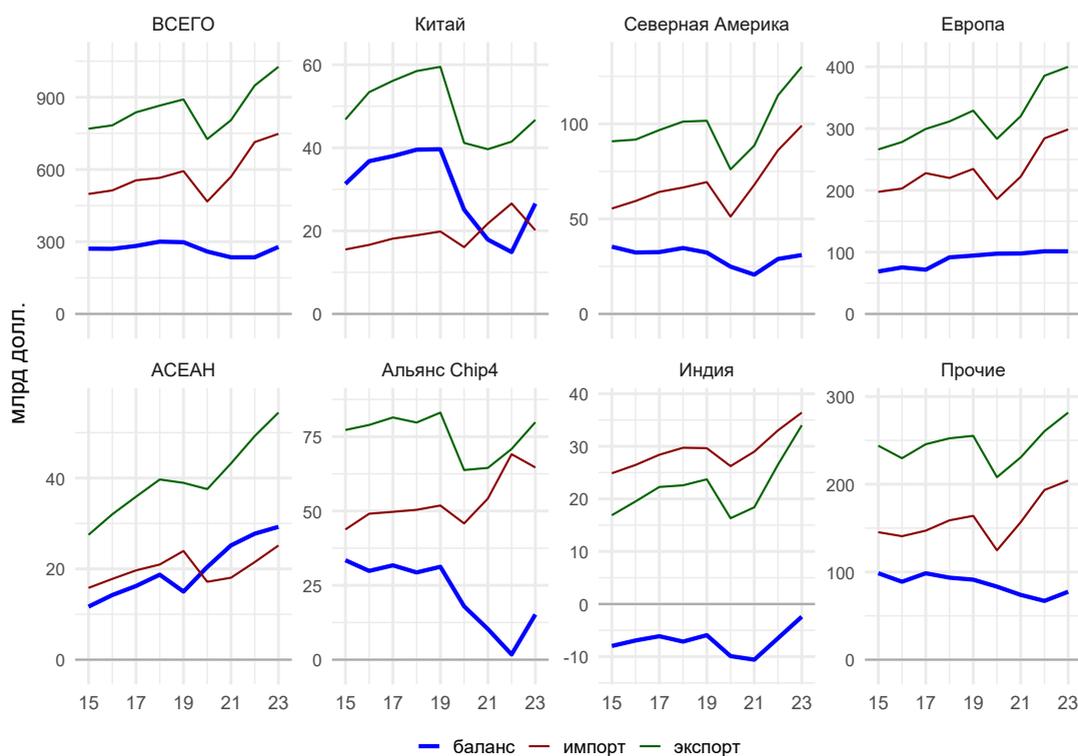
Источник: расчеты автора по данным Главного таможенного управления КНР.

Однако во второй половине 2023 г. — первой половине 2024 г. рост экспорта Китая в Россию прекратился, в то время как в прочие страны, напротив, восстановился. Это указывает на завершение процесса стихийной структурной перестройки российского рынка после санкций. Дальнейший рост торговли, как ожидается, должен быть связан с развитием новых форматов взаимодействия с дружественными странами, в том числе в рамках БРИКС.

2.2. Торговля услугами

Ограниченность данных по международной торговле услугами в разрезе стран-партнеров не позволяет провести такой же подробный анализ для услуг. Поэтому в этой части рассмотрение динамики внешнеторговых взаимосвязей производится только со стороны США (данные по Китаю не представлены в разрезе стран-партнеров). Для расчетов используются данные ВТО; на момент анализа последним доступным периодом выступает 2023 г.¹³

Рисунок 5. Динамика внешней торговли США услугами в разрезе ключевых групп стран-партнеров, 2015–2023 гг.

Источник: расчеты автора по данным ВТО.

¹³ Trade in services annual dataset, обновление от июля 2024 г.: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/trade_datasets_e.htm

В целом важной характеристикой внешней торговли США выступает устойчиво положительный баланс торговли услугами — в противовес ситуации с товарами, — что отражает уникальную роль США как поставщика продуктов интеллектуальной собственности, финансовых и консультационных услуг, а также туристическую привлекательность этой страны.

Переломным моментом для структуры торговых взаимосвязей США с другими государствами в части услуг стал 2020 г.: положительный баланс внешней торговли услугами с Китаем и странами альянса Chip 4 резко сократился, тогда как со странами АСЕАН продолжил увеличиваться (см. рисунок 5 на с. 34). В последующие годы данный процесс активно развивался: к 2022 г. импорт услуг из стран альянса Chip 4 возрос настолько, что сравнялся с экспортом.

Однако за общей картинкой скрывается крайне неоднородная динамика по видам услуг (визуализация динамики внешней торговли США по крупным категориям услуг представлена в Приложении А на с. 40–42). Резкое ухудшение торгового баланса по услугам в 2020 г. и его продолжавшееся падение впоследствии во многом обусловлены двумя секторами — транспортными услугами (см. рисунок А1), динамика которых, как правило, повторяет динамику торговли товарами, и туризмом (см. рисунок А2), сдерживаемым сначала жесткими коронавирусными ограничениями, а потом неполным восстановлением спроса.

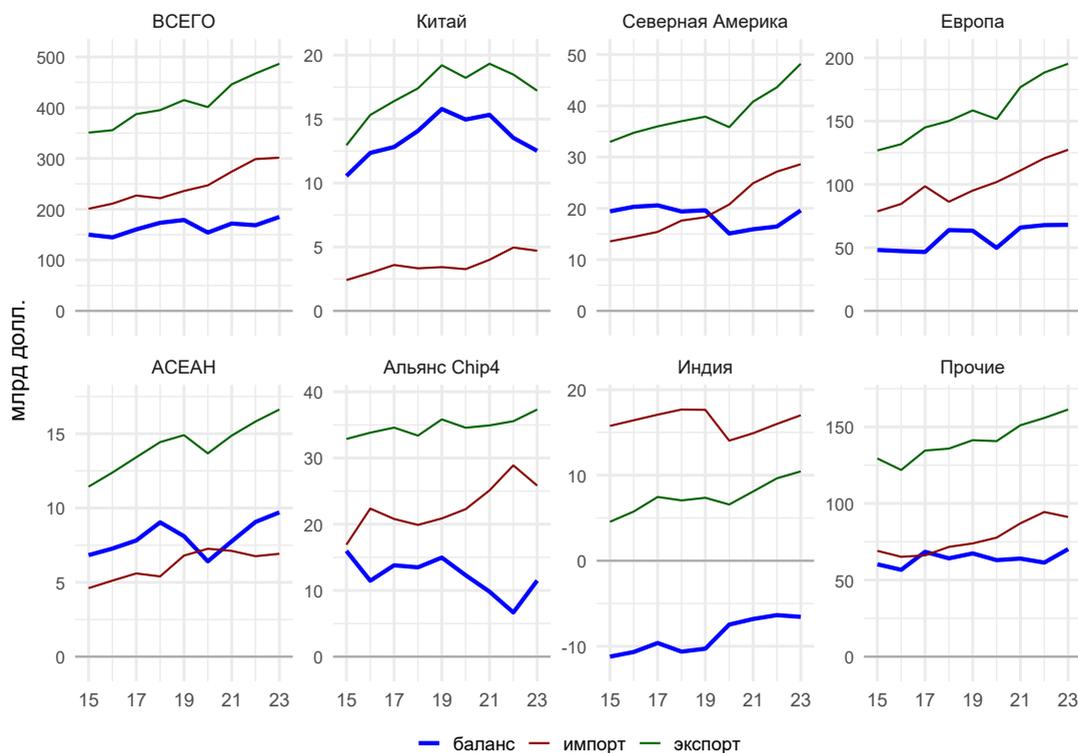
Более взвешенное представление об изменении торговых взаимосвязей США с другими странами по услугам формируется при исключении этих двух видов услуг из рассмотрения (см. рисунок 6 на с. 36). При таком фокусе прекращение роста экспорта услуг в Китай с 2020 г. также очевидно; в то же время сокращение этого показателя началось только в 2022–2023 гг. (тогда как импорт китайских услуг возрос, хоть и остался небольшим по объемам). После 2020 г. тренды экспорта США в Китай по видам услуг разошлись: если в части страховых и финансовых услуг (рисунок А3), а также платы за пользование интеллектуальной собственностью (рисунок А5) экспорт устойчиво снижался, то в части телекома, компьютерных и информационных услуг (рисунок А4) он быстро рос вплоть до 2023 г.; в части услуг исследований и разработок¹⁴ (рисунок А6) зависимость Китая от США как была, так и осталась незначительной.

Начиная с 2021 г. рост внешней торговли услугами США со странами Северной Америки ускорился, а со странами Европы и группой прочих стран сохранил те же темпы, что и в предшествующие годы. С другой стороны, динамика внешней торговли услугами со странами АСЕАН и Индией затормозилась (а импорт из Индии снизился из-за вытеснения индийских компьютерных и информационных услуг североамериканскими). Наиболее выраженным структурным изменением постковидного периода стал резкий рост импорта услуг из стран альянса Chip 4 — во многом за счет телекома, компьютерных и информационных услуг, а также платы

¹⁴ Исследования и разработки — продажа результатов научно-исследовательской деятельности (в том числе оформленных патентами); плата за пользование интеллектуальной собственностью — продажа права пользования ими, а также объектами интеллектуальной собственности. Отсутствие зависимости Китая от США по исследованиям и разработкам говорит об опоре на собственные силы в научной работе.

за пользование интеллектуальной собственностью (в последнем случае рост не был устойчивым и отмечался только в 2022 г.). Вероятно, это обусловлено запуском процесса перенесения серии высокотехнологичных производств из развитых стран Азии в США.

Рисунок 6. Динамика внешней торговли США услугами в разрезе ключевых групп стран-партнеров, 2015–2023 гг. (кроме транспорта и туризма)

Источник: расчеты автора по данным ВТО.

3. Контуры перспектив мировой торговли

Из проведенного анализа торговой статистики следует, что позиции Китая в мировой торговле товарами по-прежнему остаются исключительными — его доля в мировом экспорте после временного снижения в 2023 г. снова стала увеличиваться и в апреле–мае 2024 г. остается почти на 2 п. п. выше, чем до пандемии коронавируса.

Безусловно, динамика Китая в перспективе будет оставаться основным фактором, определяющим изменение мировой торговли. В этом отношении трудно согласиться с результатами исследования Boston Consulting Group [Gilbert et al. 2024], что первостепенное влияние на мировую торговлю на горизонте до 2032 г. будут оказывать индустриализация и реинтеграция Северной Америки (см. таблицу 1 на с. 37). В таких прогнозах не учитывается фактор реэкспорта из Китая в США:

масштабы развития интеграции США, Канады и Мексики в прямой статистике торговли явно преувеличиваются. В случае замедления роста китайского экспорта последует и снижение активности интеграционных процессов в Северной Америке.

Таблица 1. Пять геополитических драйверов мировой торговли до 2032 г.

Драйвер	Геополитические процессы	Прирост торговли, 2032 к 2022 г., млрд долл.	Оценка влияния	
			BCG	автор
США	Промышленная и торговая политика усиливают интеграцию в USMCA	с Китаем -197 с Канадой/Мексикой +466	1	3
Китай	Торговые барьеры с Западом отклоняют торговлю в другие направления	с АСЕАН +616 с Западом -62	2	1
АСЕАН	Выгодные сдвиги в цепочках поставок, сохранение низких издержек и торговой связности	с Китаем +616 с Японией/Кореей +210	3	2
Индия	Становление страны как крупного рынка и участника цепочек поставок	с Западом +180 с Китаем +124	4	5
Россия	Переориентация торговли на дружественные страны после западных санкций	с Китаем +134 с Индией +26	5	4

Источник: [Gilbert et al. 2024]; последний столбец – экспертная оценка автора.

В то же время трудно не согласиться с ожиданиями высокой роли стран АСЕАН в формировании будущего мировой торговли: их активный рост сотрудничества со всеми «полюсами» глобальной экономики (США, Китай, прочие страны Азии, в том числе Индия) и уникальные логистические возможности делают их второй по значимости силой, формирующей глобальные тренды. Низкие издержки – фактор, который сейчас имеет значение при переносе производств из Китая – в долгосрочной перспективе могут и не сохраниться¹⁵, однако это, как показывает опыт Китая, не всегда ведет к критичному замедлению роста.

Третья сила – Северная Америка: несмотря на падение доли в мировом ВВП, у этого блока стран остаются большие шансы на возвращение целого ряда производств, прежде всего высокотехнологичных, особенно в случае активного сотрудничества со странами альянса Chip 4. Несмотря на то что процесс переноса производств может занимать далеко не один год, косвенным свидетельством серьезности таких намерений выступают данные о заметном росте импорта высокотехнологичных услуг в США из стран альянса в 2022 г.

Россия, несмотря на относительно небольшой в глобальном масштабе размер ВВП, может выступить четвертой силой: во-первых, она будет влиять на международную торговлю на крупных рынках (топливо, металлы, удобрения, продовольствие); во-вторых, она как заинтересованный игрок будет двигать процесс децентрализации расчетов в мировой торговле во взаимодействии со странами БРИКС и Ближнего Востока. Важно отметить, что интерес к БРИКС активно растет – так, в июне стало известно о намерении вступить в объединение в том числе ряда стран

¹⁵ Так, цены импортной продукции из Вьетнама в США уже начинают расти [Alfaro and Chor 2023].

АСЕАН¹⁶, — что в долгосрочной перспективе делает БРИКС фактически главной площадкой, консолидирующей интересы стран так называемого «глобального Юга». А учитывая высокую роль АСЕАН в динамике мировой торговли в последние годы, это обстоятельство может подтолкнуть и без того активный рост торговли «Юг — Юг»¹⁷.

Наконец, Индия как крупнейшая по населению страна мира, безусловно, также будет определять ландшафт мировой торговли (в первую очередь в качестве крупного рынка сбыта), но в настоящий момент остаются сомнения, в какой степени она сможет выступать в роли инициатора глобальных перемен. Вероятно, она будет в большей степени выступать как участник широких коалиций (в первую очередь со странами АСЕАН).

Заключение

В работе выделено три этапа динамики внешнеторговых взаимосвязей двух крупнейших экономик мира — активная фаза торговой войны США и Китая, постковидное восстановление мировой экономики, геополитическая турбулентность. Для каждого этапа описываются изменения взаимодействия США и Китая с Северной Америкой, Европой, АСЕАН, странами альянса Chip 4 (Южной Кореей, Японией и Тайванем), Индией и прочими странами.

Устойчивое сокращение торговли между США и Китаем по товарам отмечалось только на третьем этапе (поскольку сокращение объемов торговли во время торговой войны оказалось временным и было нивелировано схемами реэкспорта и последующим наращиванием импорта США из Китая), тогда как по услугам — начиная со второго этапа (сразу после введения коронавирусных ограничений, хотя без учета транспортных и туристических услуг произошло скорее не сокращение, а стагнация торгового взаимодействия двух стран). Со стороны как США, так и Китая развивалось внешнеторговое сотрудничество с другими поставщиками и рынками сбыта. Углубился дефицит торговли США со странами АСЕАН, альянса Chip 4, Северной Америки; Китай же существенно усилил взаимодействие с АСЕАН, Индией и прочими странами.

Представлена авторская оценка значимости стран и регионов мира для будущего роста и структурной перестройки мировой торговли. Наиболее динамичными странами и регионами в долгосрочной перспективе могут стать Китай, АСЕАН, Северная Америка, Россия и Индия.

¹⁶ В июне помощник президента России Юрий Ушаков подтвердил подачу заявок на вступление в БРИКС со стороны Таиланда и Малайзии — см.: <https://www.interfax.ru/russia/967942>

¹⁷ Торговля «Юг — Юг» представляет собой торговлю между развивающимися странами. Согласно докладу о торговле и развитии ЮНКТАД [UNCTAD 2023], доля такой торговли возросла с 11% в 1995 г. до 25% в 2020 г.

Библиография

Alfaro L., Chor D. Global supply chains: The looming “Great Reallocation”. 2023. NBER working paper 31661. Режим доступа: <https://doi.org/10.3386/w31661>

Bi S. Cooperation between China and ASEAN under the building of ASEAN Economic Community // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 2021. Vol. 10. Issue 1. P. 83–107. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/24761028.2021.1888410>

Bown C.P. The US–China trade war and Phase One agreement // *Journal of Policy Modeling*. 2021. Vol. 43. Issue 4. July–August. P. 805–843. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2021.02.009>

Brookings (2024). USMCA Forward 2024: Gearing up for a successful review in 2026. Report. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/collection/usmca-forward-2024/>

Chau V., Martinez M.C., Kim T., Spray J.A. Global value chain and inflation dynamics. IMF working paper 2024/062. 2024. March 22. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/03/22/Global-Value-Chain-and-Inflation-Dynamics-546651>

Gilbert M., Lang N., Mavropoulos G., McAdoo M., Konomi T. Jobs, national security, and the future of trade. Boston Consulting Group. 2024. January 08. Режим доступа: <https://www.bcg.com/publications/2024/jobs-national-security-and-future-of-trade>

Kim Y., Rho S. The US–China chip war, economy–security nexus, and Asia // *Journal of Chinese Political Science*. 2024. Vol. 29. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s11366-024-09881-7>

Kitazume K., Onishi T., Cho Y. Chinese goods navigate alternate trade routes to US shores // *Nikkei Asia*. 2019. June 1. Режим доступа: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Datawatch/Chinese-goods-navigate-alternate-trade-routes-to-US-shores>

Mazzocco I. Balancing act: Managing European dependencies on China for climate technologies. CSIS Briefs. 2023. Dec. 13. Режим доступа: <https://www.csis.org/analysis/balancing-act-managing-european-dependencies-china-climate-technologies>

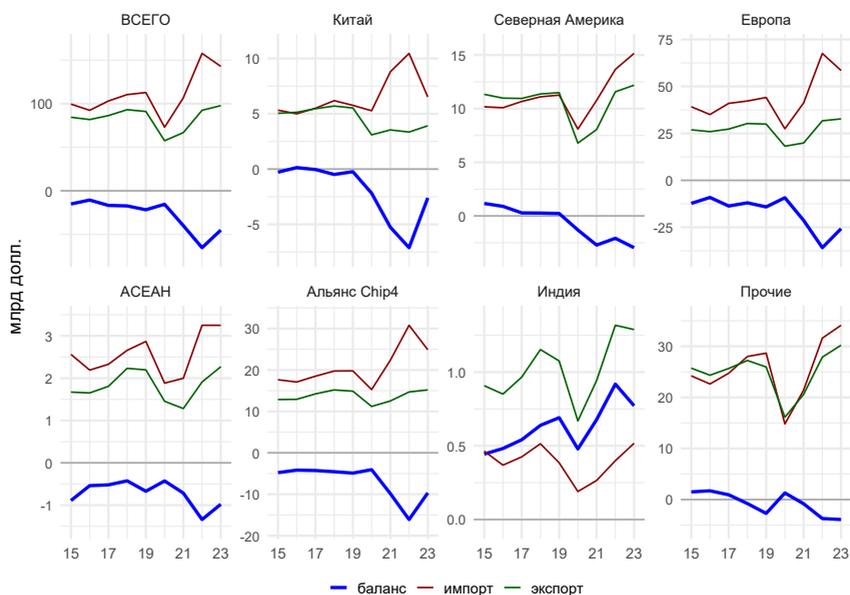
UNCTAD. Trade and development report 2022. Development prospects in a fractured world: Global disorder and regional responses. Geneva: United Nations Publications, 2023. Режим доступа: <https://unctad.org/publication/trade-and-development-report-2022>

Vanvari N. Reliable, reticent, or reluctant? India and US–China rivalry // *Indo-Pacific Security: US–China rivalry and regional states’ responses* / N. Khoo, G. Nicklin, A.C. Tan (eds.). London: World Scientific, 2024.

Приложения

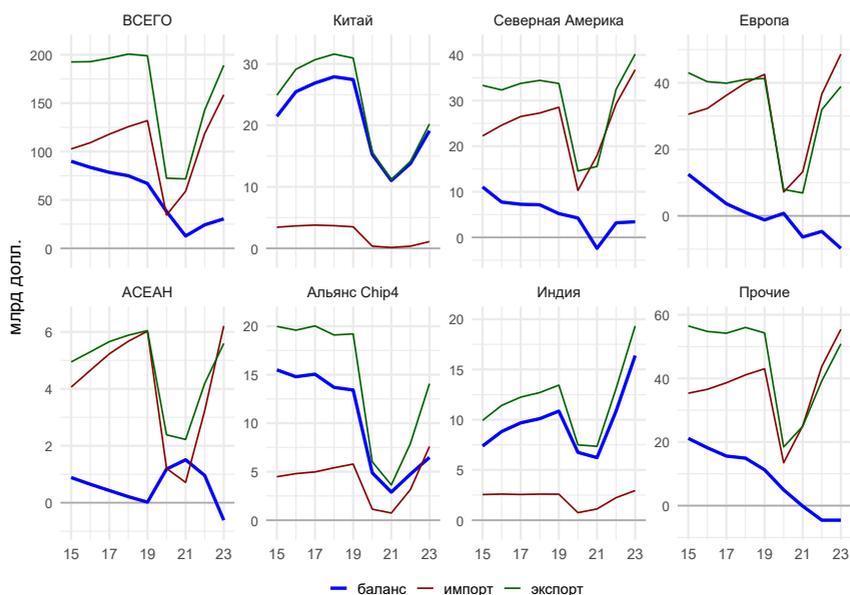
Приложение А

Рисунок А1. Внешняя торговля США услугами по группам стран-партнеров, 2015–2023 гг.: транспортные услуги

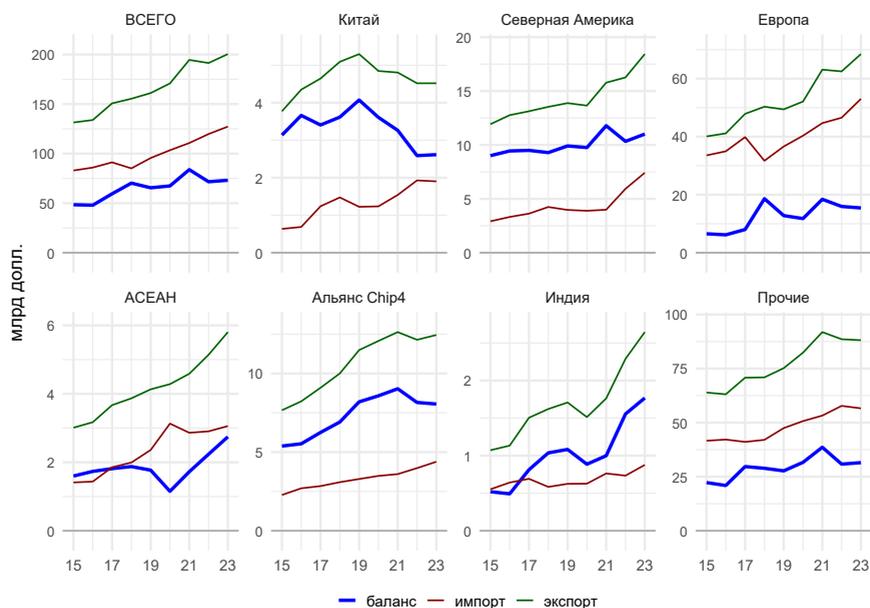
Источник: расчеты автора по данным ВТО.

Рисунок А2. Внешняя торговля США услугами по группам стран-партнеров, 2015–2023 гг.: туристические услуги

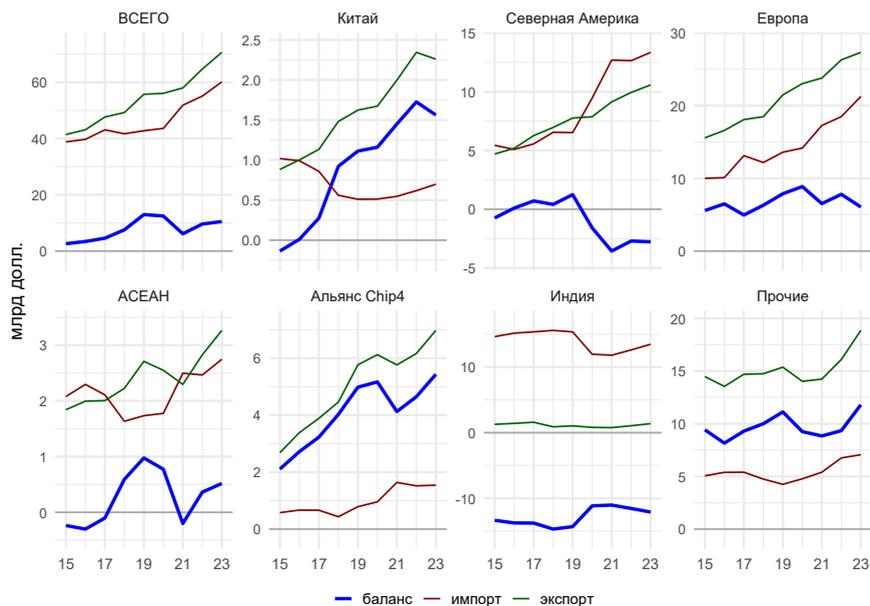
Источник: расчеты автора по данным ВТО.

Рисунок А3. Внешняя торговля США услугами по группам стран-партнеров, 2015–2023 гг.: финансовые и страховые услуги

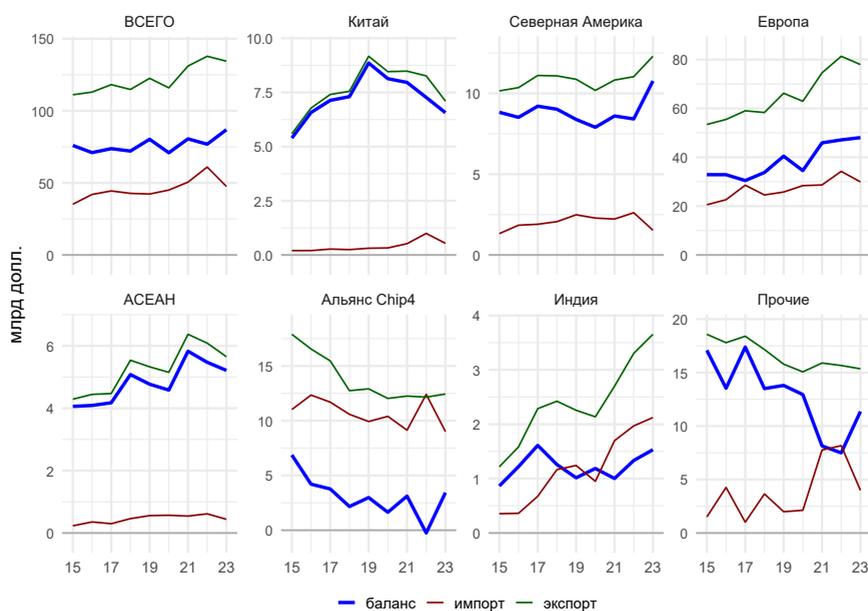
Источник: расчеты автора по данным ВТО.

Рисунок А4. Внешняя торговля США услугами по группам стран-партнеров, 2015–2023 гг.: телеком, компьютерные и информационные услуги

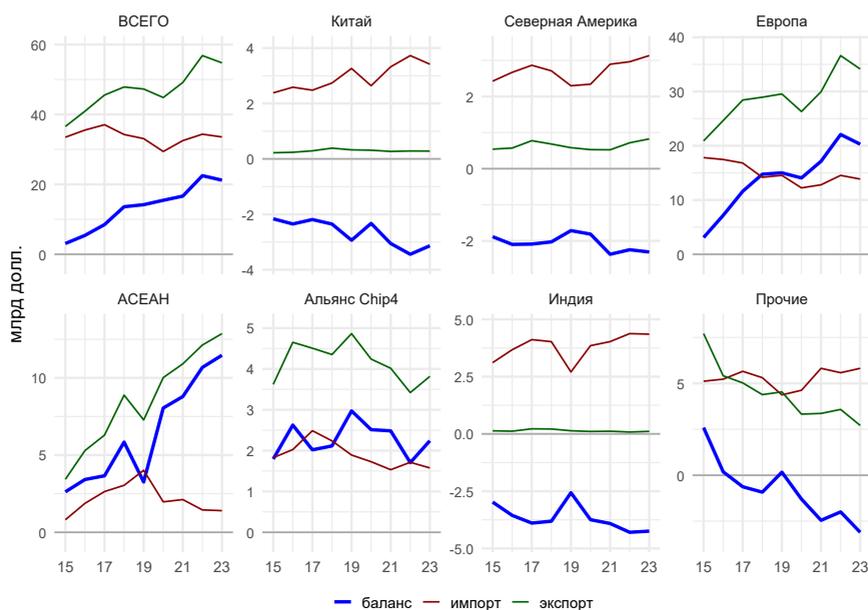
Источник: расчеты автора по данным ВТО.

Рисунок А5. Внешняя торговля США услугами по группам стран-партнеров, 2015–2023 гг.: плата за использование интеллектуальной собственностью

Источник: расчеты автора по данным ВТО.

Рисунок А6. Внешняя торговля США услугами по группам стран-партнеров, 2015–2023 гг.: услуги исследований и разработок

Источник: расчеты автора по данным ВТО.

Политика санкций ЕС в отношении России после февраля 2022 г.: направления изменений

Тимофеев И.Н., Чуприянова П.И.

Тимофеев Иван Николаевич — доцент МГИМО МИД России.

AuthorID: 236879

ORCID: 0000-0003-1676-2221

Чуприянова Полина Игоревна — программный координатор Российского совета по международным делам (РСМД).

ORCID: 0009-0005-5982-3380

Для цитирования: Тимофеев И.Н., Чуприянова П.И. Политика санкций ЕС в отношении России после февраля 2022 г.: направления изменений // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. №2(6). EDN: СНВНMQ

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-43-59>

Ключевые слова: односторонние ограничительные меры, санкции, вторичные санкции, взаимозависимость, Европейский союз, Россия.

Аннотация

Политика санкций Европейского союза на российском направлении в значительной степени трансформировалась после февраля 2022 г. Ряд таких изменений носит количественный характер и отражается в увеличении объема используемых против РФ односторонних ограничительных мер. С другой стороны, можно констатировать качественные изменения в подходе ЕС к осуществлению санкционного давления на Россию. Среди них пересмотр позиции ЕС по вопросу использования вторичных ограничений, а также заметные сдвиги в политике по обеспечению эффективности режима санкций против России. Динамика, масштабы и особенности таких изменений, а также их концептуальное обоснование сегодня слабо отражены как в академической литературе, так и в аналитических материалах. Цель статьи состоит в заполнении данных пробелов, а также в ответе на следующие исследовательские вопросы: в чем состоят ключевые изменения подхода ЕС к реализации политики санкций в отношении России после февраля 2022 г.? Каковы динамика и особенности данных изменений?

В исследовании фиксируются тенденции качественной смены подхода ЕС к отношениям взаимозависимости с Россией; количественного наращивания применения принципиально новых для Европейского союза инструментов санкций, в том числе вторичных санкций; концентрации усилий ЕС на обеспечении эффективности антироссийских ограничений; возрастающей динамики такой политики при сохранении дисбалансов в ее реализации. Эмпирические наблюдения ведутся на основе баз данных РСМД по санкционной проблематике и анализа нормативно-правовых документов ЕС по политике санкций в отношении РФ.

Введение

К настоящему моменту сформировался большой пласт академической литературы, посвященный политике санкций ЕС. Изучаются нормативно-правовые основы и институциональные механизмы применения односторонних ограничительных мер Евросоюза [напр., de Vries, Hazelzet 2005; Portela 2010; Herlin-Karnell and Gazzini 2011; Giumelli et al. 2021; Арапова и Кудинов 2022]. Отдельным направлением академических исследований стали вопросы принятия решений о разработке, утверждении и применении санкционных ограничений [Kranz 2016; Szép 2019; Helwig et al. 2020; Beaucillon 2021; Håkansson 2023; Meissner 2023], а также о критериях эффективности режимов санкций ЕС [Portela 2010; Giumelli 2013; Boogaerts 2020].

Сегодня Евросоюз осуществляет более 50 программ санкций в отношении отдельных стран и функциональных проблем¹. Особенности реализации политики санкций ЕС в отношении других государств в ряде случаев анализируются на основе специальных баз данных. Некоторые из них фиксируют только определенные категории ограничительных мер ЕС [напр., SIPRI 2022]. Другие концентрируются на рассмотрении совокупности эпизодов и случаев применения санкций [Kreutz, 2015; Giumelli et al. 2021; Тимофеев 2021].

С 2014 г. важным направлением политики санкций Европейского союза является Россия. На протяжении длительного времени использование односторонних ограничительных мер Евросоюза на российском направлении носило умеренный характер и предполагало использование «сигнальных» ограничений, включающих точечные блокирующие финансовые санкции, отдельные секторальные ограничения, некоторые запреты в области экспортного контроля. Данный подход контрастировал с американским курсом, характеризовавшимся применением более жестких методов экономического принуждения [напр., Тимофеев 2021]. Отсутствие серьезного экономического давления со стороны ЕС, подкреплявшегося отношениями торгово-экономической взаимозависимости сторон, с одной стороны, предопределило низкую политическую эффективность проводимой в отношении Москвы политики санкций [Connolly et al. 2015; Secrieru 2015; Romanova 2016; Fritsz

¹ EU Sanctions Map. Last update 04.07.2024 // <https://www.sanctionsmap.eu/#/main> (дата обращения: 15.07.2024).

et al. 2017; Doornich and Raspotnik 2020], с другой стороны, способствовало возникновению издержек для европейского бизнеса, несмотря на относительно умеренный объем санкций [Giunelli 2017; Onderco and Van Der Veer 2021].

После начала Специальной военной операции на Украине подход ЕС к реализации политики ограничительных мер в отношении РФ существенно трансформировался [Casier 2023; Meissner and Graziani 2023]. Наиболее заметным индикатором стало значительное расширение набора используемых против России ограничительных мер: с февраля 2022 г. Евросоюзом был задействован практически весь накопленный инструментарий санкций, ограничения распространились на все экономически важные секторы РФ [напр., Герасимов и др. 2023]. Принципиально важные области сотрудничества сторон, включая торговлю в области энергоносителей, промышленности, технологий, гуманитарное сотрудничество, ранее выступающие в качестве инструмента смягчения противоречий, в значительной степени политизировались и стали использоваться для оказания максимального экономического ущерба РФ. Предварительные оценки эффективности антироссийских ограничений ЕС и обратных последствий санкций приводятся в целом ряде зарубежных научных исследований [Latipov et al. 2022; Costa and Barbe 2023; Bali 2024; Rosefielde and Bernstam 2024], зарубежных аналитических докладах [Akhvlediani and De Groen 2022; Kaca 2024; Kluge and Portela 2022; Siddharth 2024; Taran 2024] и работах российских авторов [Тимофеев 2022; Романова 2022; Войников 2023; Лихачева 2023; Чижевская 2024].

Однако помимо количественного увеличения объема санкционных ограничений ЕС, можно констатировать заметные качественные изменения в подходе Евросоюза к реализации политики санкций в отношении России. Ключевым из таких изменений можно считать пересмотр позиции ЕС относительно применения вторичных ограничений. В ряде публикаций наблюдается рассмотрение вопросов возникновения в законодательстве ЕС потенциальных механизмов для использования экстерриториальных санкций [Кику и Тимофеев 2022; Silingardi 2024]. Вместе с тем масштабы и специфика их использования на российском направлении в настоящий момент слабо отражена как в академической литературе, так и в аналитических материалах.

Среди иных сдвигов в политике санкций Евросоюза, проявившихся после 2022 г. — концентрация усилий по развитию практик и законодательства в области обеспечения эффективности антироссийских ограничений. Ключевым инструментом по контролю соблюдения режимов санкций является использование принудительных мер административно-правового и уголовно-правового характера в отношении граждан и бизнеса стран ЕС по основаниям обхода санкционных ограничений. При этом открытыми остаются вопросы, как изменилась политика административного и уголовного преследования за нарушение режима санкций в отношении России после начала СВО, а также в чем заключаются особенности реализации такой политики в странах Евросоюза.

С учетом обозначенных пробелов в литературе в статье ставятся следующие исследовательские вопросы: в чем состоят ключевые изменения подхода ЕС к реализации политики санкций в отношении России после февраля 2022 г.? Каковы

динамика и особенности данных изменений? Что служит концептуальным обоснованием таких изменений? Поставленные исследовательские вопросы определяют следующие гипотезы: (1) после начала СВО политика санкций ЕС в отношении России изменилась не только количественно, что отразилось в увеличении объема введенных ограничений, но и качественно, что проявилось во внедрении и развитии принципиально новых для ЕС инструментов принуждения. Количественные параметры использования данных инструментов к настоящему моменту представляются меньшими, чем у США, но превышающими по своему числу меры иных инициаторов; (2) центральное место в политике санкций ЕС стал занимать вопрос обеспечения эффективности режима санкций ЕС в отношении России посредством формирования и развития механизмов контроля за соблюдением санкционного законодательства. Предполагается, что их реализация со стороны стран ЕС неоднородна, однако динамика использования принудительных мер возрастает; (3) изменения политики санкций на российском направлении объясняются трансформацией подхода ЕС к отношениям взаимозависимости с Россией.

Проверка гипотез будет осуществляться, с одной стороны, с опорой на анализ эмпирических данных, представленных в виде баз данных РСМД по санкционной проблематике, а также нормативно-правовых документов ЕС и других инициаторов санкций. Применяемая в работе теоретическая концепция рассматривает санкции как инструмент использования экономической взаимозависимости в качестве оружия [Farrell and Newman 2019]. С начала 2000-х гг. отношения России и ЕС развивались в логике экономической взаимозависимости в области финансов, поставок энергоносителей, промышленности и пр. Обострение политических противоречий между сторонами способствовало политизации данной взаимозависимости и ее использованию в качестве инструмента принуждения для достижения поставленных политических целей. Базовой целью обозначенной политики может являться нанесение России максимального экономического ущерба, сдерживание ее экономического потенциала, принуждение к смене политического курса по украинскому вопросу. Блокирование энергетического сотрудничества, взаимодействия в области финансов, начало применения вторичных ограничений и других мер, которые ЕС избегал использовать до 2022 г., в свою очередь, свидетельствует о новом подходе ЕС к отношениям взаимозависимости с РФ и является методом достижения политических задач. Степень использования взаимозависимости как оружия раскрывается на основе эмпирических данных о динамике применения таких ограничений. В частности, частота применения вторичных санкций и объекты, на которые они направлены, позволяют сделать выводы о том, какие области взаимного сотрудничества в возрастающей степени используются для нанесения экономического ущерба. С другой стороны, динамика использования принудительных мер в отношении нарушителей режима санкций против России дает информацию о роли вопросов обеспечения эффективности антироссийских ограничительных мер, а также об активности отдельных стран ЕС.

Методологический алгоритм исследования состоит из нескольких элементов. Сначала проводится сравнительный анализ ограничительных мер ЕС в отношении России до и после февраля 2022 г.; далее рассматриваются ключевые элементы нового

подхода ЕС к отношениям взаимозависимости с РФ и к реализации политики санкций в отношении России; отражаются подходы ЕС к использованию вторичных ограничений до и после 2022 г. и частота их использования в настоящее время; на примерах кейсов административного и уголовного преследования за нарушение режима санкций в отношении России определяется динамика развития механизмов контроля за обеспечением законодательства и выявляются дисбалансы на национальном уровне стран ЕС; в заключение с учетом полученных данных тестируются гипотезы. Структура статьи по своему содержанию совпадает с упомянутым алгоритмом.

Политика санкций ЕС в отношении России до и после февраля 2022 г.: количественные изменения

Начало Специальной военной операции явилось политическим поводом к превращению России в ключевое направление политики санкций ЕС. Базовым индикатором стал существенный рост введенных в отношении РФ ограничений. За два с половиной года ЕС принял 14 пакетов санкций, охватывающих практически все секторы российской экономики, включая финансовый, энергетический, технологический, военно-промышленный и др. Ключевой тенденцией стало количественное расширение применяемых с 2014 г. ограничительных мер наряду с их качественным изменением. Это демонстрируют следующие тенденции.

Во-первых, с февраля 2022 г. по июль 2024 г. под блокирующие финансовые санкции попали порядка 1500 физических и около 350 юридических лиц России. Для сравнения: за предшествующий период (2014–2021) по аналогичным основаниям блокирующие ограничения были введены в отношении 203 российских граждан и 51 компании. Можно констатировать и новые характеристики таких ограничений. Так, до 2022 г. ЕС избегал использовать блокирующие санкции против российских системообразующих предприятий. Сегодня под такими ограничениями находятся крупнейшие российские банки (Сбербанк, ВТБ, Альфа-Банк и др.), предприятия ВПК (АО «Алмаз-Антей», НПК «Иркут» и др.), технологические («Ростех», Т1 и др.), металлургические и горнодобывающие мейджоры («Северсталь», «Алроса» и пр.)².

Во-вторых, до СВО финансовые секторальные санкции сводились к ограничениям, связанным с долговыми обязательствами со сроком погашения более 30 дней для ряда крупнейших российских банков³, а также запретом на предоставление определенных займов для перечня предприятий нефтедобывающего и оборонного секторов⁴. С 2022 г. финансовые ограничения существенно расширились и стали

² Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0269-20240527> (дата обращения: 24.07.2024).

³ Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1531218093731&uri=CELEX:02014D0512-20171223> (дата обращения: 25.07.2024).

⁴ Council Decision 2014/659/CFSP of 8 September 2014 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014D0659> (дата обращения: 25.07.2024).

включать в себя запрет на инвестирование и покупку облигаций, выпущенных Правительством РФ и Центральным банком РФ, ограничения на работу с активами ЦБ РФ и его структур, запрет на депозиты от российских лиц на сумму более 100 тыс. евро и др. Было ограничено рейтингование российских компаний агентствами ЕС с целью приостановки их доступа на европейский финансовый рынок, а также предоставление бухгалтерских услуг и электронных кошельков лицам из России⁵.

В-третьих, принципиально изменилась структура экспортного и импортного контроля в отношении России. В 2014–2021 гг. она главным образом была направлена на создание экономических препятствий в интеграции Крыма в состав России, а также предполагала умеренные ограничения в отношении товаров двойного назначения и оборудования для энергетических проектов⁶. В 2022–2024 гг. категории товаров и технологий, запрещенных к поставкам в РФ, стали включать в себя широкий перечень продукции двойного, военного, промышленного назначения, предметов «роскоши». Ограничения дополнились запретом на предоставление российским лицам широкого спектра финансовых, технических, юридических, консультационных, транспортных и иных услуг. Импортный контроль распространился на продукцию черной металлургии, нефти и нефтепродуктов российского происхождения, российского золота, товаров, «приносящих России значительный доход», и др.⁷.

Позиция ЕС по вопросу применения вторичных ограничений до и после 2022 г.

На протяжении длительного времени использование экстерриториальных (вторичных) ограничений являлось чертой исключительно американской политики санкций. Формально определение таких ограничений не закреплено в нормативно-правовых документах США или иных инициаторов. Вместе с тем оно широко используется в материалах профильных ведомств США, а также является предметом ряда академических исследований [напр., Meyer 2014; Blockmans 2021; Terry 2022]. Сегодня под вторичными санкциями принято понимать таргетированные финансовые и торговые санкции против иностранных лиц за транзакции с уже заблокированными лицами, обход экспортного контроля и иные действия, которые страны-инициаторы считают угрозой своей безопасности [напр., Ruys and Ryngaert 2020].

До 2022 г. США выступали единственным инициатором вторичных санкций в отношении граждан и компаний из третьих стран. Американское законодательство предусматривает ряд механизмов их применения. Одним из них является

⁵ Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0833-20240224> (дата обращения: 24.07.2024).

⁶ Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // EUR-Lex - 02014D0512-20171223 - EN - EUR-Lex (europa.eu) (дата обращения: 25.07.2024).

⁷ Ibid.

Ст. 1. Исполнительного указа 14024 США, предоставляющая профильным ведомствам полномочия по применению блокирующих ограничений в отношении лиц, работающих с рядом секторов российской экономики. В числе таких секторов технологический, энергетический, горнодобывающий, ОПК и другие⁸. В период с февраля 2022 г. по июнь 2024 г. по данным основаниям были заблокированы более 500 компаний из третьих стран⁹.

В отличие от США Европейский союз долгое время придерживался политики отказа от использования вторичных ограничений. Отчасти такой подход объяснялся позицией ЕС о неправомерности использования принудительных мер за пределами собственной юрисдикции. С другой стороны, еще до начала СВО компании стран ЕС периодически становились объектами вторичных санкций США за работу с лицами из Ирана и иных юрисдикций, в отношении которых действовали американские ограничения. Более того, Минфин США активно преследовал компании из ЕС в рамках своих полномочий вести административные расследования против зарубежных компаний в случае даже косвенной связи с американской юрисдикцией. Именно компании финансового сектора ЕС заплатили более 90% штрафов за умышленные или случайные эпизоды обхода санкций США [Тимофеев 2020].

Обозначенная политика США способствовала тому, что в ЕС стали разрабатываться меры снижения риска вторичных санкций для бизнеса. Одним из них стал принятый в 1996 г. Блокирующий статут, направленный на защиту компаний ЕС, ведущих международную торговлю в соответствии с правом ЕС, однако в нарушение санкций третьих стран¹⁰. В 2018 г. действие Статута было возобновлено на фоне выхода США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) и введения в отношении Ирана ранее принятых ограничений в полном объеме. Обновленный Регламент запрещал юридическим лицам стран ЕС выполнять санкции третьих государств за исключением случаев, когда это предусмотрено разрешениями Европейской комиссии. Были разработаны некоторые механизмы компенсации ущерба европейским компаниям, пострадавшим от экстерриториальных ограничений США¹¹.

Принятие Блокирующего статута, однако, было скорее политическим шагом, нежели условием изменения поведения бизнеса стран ЕС. Будучи заинтересованными в американском рынке, компании ЕС делали выбор в пользу отказа от работы в иранской юрисдикции [Тимофеев 2019]. Вместе с тем сам факт утверждения дан-

⁸ Executive Order 14024. Blocking Property with Respect to Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation. Federal Register. 19.04.2021 // <https://www.federalregister.gov/documents/2021/04/19/2021-08098/blocking-property-with-respect-to-specified-harmful-foreign-activities-of-the-government-of-the> (дата обращения: 26.07.2024).

⁹ Источник – База данных по вторичным санкциям РСМД.

¹⁰ Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A01996R2271-20180807> (дата обращения: 26.07.2024).

¹¹ Commission Delegated Regulation (EU) 2018/1100 of 6 June 2018 amending the Annex to Council Regulation (EC) No 2271/96 protecting against the effects of extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32018R1100> (дата обращения: 26.05.2024).

ного документа на наднациональном уровне свидетельствовал о наличии единой сформированной позиции ЕС, характеризующейся осуждением использования экстерриториальных мер. В соответствии с этой позицией ЕС отказывался от применения вторичных ограничений в отношении компаний из третьих стран за несоблюдение собственного санкционного законодательства, в том числе по мотивам нарушения санкций против России.

После начала СВО можно констатировать резкое изменение в позиции Евросоюза относительно применения вторичных санкций. За сравнительно короткий промежуток времени (октябрь 2022 г. — февраль 2024 г.) Европейский союз разработал сразу несколько нормативно-правовых механизмов, наделяющих Совет ЕС полномочиями вводить санкции против физических лиц и компаний за нарушение собственного режима санкций. Один из них представлен в виде расширения критериев введения блокирующих санкций по основаниям «нарушения суверенитета и территориальной целостности Украины» (Ст. 3 Регламента 269/2014). К их числу было добавлено «содействие обходу ранее введенных нарушений». Особенностью данного механизма является то, что к настоящему моменту он был применен исключительно в отношении российских лиц. По состоянию на июль 2024 г. в соответствии с ним были заблокированы пять компаний-поставщиков и производителей высокотехнологичных товаров, а также три руководителя таких предприятий¹².

В качестве иного механизма применения вторичных ограничений ЕС может рассматриваться Ст. 5а Решения Совета ЕС 2014/512. В данном случае речь идет о вторичных торговых санкциях, предполагающих запрет на экспорт отдельных товаров военного и двойного назначения, а также промышленной продукции лицам, причастным к поставкам таких товаров в Россию. Предполагается, что запрет распространяется на товары, «способствующие усилению военного и промышленного потенциала РФ»¹³. Вместе с тем конкретных случаев применения данного механизма еще нет.

Еще одно расширение практики вторичных торговых санкций было зафиксировано в виде включения ряда компаний из третьих стран в Приложение IV Регламента 833/2014. В отношении данных компаний действуют расширенные ограничения в области поставок товаров двойного назначения. К июлю 2024 г. такие ограничения действуют в отношении компаний из Ирана (8), КНР (7), Узбекистана (3), ОАЭ (2), Турции (1), Таиланда (1), Казахстана (1), Сербии (1), Шри-Ланки (1), Индии (1), Сербии (1), Сингапура (1) и Сирии (1)¹⁴. Все обозначенные предприятия работают в секторах высоких технологий и ВПК.

¹² Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0269-20221006> (дата обращения 26.07.2024).

¹³ Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0833-20231001> (дата обращения: 29.07.2024).

¹⁴ Council Regulation (EU) 2024/745 of 23 February 2024 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0833-20240625> (дата обращения: 27.07.2024).

Для введения вторичных ограничений в отношении бизнеса третьих стран стали использовать и ранее разработанные механизмы. Так, в рамках Регламента 269/2014 предусмотрена возможность использования блокирующих санкций по основаниям Ст. 1 документа: «Ведение деятельности, подрывающей или угрожающей территориальной целостности и суверенитету Украины». С 2014 г. данное положение использовалось для блокирования исключительно российских лиц. Вместе с тем после начала СВО санкционный список был дополнен рядом организаций, функционирующих за пределами РФ. Так, в феврале и июне 2023 г. под ограничения попали несколько иранских предприятий за поставки в Россию беспилотников и оборудования для их разработки. Тогда же блокирующие санкции были введены в отношении зарегистрированного в Южной Осетии Международного расчетного банка (МРБ) за открытие филиалов на территории Херсонской и Запорожской областей и последующее предоставление там финансовых услуг¹⁵.

Определение вторичных санкций при этом размыто как в нормативно-правовых документах ЕС, так и в исследовательской литературе. Европейский союз, в частности, не именует введенные в рамках указанных механизмов блокирующие санкции в качестве вторичных, хотя де-факто они являются таковыми. Соответственно, отсутствие прозрачного определения понятия вторичных санкций и параметров их использования затрудняет оценку точного числа случаев применения таких ограничений. Формальные критерии позволяют говорить о нескольких десятках компаний. Подавляющее число таких санкций направлены на предприятия оборонной и высокотехнологичной отраслей. Для сравнения: вторичные ограничения США распространяются на компании более широкого спектра. Среди них поставщики микроэлектроники, товаров военного и двойного назначения, промышленной продукции, экспортеры различных видов услуг, лица, осуществляющие финансовые транзакции в пользу ранее заблокированных граждан и компаний¹⁶.

Иными словами, практика Европейского союза в области вторичных санкций на данный момент носит ограниченный характер, хотя и постепенно расширяется. Частота их применения, а также отраслевой охват к настоящему моменту представляются меньшими, чем у США, однако большими, чем у других инициаторов. Сравнительно небольшое число случаев применения ограничений позволяет говорить о «сдерживающей» функции вторичных санкций ЕС, нежели принудительной. Целью использования таких ограничений можно считать направление политического сигнала компаниям из третьих стран о рисках прекращения работы с бизнесом стран ЕС. С другой стороны, факт начала применения таких ограничений говорит об изменении позиции ЕС относительно использования экстерриториальных ограничительных мер.

¹⁵ Council Implementing Regulation (EU) 2023/429 of 25 February 2023 implementing Regulation (EU) No 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.LI.2023.059.01.0278.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2023%3A059I%3ATOC> (дата обращения: 29.07.2024).

¹⁶ База данных по вторичным санкциям Российского совета по международным делам (РСМД).

Изменение подхода ЕС к обеспечению эффективности режима санкций

В отличие от механизмов применения вторичных санкций практика административного и уголовного преследования в Европейском союзе осуществляется с 2014 г. Ст.8 Регламента 833/2014 Совета ЕС фиксирует общие положения такой политики: государствам-членам предписывается разработать меры ответственности за нарушение санкционного законодательства и нормы, регулирующие конфискацию активов, полученных в результате данных нарушений¹⁷. Поскольку содержание мер административной и уголовной ответственности относилось к юрисдикции стран-членов, законодательство ЕС предусматривало вероятность, что их реализация может отличаться и варьироваться от страны к стране. Данные о нарушениях санкций ЕС до 2022 г. и соответствующих расследованиях в этой области отражали эти закономерности.

С 2014 г. по 2021 г. в базе данных РСМД фиксируется три случая ведения расследований по основаниям нарушения экспортного контроля ЕС в отношении России. В каждом из них речь шла о поставках в РФ промышленных товаров и строительных материалов, запрещенных к экспорту в соответствии с решением Совета ЕС 2014/512¹⁸ и Регламентом 692/2014¹⁹. Два из них были инициированы в Германии и касались поставок металлообрабатывающих станков, а также оборудования для строительства Крымского моста²⁰. Последнее расследование велось в Нидерландах по сходным правонарушениям²¹. Меры ответственности за нарушения при этом отличались: в Германии, помимо штрафных санкций, физические лица были приговорены к тюремному заключению, тогда как в отношении граждан Нидерландов было предусмотрено наказание в виде общественных работ, а штрафные меры коснулись исключительно юридических лиц. Информация о расследованиях со стороны профильных органов других государств-членов ЕС не числится в базе данных, хотя некоторые меры ответственности за нарушение санкций ЕС к этому времени были разработаны в Бельгии, Италии, Литве и ряде других стран-членов.

¹⁷ Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0833-20230427> (дата обращения: 30.07.2024).

¹⁸ Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014D0512> (дата обращения: 30.07.2024).

¹⁹ Council Regulation (EU) No 692/2014 of 23 June 2014 concerning restrictions on the import into the Union of goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol // <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/692/oj> (дата обращения: 30.07.2024).

²⁰ Например, Strafbefehl gegen Unternehmen // Taggeschau. 15.03.2023. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/investigativ/swr/eu-sanktionen-krim-unternehmen-kiel-strafgeld-101.html> (дата обращения: 30.07.2024).

²¹ Straffen voor Nederlandse bedrijven en personen vanwege betrokkenheid bij bouw Krimbrug // Openbaar Ministerie. 13.10.2023. Режим доступа: <https://www.om.nl/actueel/nieuws/2023/10/13/straffen-voor-nederlandse-bedrijven-en-personen-vanwege-betrokkenheid-bij-bouw-krimbrug> (дата обращения: 30.07.2024).

Иными словами, меры ответственности за нарушение режима санкций, а также активность правоохранительных органов были неоднородны. Данный подход к вопросу обеспечения соблюдения санкций в отношении России в значительной степени изменился после начала СВО. Во-первых, одним из индикаторов стало заметное увеличение числа случаев административного и уголовного преследования нарушителей режима санкций. База данных РСМД фиксирует более 50 уголовных дел, инициированных после февраля 2022 г. С учетом того, что база данных включает информацию только о расследованиях с известными обстоятельствами дела, в реальности их число должно быть значительно выше.

Во-вторых, значительно расширилась и география таких расследований. Наибольшую активность в инициировании уголовных дел по-прежнему проявляют именно немецкие и нидерландские власти. Вместе с тем подобные расследования ведутся также в иных юрисдикциях: Болгарии (поставки в РФ товаров двойного и военного назначения²²), Дании (напр., возбуждено 12 дел против местных компаний за нарушение санкций в отношении России и Белоруссии²³), Эстонии (напр., обвинения в незаконном пресечении эстонско-российской границы с партией дронов²⁴), Финляндии (напр., обвинения в поставках в РФ электроники в обход санкций²⁵), Швеции (обвинения в незаконном экспорте оборудования через финскую электротехническую фирму²⁶), Люксембурга (напр., дело о поставках спутниковых фотографий в Россию²⁷), Франции (напр., дело о поставке технологий двойного назначения в Россию и Китай²⁸), Польше (напр., обвинения в незаконной поставке деталей БПЛА в Иран для их последующего реэкспорта в РФ²⁹), Швейцарии (напр., обвинения в экспорте сырьевых товаров в РФ через

²² Bulgaria arrests 12 people for violating EU sanctions on exports to Russia // AP News. 03.10.2023. Режим доступа: <https://apnews.com/article/bulgaria-russia-ukraine-sanctions-illegal-export-c22833aa43a8c44326864541a1d407c5> (дата обращения: 31.07.2024).

²³ В Дании возбудили 12 дел о нарушении антироссийских санкций // РБК. 26.10.2022. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/26/10/2022/63595c989a7947493b92da97> (дата обращения: 31.07.2024).

²⁴ Estonia detains entrepreneurs suspected of violating sanctions on Russia // TVP World. 14.09.2023. Режим доступа: <https://tvpworld.com/72711094/estonia-detains-entrepreneurs-suspected-of-violating-sanctions-on-russia> (дата обращения: 31.07.2024).

²⁵ Хельсинкская компания подозревается в нарушении антироссийских санкций // YLE. 01.09.2023. Режим доступа: <https://yle.fi/a/74-20048113> (дата обращения: 31.07.2024).

²⁶ Мужчина, обвиняемый в шпионаже в Швеции, организовал поставку подсанкционных товаров в Россию через финские фирмы // YLE. 31.08.2023. Режим доступа: <https://yle.fi/a/74-20048009> (дата обращения: 30.07.2024).

²⁷ Space company investigated over alleged Russian ties // Euractiv. 15.03.2023. Режим доступа: https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/space-company-investigated-over-alleged-russian-ties/ (дата обращения: 30.07.2024).

²⁸ France is investigating suspected smuggling to China and Russia of advanced chip technology // AP News. 27.07.2023. Режим доступа: <https://apnews.com/article/france-china-russia-chip-technology-smuggling-66a8a4edcaf7137e109a16d6d300cd94> (дата обращения: 30.07.2024).

²⁹ Polish state firm investigated over parts used in Iranian drones // Reuters. 18.07.2024. Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/europe/polish-state-firm-investigated-over-parts-used-iranian-drones-radio-zet-reports-2024-07-18/> (дата обращения: 30.07.2024).

ОАЭ и другие государства³⁰), Чехии (дело о поставке дорогостоящих автомобилей в Россию³¹).

В-третьих, активность национальных правоохранительных органов стран ЕС подкрепляется постоянным расширением сотрудничества с профильными ведомствами США. В ряде случаев задержание подозреваемых в нарушении санкций происходит по запросу американских властей. Так, в период с октября 2022 г. по июль 2024 г. известно как минимум о пяти арестах на территории Латвии, Эстонии и Греции. В одном из упомянутых дел обвиняемый был экстрадирован в США для последующего определения меры ответственности³². С учетом того, что американская практика административного и уголовного преследования значительно превышает практику ЕС как в количественном измерении, так и с т.з. наличия соответствующих институциональных и правовых механизмов, взаимодействие с США может способствовать развитию практики принудительных мер ЕС. Активно развивается сотрудничество по ужесточению и гармонизации экспортного контроля между ключевыми инициаторами санкций. Так, в сентябре 2023 г. ЕС совместно с американскими и британскими регуляторами разработал общий список «наиболее приоритетных» товарных позиций по экспортному контролю в отношении России (электронные интегральные схемы, процессоры, радионавигационная аппаратура, полупроводники и оборудование для их разработки и пр.). Именно по основаниям экспорта данной продукции наиболее вероятно инициирование принудительных мер.

В-четвертых, после начала СВО Европейский парламент и Совет ЕС начали работу над гармонизацией законодательства в странах ЕС с целью обеспечения единого и скоординированного преследования нарушителей режима санкций. С февраля 2022 г. были разработаны несколько проектов директив, устанавливающих единые критерии нарушения санкций ЕС и меры ответственности за эти нарушения. Последняя из них была утверждена в апреле 2024 г. В ней зафиксированы параметры установления административной и уголовной ответственности за преступления, определены единые меры наказания для физических и юридических лиц, в том числе фиксированные суммы штрафов и сроки тюремного заключения, установлены общие отягчающие и смягчающие обстоятельства при избрании меры ответственности³³. С учетом того, что закрепленные в Директиве положения

³⁰ Swiss prosecutors reportedly probing Russia sanctions breaches // SWI swissinfo. 13.02.2024. Режим доступа: <https://www.swissinfo.ch/eng/multinational-companies/swiss-prosecutors-reportedly-probing-russia-sanctions-breaches/72527163> (дата обращения: 30.07.2024).

³¹ В Чехии впервые осудили местного жителя за нарушение антироссийских санкций // Radio Prague International. 13.07.2024. Режим доступа: <https://ruski.radio.cz/v-chehii-vpervye-osudili-mestnogo-zhitelya-za-narushenie-antirossiyskih-sankciy-8822704> (дата обращения: 30.07.2024).

³² Suspected Russian Intelligence Operative Extradited from Estonia to Face Charges Related to Providing American-Made Electronics and Ammunition to Russian Military // US Department of Justice. 14.07.2023. Режим доступа: <https://www.justice.gov/usao-edny/pr/suspected-russian-intelligence-operative-extradited-estonia-face-charges-related> (дата обращения: 31.07.2024).

³³ Directive (EU) 2024/1226 of the European Parliament and of the Council of 24 April 2024 on the definition of criminal offences and penalties for the violation of Union restrictive measures and amending Directive (EU) 2018/1673 // https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401226 (дата обращения: 29.05.2024).

должны быть включены в национальное законодательство в течение года, оценка результатов такой работы может быть осуществлена только в следующем году. К настоящему моменту можно говорить о том, что в подходах стран ЕС к вопросу реализации правоприменения сохраняется дисбаланс. В результате такого дисбаланса запрещенные в соответствии с законодательством ЕС сделки и операции эффективно контролируются в одних государствах-членах, однако, судя по всему, продолжают осуществляться в других странах ЕС. Вместе с тем конкретные шаги по координированию мер государств ЕС, сопровождающиеся сотрудничеством с США и последовательным развитием и расширением правоприменительной практики, свидетельствуют о смене подхода ЕС к вопросам обеспечения эффективности режима санкций в отношении РФ.

* * *

После февраля 2022 г. подход ЕС к реализации политики санкций в отношении России в значительной степени трансформировался. Принципиальные сдвиги в политике санкций при этом отражали более широкие изменения в подходе Европейского союза к отношениям экономической взаимозависимости с Россией. Складывающиеся с начала 2000-х гг. отношения взаимозависимости способствовали тому, что политические противоречия между сторонами, включая украинский вопрос, не оказывали фундаментального влияния на объемы экономического сотрудничества. Одним из следствий данной логики стало то, что в 2014–2021 гг. применяемые Европейским союзом санкционные ограничения носили характер политического сигнала и не использовались с целью нанесения значимого ущерба ключевым секторам российской экономики.

Дальнейшее обострение политических противоречий между сторонами способствовало тому, что отношения взаимозависимости между сторонами стали в значительной степени политизироваться. Начало Специальной военной операции России на Украине стало кульминацией таких противоречий и способствовало трансформации взаимозависимости из фактора сотрудничества и партнерства в фактор соперничества и конкуренции. Взаимозависимость в растущей степени стала использоваться как оружие. Санкции, в свою очередь, превратились в ключевой инструмент использования взаимозависимости таким образом.

В количественном измерении это отразилось в существенном увеличении объема вводимых блокирующих и финансовых ограничений, заметном ужесточении экспортного и импортного контроля, а в качественном — в расширении применяемых инструментов санкций. Заметные сдвиги при этом произошли в позиции Европейского союза по вопросу обеспечения эффективности режима санкций в отношении РФ. Во-первых, отказ от использования вторичных санкций и критика их применения со стороны США сменились на разработку собственных правовых механизмов введения таких ограничений и начало их активного применения против российских и зарубежных лиц. Во-вторых, значительно увеличилась частота, география и масштабы мер административного и уголовного преследования нарушителей санкций против РФ, до начала СВО характеризовавшиеся крайней умеренностью и несогласованностью действий стран — членов ЕС.

Дальнейшие исследования по направлению могут предусматривать интерпретацию данных изменений с точки зрения теорий международных отношений. Предварительные параметры такой интерпретации включают в себя переход от неолиберальной трактовки взаимозависимости, характеризовавшей отношения России и ЕС на протяжении 2000-х гг., к неореалистской теории международных отношений, категории которой позволяют объяснить использование взаимозависимости в терминах соперничества и конкуренции, а не в терминах сотрудничества и взаимной выгоды. Отход от неолиберальной парадигмы может объясняться ее неприменимостью для описания сложившихся после 2022 г. отношений РФ и ЕС, определяющихся логикой противостояния.

Библиография

Арапова Е.Я., Кудинов А.С. Особенности санкционного регулирования в США, ЕС и Великобритании: сравнительный анализ // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С.151–165.

Войников В.В. Ограничения на въезд российских граждан в страны ЕС: политические и правовые аспекты // Современная Европа. 2023. № 3. С. 20–32.

Герасимов В., Розина А., Солдаткин Я. Антироссийское «санкционное цунами» 2022 года и его последствия для рынка комплаенс-информации в России. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты. 3-е издание. Москва: НП РСМД, 2023.

Кику В., Тимофеев И. (2022). Новый этап политики санкций ЕС: экстерриториальные меры. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novyy-etap-politiki-sanktsiy-es/> (дата обращения: 15.07.2024).

Лихачева А.Б. Это все не экономика, дурачок! Или нелинейные эффекты санкций // Международная аналитика. 2023. № 14(1). С.14–21.

Романова Т.А. Транснациональный разрыв. Отношения России и ЕС: 2022 год и его последствия // Россия в глобальной политике. 2022. № 5. С. 79–97.

Тимофеев И.Н. Политика санкций Европейского союза. Опыт событийного анализа // Современная Европа. 2021. № 2. С. 17–27.

Тимофеев И.Н. Политика санкций: однополярный или многополярный мир? // Вестник международных организаций. 2019. №14(3). С. 18–19.

Тимофеев И.Н. «Санкции за нарушение санкций»: принудительные меры Министерства финансов США против компаний финансового сектора // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 73–90.

Тимофеев И.Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. 2022. №20(4). С. 136–152.

Чижевская М.П. Санкции Японии и ЕС против российского энергетического сектора в условиях кризиса 2022 г. // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Том 68. №1. С. 85–94.

Akhvlediani T., de Groen W.P. (2022). Sanction-proof or sanction-hit. How can the EU make Putin's evil war even more costly. CEPS Policy Insights. Режим доступа: https://cdn.ceps.eu/wp-content/uploads/2022/03/PI2022-10_Sanction-proof-or-sanction-hit.pdf (дата обращения: 15.07.2024).

Bali M. et al. Sanctions Effects on Russia: A Possible Sanction Transmission Mechanism? // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2024. No 30. Pp. 229–259.

Beaucillon Ch. The European Union's Position on and Practice with Regard to Unilateral and Extraterritorial Sanctions // Beaucillon Ch. *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. London: Edward Elgar, 2021.

Blockmans S. Extraterritorial Sanctions with a Chinese Trademark. *European Responses to Long-Term Legal Tactics*. CEPS Policy Insights. 2021. Режим доступа: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/extraterritorial-sanctions-with-a-chinese-trademark/> (дата обращения: 15.07.2024).

Boogaerts A. Short-term success, long-term failure? Explaining the signalling effects of EU misappropriation sanctions following revolutionary events in Tunisia, Egypt, and Ukraine // *Journal of International Relations and Development*. 2020. No 23. Pp. 67–91.

Casier T. The EU and Russia: The War that Changed Everything // *Journal of Common Market Studies*. 2023. No 61(1). Pp. 31–44.

Connolly R. et al. The Impact of EU Economic Sanctions on Russia // *On target?: EU sanctions as security policy tools* / Dreyer I. and Luengo-Cabrera J. (eds.). European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2015. Pp. 29–38.

Costa O., Barbé E. A moving target. EU actorness and the Russian invasion of Ukraine // *Journal of European Integration*. 2023. No 45(3). Pp. 431–446.

de Vries A.W., Hazelzet H. The EU As a New Actor on the Sanctions Scene // *International Sanctions: Between Wars and Words* (1st ed.) / Staibano C. and Wallenstein P. (eds.). Routledge, 2005. 270 p.

Doornich J. B., Raspotnik A. Economic Sanctions Disruption on International Trade Patterns and Global Trade Dynamics: Analyzing the Effects of the European Union's Sanctions on Russia // *Journal of East-West Business*. 2020. No 26(4). Pp. 344–364.

Farrell H. and Newman A. Weaponized Interdependence. How Global Economic Networks Shape State Coercion // *International Security*. 2019. No 1(44). Pp. 42–79.

Fritsz O et al. Russia's and the EU's sanctions: economic and trade effects, compliance and the way forward. Directorate-General for External Policies 2017. Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603847/EXPO_STU\(2017\)603847_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603847/EXPO_STU(2017)603847_EN.pdf) (дата обращения: 15.07.2024).

Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. The when, what, where and why of European Union sanctions // *European Security*. 2021. No 30(1). Pp.1–23.

Giumelli F. How EU sanctions work: a new narrative // *European Union Institute for Security Studies*. 2013. No 129.

Giumelli F. The Redistributive Impact of Restrictive Measures on EU Members: Winners and Losers from Imposing Sanctions on Russia // *Journal of Common Market Studies*. 2017. No 55(5). Pp. 1062–1080.

Håkansson C. The Ukraine war and the emergence of the European commission as a geopolitical actor // *Journal of European Integration*. 2023. No 46(1). Pp. 25–45.

Helwig N., Jokela J. et al. Sharpening EU Sanctions Policy for a Geopolitical Era. *Publications of the Government's Analysis, Assessment and Research Activities*. 2020.

Herlin-Karnell S. E., Gazzini T. Restrictive Measures Adopted by the EU from the Standpoint of International and EU Law // *European Law Review*. 2011. Pp. 798–817.

- Каца Е. Two Years after Russia's Invasion of Ukraine, Lessons Learnt Can Strengthen EU Sanctions Policy. The Polish Institute of International Affairs, 2024. Режим доступа: <https://pism.pl/publications/two-years-after-russias-invasion-of-ukraine-lessons-learnt-can-strengthen-eu-sanctions-policy> (дата посещения: 15.07.2024).
- Kluge J., Portela C. Slow-Acting Tools: Evaluating EU Sanctions against Russia after the Invasion of Ukraine // European Union Institute for Security Studies Brief. 2022. No 11.
- Kranz K. European Union arms embargoes: the relationship between institutional design and norms // Cambridge Review of International Affairs. 2016. No 29(3). Pp. 970–996.
- Kreutz J. Human Rights, Geostrategy, and EU Foreign Policy, 1989–2008 // International Organization. 2015. No 69(1). Pp. 195–217.
- Latipov A. et al. The Economic Effects of Potential EU Tariff Sanctions on Russia – A Sectoral Approach // Intereconomics. 2022. No 57(5). Pp. 294–305.
- Meissner K., Graziani C. The transformation and design of EU restrictive measures against Russia // Journal of European Integration. 2023. No 45(3). Pp. 377–394.
- Meissner K. How to sanction international wrongdoing? The design of EU restrictive measures // The Review of International Organizations. 2023. No 18. Pp. 61–85.
- Meyer J. Second Thoughts on Secondary Sanctions // Penn Carey Law: Legal Scholarship Repository. 2014. No 30(3). Pp. 905–968.
- Onderco M. and Van der Veer R.A. No More Gouda in Moscow? Distributive Effects of the Imposition of Sanctions // Journal of Common Market Studies. 2021. No 59(6). Pp. 1345–1363.
- Portela C. European Union Sanctions and Foreign Policy. When and Why do they Work? London: Routledge, 2010.
- Romanova T. Sanctions and the Future of EU–Russian Economic Relations // Europe-Asia Studies. 2016. No 68(4). Pp. 774–796.
- Ruys T. and Ryngaert C. Secondary Sanctions: A Weapon out of Control? The International Legality of, and European Responses to, U.S. Secondary Sanctions // The British Yearbook of International Law. 2020. No 89.
- Siddharth R. Are Western sanctions against Russia working? Observer Research Foundation, 2024. Режим доступа: <https://www.orfonline.org/expert-speak/are-western-sanctions-against-russia-working> (дата обращения: 15.07.2024).
- Steven R., Bernstam M. Russo–Ukrainian war: Limits of Western economic sanctions // Acta Oeconomica. 2024. No 74(1). Pp.1–17.
- Secrieru S. Have EU sanctions changed Russia's behaviour in Ukraine? // On target?: EU sanctions as security policy tools / Dreyer I. and Luengo-Cabrera J. (eds.). European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2015. Pp. 39–47.
- Silingardi S. The EU 11th and 12th Packages of Sanctions Against Russia: How Far is the EU Willing to Go Extraterritorially? // Global Trade and Customs Journal. 2024. No 19(7/8). Pp. 546–554.
- SIPRI. SIPRI databases. Arms embargoes. 2022. Режим доступа: <https://www.sipri.org/databases/embargoes> (дата обращения: 15.07.2024).

Szép V. New intergovernmentalism meets EU sanctions policy: The European Council orchestrates the restrictive measures imposed against Russia // *Journal of European Integration*. 2019. No 42(6). Pp. 855–871.

Taran S. Cost of aggression: EU sanctions against Russia two years on. European Policy Centre, 2024. Режим доступа: <https://www.epc.eu/en/publications/Cost-of-aggression-EU-sanctions-against-Russia-two-years-on~58f570> (дата обращения: 15.07.2024).

Terry P. Secondary Sanctions: Why the U.S. Approach Is Unlawful and the EU's Response is Ineffective // *Global Trade and Customs Journal*. 2022. No 17(9). Pp. 370–379.

Timofeev I. Policy of sanctions in Russia-EU relations // *The Routledge Handbook of EU-Russia Relations* (1st ed.) / Romanova T. and David M. (eds). Routledge, 2021. 506 p.

Анализ методологий присвоения ESG-рейтингов на российском рынке: вопросы прозрачности и конвергенции

Носко П.А.

Носко Полина Анатольевна — к.э.н., эксперт Научно-учебной лаборатории экономики изменения климата НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Носко П.А. Анализ методологий присвоения ESG-рейтингов на российском рынке: вопросы прозрачности и конвергенции // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. №2(6). EDN: JRNWMW

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-60-75>

Ключевые слова: ESG-рейтинг, методология ESG-рейтингов, прозрачность ESG-рейтингов, регулирование ESG-рейтингов.

Аннотация

Надежность ESG-рейтингов как инструмента оценки деятельности организаций в области устойчивого развития подробно изучена исследователями и международными организациями и нередко ставилась ими под сомнение. В ответ на критику стали появляться национальные нормы регулирования, направленные на решение выявленных в рейтингах проблем и их причин. Не является исключением и Россия, в которой рынок ESG-рейтингов значительно вырос за последние два года.

Цель статьи состоит в том, чтобы оценить уровень прозрачности методологий ESG-рейтингов на российском рынке и выявить, имеет ли место их сближение.

Для достижения поставленной цели на основе публикаций зарубежных и российских авторов, международных организаций и Банка России выполнен анализ методологий присвоения ведущих российских рейтингов, разработана и применена методика оценки уровня прозрачности таких методологий по десяти параметрам.

В работе представлен краткий обзор ключевых проблем, присущих ESG-рейтингам и освещенных в литературе, и порядка их решения нормами регулирования в ряде зарубежных стран и в Российской Федерации. В целях проверки внедрения рекомендаций Банка России в обновленные методологии присвоения ESG-рейтингов выполнен анализ подходов четырех агентств — Аналитического кредитного рейтингового агентства, «Эксперт РА», RAEX

и Национального рейтингового агентства — с точки зрения транспарентности и конвергенции; методологиям агентств присвоены оценки степени прозрачности.

Сделаны выводы о некотором сближении подходов агентств к ESG-оценке, прежде всего в части рейтинговых шкал и взвешивания ESG-компонент, а также о в целом высоком уровне прозрачности методологий российских ESG-рейтингов.

Введение

На фоне решения большинства зарубежных агентств прекратить присваивать ESG-рейтинги российским компаниям выросло число обращений последних за оценками качества деятельности в области устойчивого развития внутри страны. В стране сложился рынок, где ESG-оценка принимает форму рейтинга, рэнкинга или индекса. Первый продукт характеризуется тем, что компания или другое лицо обращается в агентство за получением рейтинга и может предоставлять внутренние документы в дополнение к используемым агентствами открытым источникам; сложившейся практикой является заполнение рейтингуемым лицом анкеты и участие в интервью. Основная мотивация обращения за рейтингом в текущих условиях — получение независимой внешней оценки деятельности, то есть аудит качества и зрелости практик в области устойчивого развития [Национальное рейтинговое агентство и Кириллова 2022]. Вторая группа продуктов включает рэнкинги и индексы, которые ранжируют и группируют выбранные агентствами организации на основе проведения оценки с использованием открытой информации. Впрочем, в некоторых случаях для формирования подобных инструментов оценки также используется анкетирование.

В связи с ростом числа и охвата российских ESG-рейтингов важно понимание текущих методологических подходов российских агентств к их составлению в условиях введения «мягкого» регулирования рынка в стране. Анализ этих подходов с целью оценки их уровня прозрачности проведен в данной работе.

В первом разделе рассмотрены теоретические и практические основы ESG-рейтингования. Во втором — приведен обзор рекомендаций Банка России, непосредственно направленных на обеспечение гармонизации ESG-рейтингов. В третьей части статьи представлен анализ методологий имеющихся российских рейтингов, а также дана оценка их прозрачности. Заключительный раздел резюмирует основные выводы этого анализа.

В статье использован ряд терминов, касающихся методологий и требующих разъяснения. В частности,

- *ESG-компонента (или блок)* — одна из трех составляющих ESG-рейтинга: окружающая среда, социальная ответственность или корпоративное управление; находится на втором уровне детализации после сводного рейтинга;
- *Элемент* (третий уровень детализации) — тематический аспект компоненты, представляющий собой группу показателей (например, климат, обращение с отходами, охрана труда, управление рисками, органы управления);

- **Показатель** (или метрика) — количественный или качественный индикатор наиболее детализированного уровня (например, объем выбросов парниковых газов того или иного охвата, текучесть кадров, коэффициент частоты травм с временной потерей трудоспособности, доля независимых членов в составе совета директоров); все расчеты отталкиваются от оценки показателя.

1. Теоретические и практические основы ESG-рейтингования

Целью ESG-рейтинга является информирование участников рынка о потенциальных рисках, которым подвержена организация и которые могут оказать влияние на ее экономическое и финансовое положение, а также о качестве корпоративных программ в области охраны окружающей среды, социальной ответственности, корпоративного управления. Оценка степени подверженности ESG-рискам и качества управления ими является доминирующим подходом к присвоению рейтингов устойчивого развития. При этом в литературе и практике нет однозначной позиции относительно того, предсказывают ли модели присвоения ESG-рейтингов инвестиционный риск или инвестиционный доход [Larcker et al. 2022]. Некоторые агентства также ставят задачу измерить воздействие на окружающую среду и общество, уровень прозрачности информации и приверженности вопросам ESG-повестки.

Ключевой проблемой, присущей ESG-рейтингам, является их расхождение (или дивергенция), при котором рейтинги одной и той же компании могут отличаться, и даже существенным образом. Феномен дивергенции ESG-рейтингов детально изучен в зарубежной литературе и освещен в публикациях российских авторов. Можно выделить ряд причин (источников) дивергенции, рассмотренных в литературе. Во-первых, расхождение связывают с использованием разных источников данных: только публичных данных, заполняемой организациями анкеты или дополнительной информации, поступающей в частном порядке от рейтингуемых лиц [Halper et al. 2022; Larcker et al. 2022]. Во-вторых, это целый спектр методологических различий. Среди них — использование разных групп элементов и разных показателей для одинаковых элементов, применение различных весовых коэффициентов к показателям, элементам и каждой из трех ESG-компонент, а также отличающиеся рейтинговые шкалы [Berg et al. 2022; Halper et al. 2022; Larcker et al. 2022; Fukami et al. 2022]. К методологическим аспектам можно отнести и порядок принятия аналитиками решения в отношении отсутствующих данных [Larcker et al. 2022]. В-третьих, исследователи выявляют наличие тенденции присвоения более высоких рейтингов более крупным компаниям (что объясняется большим объемом ресурсов для подготовки и раскрытия информации) и различающихся оценок по географическому принципу [Halper et al. 2022; Larcker et al. 2022]. Так, рейтинги европейских компаний выше, чем у американских фирм, а организации в развивающихся странах и странах с переходной экономикой получают оценки ниже, чем компании и финансовые институты в развитых странах. Это может быть обусловлено разным уровнем регулирования повестки устойчивого развития.

Следствием проблемы дивергенции является использование ненадежной информации при принятии инвестиционных решений и информировании управ-

ляющими фондами инвесторов, учет сразу нескольких рейтингов, подразумевающий издержки на изучение подходов каждого рейтингового агентства к оценке компаний, а также внедрение собственных моделей ESG-оценки крупнейшими инвестиционными компаниями и банками.

Некоторые авторы видят решение проблемы дивергенции в развитии норм регулирования в отношении публикации качественной верифицируемой нефинансовой отчетности [Левашенко и др. 2023]. Однако ряд исследователей [Larcker et al. 2022; Christensen et al. 2022] обращают внимание на то, что повышение уровня раскрытия ESG-информации не приводит к сокращению расхождения между рейтингами, так как ключевую роль играет не наличие (и объем) информации, а то, как она интерпретируется. То есть чем больше информации, тем шире поле для различающихся интерпретаций.

Среди других предложений по данной проблематике в литературе можно выделить подход по отдельному присвоению рейтинга каждой из компонент (окружающей среды, социальной ответственности и корпоративному управлению) ввиду того, что инвесторы и управляющие активами фонды могут отдавать приоритет определенному ESG-направлению [Larcker et al. 2022] (для некоторых, например, больший вес и значение имеют аспекты климатической повестки).

В качестве прочих недостатков рынка ESG-рейтингов в научных статьях и публикациях регуляторов в период 2020–2023 годов рассматривались конфликт интересов, связанный с одновременным предоставлением агентствами услуг по присвоению рейтинга и консультационных услуг, и проблема восприятия результата оценки пользователями (когда оценивается влияние экологических, социальных и управленческих факторов на деятельность и устойчивость организаций, а представляется, что имеет место оценка воздействия рейтингуемого лица на окружающую среду и общество) [Halper et al. 2022; Larcker et al. 2022; Fukami et al. 2022].

Выявленные проблемы и способы их решения нашли свое отражение в отчете Международной организации комиссий по ценным бумагам (International Organization of Securities Commissions, IOSCO) 2021 года [IOSCO 2021], деятельность которой стала двигателем развития национальных норм регулирования рынков ESG-рейтингования. Многие зарубежные регуляторные инициативы сфокусированы на повышении прозрачности, решении проблемы конфликта интересов и совершенствовании систем внутреннего контроля в агентствах и не способствуют сближению ESG-рейтингов [Хачатрян 2022]. Такой подход соответствует рекомендациям IOSCO и Организации экономического сотрудничества и развития, в публикации которой подчеркивалась значимость обеспечения прозрачности процесса оценки, методологий и используемых источников данных для институциональных инвесторов [Fukami et al. 2022]. Однако, как отмечают некоторые исследователи [Larcker et al. 2022], прозрачность подходов сама по себе не будет способствовать конвергенции; нужен консенсус по поводу непосредственно методологий.

По аналогии с некоторыми странами путь «мягкого» регулирования избрал и Центральный банк Российской Федерации, опубликовавший в 2023 году реко-

мендации по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов [Центральный банк 2023]. Банк России, как показано ниже, предлагает меры для решения более широкого круга проблем, включая дивергенцию.

2. Рекомендации Банка России по подходам к присвоению ESG-рейтингов

В документе Банка России декларируется, что целью разработанных рекомендаций является гармонизация ESG-рейтингов. В данное понятие вкладывается обеспечение наглядности, прозрачности и сопоставимости рейтингов устойчивого развития [Центральный банк 2023]. Центральный банк обращает внимание на необходимость унификации определения рейтингов и рейтинговой шкалы (таблица 1 отражает предлагаемую банком шкалу), а также использования минимального набора элементов. Фокус регулятора на этих трех вопросах представляется шагом к решению проблемы дивергенции ESG-рейтингов.

Таблица 1. Рекомендуемая Банком России шкала ESG-рейтингов

Укрупненный уровень	Уровень / Детальная категория
ESG-A — высокий уровень	ESG-AAA
	ESG-AA
	ESG-A
ESG-B — средний уровень	ESG-BBB
	ESG-BB
	ESG-B
ESG-C — низкий уровень	ESG-C

Источник: [Банк России 2023].

Одна из важнейших компонент цели гармонизации — повышение прозрачности присваиваемых на российском рынке ESG-рейтингов, для чего Банк России рекомендует агентствам раскрывать следующие аспекты: предмет (разъяснение того, что выражает рейтинг), используемые источники информации, процедуры сбора, обработки и взвешивания данных; расчетные величины и базовую методологию расчетов, значимые корректировки, отдельные рейтинги по компонентам и порядок объединения трех компонент в сводный рейтинг, а также значения элементов по компонентам. В дополнение к рекомендациям по раскрытию перечисленного Банком России предложено проведение целого ряда процедур — в частности, пересмотр методологий и актуализации рейтинга каждого объекта на регулярной (ежегодной) основе, осуществления регулярного (ежеквартального) мониторинга лиц, присвоения рейтинга на сравнительной основе (путем внутригруппового сопоставления лиц).

Регулятор также предлагает внедрение набора мер, решающих проблему конфликта интересов (в том числе путем разделения сотрудников, занимающихся

ESG-рейтингованием, и персонала, отвечающего за продажи), касающихся квалификации проводящих оценку аналитиков и обеспечивающих коммуникацию с рейтингуемым лицом (включая введение процедуры обратной связи, которая имеет высокую значимость для компаний, деятельность которых оценивается).

В связи с обновлением методологий присвоения рейтингов устойчивого развития ведущими агентствами после публикации Банком России своих рекомендаций интерес представляет анализ актуальных подходов к оценке, главным образом, с точки зрения прозрачности методологий рейтингов и перспектив их конвергенции.

3. Анализ методологий присвоения ESG-рейтингов

3.1. Методологии ведущих российских ESG-рейтингов по запросу

В данном разделе рассмотрены методологии агентств, отобранных по количеству присвоенных ESG-рейтингов в формате «по запросу» по состоянию на начало июня 2024 года. Основной акцент сделан на ключевых аспектах, касающихся унификации и прозрачности методик.

АКРА

Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА) является аккредитованным Банком России кредитным рейтинговым агентством. Агентство присваивает и ESG-рейтинги; в настоящее время данный тип рейтинга присвоен двадцати организациям. АКРА размещает на сайте как общие положения методологии оценки, так и приложения для отдельных объектов, что позволяет учитывать отраслевые особенности. В частности, тематические приложения разработаны для нефинансовых компаний, финансовых организаций, субсуверенных образований (субъектов Федерации и муниципальных образований), лизинговых и страховых компаний. Среди размещенных на сайте объектов рейтинг-листа можно отметить несколько паевых инвестиционных фондов, прошедших процедуру рейтингования в 2023 году.

В основополагающем методическом документе АКРА отмечает, что проводит оценку «деятельности организаций в области экологической и социальной ответственности, корпоративного или государственного управления» [АКРА 2024]. Многокомпонентный характер предмета оценки раскрывается через три этапа, которые предусмотрены в каждом из трех блоков ESG. Для присвоения количественных оценок нефинансовым компаниям, во-первых, анализируются показатели, характеризующие деятельность рейтингуемых лиц по блокам окружающей среды, социальной ответственности и управления и включающие аспекты воздействия. Вес данного этапа составляет 40%.

Во-вторых, оцениваются действия по минимизации и способности противостоять отраслевым экологическим и социальным рискам, а также рискам корпоративного управления (вес этапа — 30%). Применительно к ESG-рискам подход АКРА является в максимальной степени прозрачным, поскольку представлены перечни социальных и экологических риск-факторов по двенадцати отраслям,

а также универсальный список рисков, касающихся блока управления. Методологические приложения для нефинансовых организаций и финансовых институтов можно в определенной степени охарактеризовать как в том числе носящие информационно-просветительский характер, поскольку, помимо наличия перечня риск-факторов для компаний по отраслям, по каждому из них представлены описания возможных негативных последствий, что позволяет объектам рейтингования либо сформировать (или повысить) уровень понимания релевантности и значимости ESG-рисков, либо проверить, учтены ли ключевые последствия в системах риск-менеджмента, которые уже интегрируют экологические и социальные аспекты, а также факторы корпоративного управления.

В-третьих, АКРА проводит оценку соответствия рейтингуемого лица лучшим практикам, которые представлены агентством по каждому из ESG-блоков и для каждого типа объекта в соответствующих тематических приложениях. В качестве примеров лучших (по мнению агентства) практик нефинансовых компаний в области экологической ответственности — расчет и верификация углеродного следа продукции и внешнее заверение данных по выбросам парниковых газов, наличие программы по сохранению биологического разнообразия с количественными целями, проведение сценарного анализа для оценки воздействия климатических факторов на деятельность организации. Среди не самых привычных с точки зрения ESG-показателей в социальном блоке можно отметить сотрудничество с высшими учебными заведениями в целях поддержания кадровой устойчивости. В качестве поддержки ключевых национальных целей развития и государственных программ выступают такие практики, как поддержка родительства и жилищные программы для работников, последние из которых функционируют в крупнейших российских промышленных холдингах. Представленные в блоке корпоративного управления практики давно и хорошо известны крупным нефинансовым компаниям, которые ориентируются на российские нормы (прежде всего Кодекс корпоративного управления, выпущенный Банком России в 2014 году) и знакомы с зарубежными ESG-рейтингами.

Отличие этапов оценки финансовых институтов заключается в том, что на первом из них оцениваются риски портфеля организации; различны и веса этапов (см. таблицу 2). В случае субсуверенных образований предусмотрены два этапа оценки — анализ количественных показателей и качественное рассмотрение факторов, влияющих на окружающую среду, общество и управление.

Таблица 2. Веса этапов присвоения оценок нефинансовым компаниям и финансовым институтам для каждого блока ESG-рейтинга АКРА

№	Этап для нефинансовых компаний	Вес	Этап для финансовых институтов	Вес
1	Оценка деятельности	40%	Оценка рисков / значимости портфеля	40%
2	Оценка действий по минимизации рисков	30%	Оценка собственных рисков	20%
3	Уровень соответствия лучшим практикам	30%	Уровень соответствия лучшим практикам	40%

Источник: [АКРА 2024].

Рейтинговая шкала АКРА имеет 7 категорий и 17 уровней; уровни присваиваются исходя из попадания числовой оценки в тот или иной диапазон. Буквенная шкала нефинансового рейтинга отражает рекомендации модельной методологии (за исключением того, что в отличие от предложенного регулятором подхода категория ESG-B характеризуется как низкий, а не средний результат).

Вес каждого из трех блоков при оценке нефинансовых компаний и финансовых институтов одинаков и равен одной трети. Система присвоения оценок в баллах по показателям также понятна и прозрачна. Примечательным является не только применение штрафных баллов за происшествя и ненадлежащее воздействие на общество и окружающую среду, но и прибавление баллов за хорошие практики (система положительных и отрицательных модификаторов в методологии). Среди некоторых примеров такого рода премирования – доля использования оборотного водоснабжения в водопотреблении более 85%, выработка или потребление значительной доли (более 70%) энергии из возобновляемых источников, ежегодный пересмотр размера заработной платы 100% сотрудников на уровне не ниже инфляции, высокая доля (более 30%) женщин в составе топ-менеджмента и среди членов совета директоров, раскрытие результатов аудита систем контроля качества, обучение поставщиков по ESG-аспектам и другие.

Что же касается учета инцидентов, то оценка зависит от масштаба воздействия и времени, которое прошло с момента события: размер «штрафного» балла будет наибольшим, если событие имело место менее года назад, и наименьшим, если оно произошло более пяти лет назад. При сроке более пяти лет для происшествя с малым воздействием штрафной балл не применяется. Исходя из методологии, наличие или отсутствие мер реагирования виновной организации не учитывается.

Агентство подробно описывает порядок пересмотра методологии (происходит раз в год; может быть оставлена без корректировок), отмечая, что каждое изменение подлежит раскрытию на официальном сайте.

В случае согласия рейтингуемого лица аналитиками агентства совместно с представителями рейтингуемого лица готовится пресс-релиз на сайт, в котором раскрываются основные аспекты присвоенной оценки.

«Эксперт РА»

Рейтинговое агентство «Эксперт РА» имеет аккредитацию Банка России и значительный опыт присвоения кредитных рейтингов. Двадцати организациям был присвоен ESG-рейтинг. Он представляет собой мнение агентства «о том, в какой степени процесс принятия ключевых решений» рейтингуемого лица «ориентирован на устойчивое развитие в экологической, социальной сферах и в области управления» [Эксперт РА 2023]. По экологическому блоку анализируются подходы объекта рейтинга к политике и фактическое воздействие на окружающую среду. В блоке социальной ответственности агентство также заявляет о рассмотрении подходов к политике и фактического взаимодействия с работниками, клиентами и обществом в целом. По третьему ESG-направлению оцениваются вопросы управления и «фактическая защита прав заинтересованных сторон».

Показатели по трем блокам, порядок начисления баллов по ним (включая положительные и отрицательные корректировки) представлены отдельно для компаний, регионов и городских округов. По компаниям показатели в основном являются универсальными; однако предусмотрены применимые только для финансовых организаций индикаторы, как, например, политика ответственного инвестирования.

Используемые веса варьируются в зависимости от объекта (см. таблицу 3). Привлекает внимание более низкий вес оценки по экологической компоненте рейтинга для нефинансовых компаний и регионов. Однако, во-первых, само воздействие компаний на окружающую среду может наносить колоссальный ущерб. Во-вторых, в своем рейтинге, который по своей сути представляет собой независимое мнение третьего лица о качестве деятельности в области устойчивого развития и по факту служит ориентиром лучших практик, агентство не придает должного значения вопросам охраны окружающей среды, находящимся в ведении профильных региональных и городских министерств и непосредственно касающимся здоровья и качества жизни населения.

Таблица 3. Веса факторов ESG-рейтинга «Эксперт РА» по объектам

Фактор	Для финансовых компаний	Для иных компаний	Для регионов и городских округов
Окружающая среда (E)	15%	30%	30%
Общество (S)	40%	35%	50%
Управление (G)	45%	35%	20%

Источник: [Эксперт РА 2023].

Что касается рейтинговой шкалы, то, во-первых, в обновленной в декабре 2023 года методологии представлено сопоставление категорий и уровней принятой в агентстве шкалы с тем, что рекомендует Банк России. Во-вторых, представлен пересчет используемых числовых оценок в формате диапазонов для каждого из семи уровней рекомендуемой Банком России шкалы.

«Эксперт РА» перечисляет корректировки, которые могут приводить к повышению или понижению оценки по показателям. Важно отметить, что агентство предъявляет требование к аналитикам об обосновании корректировок и доведения их до сведения специального комитета, что смягчает фактор субъективности оценок, присущий корректировкам (проблема, рассмотренная в публикации [Бучинская 2023]). К стресс-факторам относятся значимые происшествия, случаи нарушения законодательства, а также негативная деловая репутация организации, ее собственников или руководства. Если произошло критически значимое событие (к коим агентство относит природные катастрофы, социальные конфликты, полную остановку производства компаниями или риск такой остановки), то, невзирая на значения оценок по другим показателям, объекту будет присвоен один из двух самых низких рейтингов (ESG-V или ESG-W), соответствующий категории ESG-C по модельной методологии. Однако на этот счет есть оговорка, позволяющая из-

бежать такого «наказания» и касающаяся учета действий рейтингуемого лица по минимизации последствий событий и недопущению их повторения в будущем.

RAEX

RAEX (РАЭКС-Аналитика) — еще одно присваивающее ESG-рейтинги агентство, некогда входившее в медиахолдинг «Эксперт РА» (а впоследствии выделившееся в отдельный консорциум) и сыскавшее себе в последние несколько лет в корпоративной среде популярность благодаря ESG-рэнкингам, публиковавшимся на регулярной основе. В 2024 году агентство выпустило новую методологию, ключевые аспекты которой рассмотрены ниже. Примечательно, что в презентации своей новой методологии агентство обратило внимание на разграничение между тем рейтингом, который формируется на основании исключительно открытых источников информации (назван «публично наблюдаемым») и на базе значений которого ранжируются оцениваемые лица в рэнкинге, и рейтингом по запросу.

ESG-рейтинг RAEX — мнение агентства о том, насколько качественно объект рейтинга управляет своей подверженностью экологическим, социальным и управленческим рискам [Рейтинговый консорциум RAEX 2024]. При этом агентство отмечает, что «предприняты разумные усилия» для обеспечения принципа двойной существенности, то есть, несмотря на выведенное определение, своей оценкой RAEX пытается также рассмотреть, как компания — объект рейтинга воздействует на окружающую среду, общество и экономику. Но все же из шкалы, о которой речь пойдет ниже, видно, что ключевой фокус оценки — качество управления рисками.

Методология была разработана с внедрением аспектов стандартов МСФО в области устойчивого развития и изменения климата (известных под аббревиатурой IFRS S1 и S2) и с учетом рекомендаций Банка России. Анализ и оценка рисков (показателей) осуществляются в соответствии с IFRS S1 по уже хорошо известным для компаний-лидеров ESG-повестки трем направлениям, представляющим собой «каналы влияния на ESG-риски»: управление и стратегия (вес — 20%), система управления рисками (30%) и достижение эффективности (50%). К направлению «управление и стратегия» относятся политики, программы и стратегии; а в рамках категории «достижение эффективности» собраны объективно измеримые количественные характеристики, обычно рассматриваемые в динамике за четыре года. По этим трем каналам влияния сгруппированы детальные метрики, которые в свою очередь собираются в значение тематического элемента с учетом веса каждого из трех направлений (указаны в скобках выше). Сформированы две группы элементов — базовые, характерные для всех объектов, и уникальные, которые отражают отраслевую специфику и подготовлены в соответствии со стандартами нефинансовой отчетности МСФО.

Система оценки учитывает не только отраслевые особенности; при расчете уровня подверженности тому или иному виду ESG-риска берутся конкретные значения из матриц страновых, отраслевых и территориальных рисков, а также принимаются во внимание индивидуальные характеристики (риски) рейтингуемого лица. Однако, в отличие от АКРА, рассматриваемое агентство не публикует перечень факторов риска по отраслям, странам или территориям.

Шкала ESG-рейтинга соответствует национальной и международной шкале кредитных рейтингов и включает девять уровней, каждому из которых соответствует определенный диапазон оценок, выраженных в процентах. Вес каждого из факторов E, S, G одинаков, а порядок расчета по формулам прозрачен и максимально детализирован.

Что касается стресс-факторов, то для их расчета анализируется публичная информация о спорных ситуациях (controversies) в текущем году и за предшествующие два года. Такой подход является достаточно привлекательным для корпоративного сектора, так как в случае таких зарубежных рейтингов, как MSCI, Sustainalytics, ISS ESG и других, каждое негативное происшествие может оказывать влияние на оценку в течение более длительного периода. По аналогии с зарубежными рейтингами RAEX при присвоении штрафных баллов за происшествия оценивает как уровень тяжести (рассматриваемый через призму масштаба и серьезности воздействия), так и реакцию рейтингуемого лица на них (реагирование, устранение последствий и реализация предупреждающих мероприятий во избежание повторения ситуации в будущем). Например, в случае даже высокого уровня тяжести при высоком уровне реагирования размер штрафного балла составит 25% из 100% (100% присваивается в случае, когда компания не реагирует и не берет на себя вину за событие).

Как и в случае с АКРА, RAEX прописывает случаи пересмотра методологии и берет на себя обязательства по публичному раскрытию вносимых изменений. Важной чертой подхода агентства является также принятие во внимание наличия или отсутствия верификации нефинансовой отчетности компаний третьей стороной.

Национальное рейтинговое агентство

Национальное рейтинговое агентство (НРА) входит в реестр кредитных рейтинговых агентств Банка России. Количество организаций, которым Национальным рейтинговым агентством присвоен ESG-рейтинг, меньше, чем у рассмотренных выше агентств. Исходя из опубликованного на сайте рейтинг-листа, НРА присваивало рейтинг устойчивого развития с конца 2020 года. В отличие от рассмотренных выше рейтингов среди объектов фигурирует субъект Федерации — Ямало-Ненецкий автономный округ, получивший свою (высокую) оценку в текущем году.

Предметом оценки являются, с одной стороны, характеристики деятельности рейтингуемого лица в области устойчивого развития, отражающие потенциальное воздействие на окружающую среду и общество, а с другой — подверженность и управление ESG-рисками на горизонте от одного года до трех лет [Национальное рейтинговое агентство 2023].

В своем подходе к проведению оценки НРА ориентируется на принцип отраслевой диверсификации, заключающийся в отборе элементов для анализа исходя из принадлежности организации к той или иной отрасли. Для отражения отраслевой специфики по каждой группе показателей (то есть внутри элементов) имеется таблица, в которой отмечено, какие из них неприменимы для определенных секторов.

Другой принцип — усреднения — касается расчетов; в описании методологических подходов НРА обращает внимание на нивелирование значимости влияния какого-либо из показателей за счет применения среднеарифметических значений при расчете оценок по каждому из трех блоков. Такой же подход равной значимости применяется и к расчету сводного рейтинга. Шкала ESG-рейтинга НРА полностью совпадает с предложенной Банком России.

Подход НРА к негативным событиям заключается в том, что, во-первых, есть несколько специальных показателей, посвященных данным аспектам в каждом из блоков, а во-вторых, представлен отдельный раздел по отрицательным корректировкам, в котором отмечено, что факторы могут быть выявлены в течение всего периода поддержания рейтинга. Однако агентство не отмечает, что может послужить стимулом для отмены их учета в оценке. При наличии нарушений экологического и социального характера НРА принимает во внимание информационную прозрачность виновной в них организации; меры непосредственно устранения последствий учтены в разрезе экологических происшествий.

Пересмотр методологии НРА, как и в случае АКРА и RAEX, предусмотрен на ежегодной основе, а основания прописаны в методологическом документе.

К рассмотренному выше можно также добавить, что все четыре агентства публикуют на своих сайтах пресс-релизы по присваиваемым рейтингам, однако степень их детализации различается, что может быть обусловлено не столько практикой агентства, сколько готовностью получившего оценку лица раскрывать тот или иной объем информации. В целом в пресс-релизах агентств можно найти краткое обоснование оценок, перечень основных допущений и — в некоторых случаях — факторы, способные повлиять на уровень рейтинга в будущем. Уровни рейтингов по компонентам ESG (в соответствии со шкалами агентств) представлены у всех, кроме «Эксперт РА».

3.2. Оценка уровня прозрачности методологий

На основании представленного выше краткого разбора теоретико-методологических аспектов рейтингов, с учетом рекомендаций Банка России и опыта практической деятельности в области рейтингов устойчивого развития (в корпорациях), предложена методика оценки уровня прозрачности методологий ESG-рейтингов, присваиваемых компаниям и финансовым институтам.

Для оценки выбрано десять показателей (или параметров), которые представлены (или не представлены) в методологиях присвоения ESG-рейтингов (см. таблицу 4 на с. 72). Выбор параметров для анализа обусловлен главным образом рекомендациями Банка России. Большинство параметров оцениваются по системе 0–1, где минимальный уровень свидетельствует об отсутствии показателя в методологии, а максимальный — о его раскрытии. Несколько параметров имеют более широкий вариант выбора баллов. В частности, показатель, отражающий представление формул и порядка расчетов, меняется в зависимости от степени их детализации и удобства представления (включая четко выстроенную структуру); в данный показатель также включена рекомендация Центробанка по раскрытию алгоритма

объединения ESG-компонент в сводный рейтинг. Показатель учета отраслевых особенностей имеет градацию 0–0,5–1, где промежуточный вариант соответствует наличию информации об отраслевых аспектах в методологии без уточнения деталей по секторам. Еще один параметр, имеющий значение для компаний, которые получают ESG-рейтинги, касается описания подхода к учету негативных событий, связанных с деятельностью рейтингуемой организации (аварии, нарушение законодательства и норм). В корпоративной среде критикуется предусмотренное методологиями многих ведущих зарубежных агентств (MSCI, Sustainalytics, ISS) снижение баллов в течение длительного срока после имевшего место случая отрицательного характера. Отсутствие учета предпринимаемых усилий виновной организации также не способствует высокому качеству рейтинга и его положительному восприятию со стороны организаций. В этой связи для лиц, которые обращаются за получением ESG-рейтинга, важно иметь полную информацию по подходам к учету таких событий, что включено в присвоение баллов по данному параметру следующим образом:

- 0 баллов – заявлен учет событий в оценке без дополнительной информации или события не учитываются вовсе;
- 0,25 – отмечено, что события отрицательного характера учитываются, и указаны баллы;
- 0,5 – указаны баллы и перечислены учитываемые события;
- 0,75 – указаны баллы, перечислены события, и либо есть информация о сроках учета события агентством, либо учитываются меры реагирования;
- 1 – указаны баллы, перечислены факторы, есть информация о сроках принятия события в расчет и учтены меры реагирования компании.

Итоговая оценка складывается путем суммирования баллов по десяти параметрам.

Таблица 4. Показатели для оценки уровня прозрачности методологий ESG-рейтингов

№	Раскрываемые параметры	Возможные баллы
1	Определение предмета оценки (что выражает рейтинг)	0; 1
2	Перечень источников информации	0; 1
3	Описание этапов / процедуры оценки	0; 1
4	Шкала	0; 1
5	Взвешивание	0; 1
6	Детализация формул / порядка расчетов, включая алгоритм объединения ESG-компонент	0; 0,5; 1
7	Показатели (метрики) и баллы по ним	0; 1
8	Учет отраслевых особенностей	0; 0,5; 1
9	Подход к учету негативных событий	0; 0,25; 0,5; 0,75; 1
10	Порядок пересмотра методологии	0; 1
–	Итого	0–10

Источник: составлено автором.

Попадание балльной оценки в определенный диапазон дает тот или иной уровень прозрачности методологий ESG-рейтингов (см. таблицу 5).

Таблица 5. Шкала оценки уровня прозрачности методологий ESG-рейтингов

Уровень (категория)	Баллы
Наивысший уровень	9–10
Высокий	7–8
Средний	5–6
Низкий	3–4
Крайне низкий	1–2

Источник: составлено автором.

На базе анализа методологий ранее рассмотренных агентств по предложенной методике проведена оценка их прозрачности, результаты которой представлены в таблице 6. Трем агентствам — АКРА, НРА и RAEX — присвоены баллы, позволяющие отнести их к высшей категории; методология «Эксперт РА» оценена как имеющая высокий уровень прозрачности.

Таблица 6. Оценка уровня прозрачности методологий российских ESG-рейтингов

№	Раскрываемые параметры	АКРА	«Эксперт РА»	RAEX	НРА
1	Определение предмета оценки	1	1	1	1
2	Перечень источников информации	1	1	1	1
3	Описание этапов / процедуры оценки	1	1	1	1
4	Шкала	1	1	1	1
5	Взвешивание	1	1	1	1
6	Детализация формул / порядка расчетов, включая алгоритм объединения ESG-компонент	1	0,5	1	1
7	Показатели и баллы по ним	1	1	1	1
8	Учет отраслевых особенностей	1	0,5	0,5	1
9	Подход к учету негативных событий	0,75	1	1	1
10	Порядок пересмотра методологии	1	0	1	1
–	Итого	9,75	8	9,5	10

Источник: составлено автором.

Выводы

Рассмотренные подходы к присвоению ESG-рейтингов ведущими российскими агентствами позволяют сделать выводы, касающиеся сближения методологий, которое продвигается Банком России. Во-первых, можно отметить, что у двух агентств — АКРА и НРА — рейтинговые шкалы полностью идентичны предложенному Банком

России, уровни RAEX сопоставимы, а «Эксперт РА» предоставляет таблицу соответствия шкале из рекомендаций Банка России. Во-вторых, агентства АКРА, RAEX и НРА присваивают ESG-компонентам равные веса (весовые коэффициенты «Эксперт РА» варьируются), что также свидетельствует о сближении подходов к оценке. В-третьих, отсутствует унификация формального определения ESG-рейтингов; при этом определение НРА совпадает с тем, которое рекомендуется Банком России.

Анализ параметров, характеризующих уровень прозрачности методологий ведущих ESG-рейтингов, показал, что агентства учли рекомендации Банка России в отношении раскрытия информации. В частности, в методологиях раскрывается определение рейтинга, источники используемой информации, процедуры обработки и взвешивания данных, способ объединения компонент в сводный рейтинг, показатели оценки. Также у трех из четырех рассмотренных агентств транспарентным является порядок пересмотра методологии, рекомендуемый регулятором. На официальных сайтах агентств можно найти пресс-релизы по присвоенным ESG-рейтингам с раскрытием информации по отдельным компонентам и – в ряде случаев – по элементам. Совокупность рассмотренных факторов позволяет сделать вывод о высоком уровне прозрачности процедур присвоения ESG-рейтингов российскими агентствами.

Библиография

Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА). Методология присвоения ESG-рейтингов от 22.03.2024. Режим доступа: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/a1b/tfmrqq8ujkakct0b18pct37pphlixd7x/20240322_ESG-Methodology.pdf

Бучинская О. Н. Вопросы методологии и объективности ESG-рейтингов // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 7. С. 783–793. Режим доступа: <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-7-783-793>

Левашенко А. Д., Ермохин И. С., Бурханова Ю. М. Проблема дивергенции оценок, присуждаемых лицами, оказывающими услуги по оценке устойчивого развития. Главные тренды в области законодательного регулирования института ESG-рейтингования в России и мире // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 3. С. 186–204. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-03-10>

Национальное рейтинговое агентство. Методология присвоения ESG-рейтингов (некредитных рейтингов, оценивающих подверженность организаций экологическим и социальным рискам бизнеса, а также рискам корпоративного управления), версия 5.0 от 14.12.2023. Режим доступа: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2023/12/metodologija-prisvoenija-esg-rejtingov-versija-5.0_vernaja-1.pdf

Национальное рейтинговое агентство, Кириллова Ю. Все о рейтингах ESG. Спецпроект с Национальным рейтинговым агентством // EcoStandard.journal – 10.11.2022. Режим доступа: <https://journal.ecostandard.ru/esg/keys/vse-o-reytingakh-esg-spetsproekt-s-natsionalnym-reytingovym-agentstvom/?ysclid=lxzmycnz968717350>

Рейтинговый консорциум RAEX. Методика присвоения ESG-рейтингов компаниям и финансовым институтам: версия 3.2 от 19.04.2024. Режим доступа: https://raex-rr.com/files/methods/RAEX_ESG_methodology.pdf

Центральный Банк Российской Федерации (Банк России). Информационное письмо о рекомендациях по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития) от 30.06.2023 № ИН-02-05/46. Режим доступа: <https://www.cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/6225>

Хачатрян А.В. Расхождение в ESG-рейтингах: зарубежные регуляторные тренды // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 5. С. 89–104. Режим доступа: https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2022/5/statii/06_5_2022_v14.pdf

Эксперт РА. Методология присвоения рейтингов ESG от 27.12.2023. Режим доступа: <https://raexpert.ru/docbank//57b/a7d/e85/35827e11353acf8098e2db0.pdf>

Berg F., Koelbel J., Rigobon R. Aggregate Confusion: The Divergence of ESG Ratings // Review of Finance. 2022. Vol. 26. Issue 6. Pp. 1315–1344. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/rof/rfac033>

Christensen D., Serafeim G., Sikochi A. “Why is corporate virtue in the eye of the beholder? The case of ESG ratings”. Harvard Business School Working Paper 20–084. 2022. Режим доступа: https://www.hbs.edu/ris/Publication%20Files/20-084_6c5b0248-d117-4049-baad-c0e1877eb537.pdf

Fukami K., Blume D., Magnusson C. “Institutional investors and stewardship”. OECD Corporate Governance Working Papers. No 25. Paris: OECD Publishing, 2022. Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/1ce75d38-en>

Halper J., Grieve D., Shriver T. “ESG Ratings: A Call for Greater Transparency and Precision”. Harvard Law School Forum on Corporate Governance. 2022. Nov. 10. Режим доступа: <https://corpgov.law.harvard.edu/2022/11/10/esg-ratings-a-call-for-greater-transparency-and-precision/>

Larcker D., Pomorski L., Tayan B., Watts E. “ESG Ratings: A Compass without Direction”. Rock Center for Corporate Governance at Stanford University Working Paper. 2022. Aug. 2. (Stanford Closer Look Series).

Трансформация внешнеэкономической политики Европейского союза в контексте открытой стратегической автономии

Сергеев Е.А.

Сергеев Егор Александрович — к.э.н., доцент кафедры мировой экономики, старший научный сотрудник Центра европейских исследований ИМИ МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-9964-9595

РИНЦ Author ID: 914172

Scopus Author ID: 57194348886

Researcher ID: ААН-2639-2019

Для цитирования: Сергеев Е.А. Трансформация внешнеэкономической политики Европейского союза в контексте открытой стратегической автономии // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. №2(6). EDN: WRWTNT

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-76-91>

Ключевые слова: Европейский союз, открытая стратегическая автономия, внешнеэкономическая политика, торговая политика, торговая сила, санкции.

Аннотация

Изменение параметров экономической глобализации наряду с трансформирующимся характером мировой экономической иерархии приводит к тому, что ключевым игрокам в мировой экономике приходится пересматривать не только свое место и роль в меняющейся системе, но и традиционные подходы к экономической политике и основным ее инструментам. Не является исключением в этой системе и Европейский союз, который сегодня ставит перед собой достаточно амбициозные задачи по сохранению своих позиций в рамках глобальной экономики, а также по своеобразному трансформированию своей геоэкономической мощи в мощь геополитическую. По крайней мере так можно трактовать задачи, поставленные в рамках концепции открытой стратегической автономии Европейского союза, фактически недвусмысленно объединяющей разные компоненты безопасности Союза (военный, политический, экономический и др.). Это позволяет рассматривать торговую и инвестиционную (внешнеэкономическую) политику ЕС (вкуже

с рядом других направлений деятельности) сквозь призму реалистской парадигмы в рамках теории международных отношений и попытаться выявить новые политэкономические черты подхода ЕС к своей деятельности в области регулирования международной торговли и движения капитала. Корректируя и трансформируя некоторые ключевые элементы внешнеэкономической политики (в первую очередь это касается пересмотра параметров преференциальных торговых режимов и подходов к двусторонним и многосторонним инвестиционным соглашениям), а также создавая новые механизмы координации и барьеры в торговле и движении капитала (например, Механизм мониторинга прямых иностранных инвестиций и Инструмент защиты от мер экономического принуждения), Европейский союз усиливает «защитный» компонент своей интеграционной модели, пытаясь приспособиться к изменяющимся параметрам современной глобальной экономики. При этом можно отметить взаимное переплетение основных направлений деятельности ЕС, которое распространяется также на сравнительно новые аспекты позиционирования Союза на внешней арене (геоэкономическая антикризисная политика, финансовая и валютная политика).

Введение

Современная мировая экономика характеризуется довольно серьезным переформатированием ставших привычными принципов и закономерностей отношений между государствами, а также весьма глубокой трансформацией мировой экономической иерархии. Если применять к глобальной экономической системе терминологию политических наук, можно говорить о своеобразной хаотизации процессов [Лебедева 2019], которая должна привести к созданию новой экономической конфигурации мира. В целом такая постановка вопроса отражает тенденцию на усиление связи между глобальными политическими и экономическими сюжетами, характеризующую возвращение глобальной политэкономии как объясняющей парадигмы мирового развития. Усложнение международного взаимодействия, усиление конфликтности, рост экономической взаимозависимости, углубляющаяся цифровизация и стремительное развитие технологий способствуют росту уязвимости национальных экономик, в том числе к внешнему воздействию, в котором многие национальные правительства видят существенные угрозы. Это, в свою очередь, провоцирует ключевых игроков устанавливать определенные торговые и иные ограничения во имя национальной экономической безопасности, причем соображения экономической целесообразности нередко уходят на второй план, свидетельствуя об общей секьюритизации политики глобального экономического взаимодействия [Hrynkiv 2022]. Наиболее ярким проявлением указанной тенденции стали торговые войны США и КНР, а также осязаемый «декаплинг» в торговых отношениях ЕС и России¹.

¹ См.: Altman S., Bastian C. (2024). DHL Global Interconnectedness Report 2024. Режим доступа: <https://www.dhl.com/global-en/delivered/globalization/global-connectedness-report.html>

В этом контексте научный интерес представляет исследование тактики и стратегии ведущих центров силы по приспособливанию к изменяющимся условиям среды и видения ими своего будущего места и роли в рамках трансформирующегося экономического порядка. Одним из наиболее любопытных объектов для изучения представляется Европейский союз, долгое время сочетавший использование выгод от либеральной экономической глобализации с некоторыми защитными компонентами в тех сферах, где возможности ЕС были ограничены, прибегая к своеобразной «управляемой глобализации» [Дрыночкин, Сергеев 2023]. Оставляя за скобками дискуссии о субъектности ЕС, настоящая статья предлагает рассмотреть перемены во внешнеэкономическом (само)позиционировании ЕС через призму концепции открытой стратегической автономии (ОСА). Подобный подход даст возможность выявить потенциальные действия ЕС на ключевых мировых рынках, где явно будет нарастать конкуренция, и ограничения, накладываемые особенностями интеграционной конструкции ЕС на имплементацию его стратегии.

Концептуализация меняющейся роли ЕС в мировой экономике

Наиболее значимым контекстом, в рамках которого происходит трансформация политики Европейского союза по его участию в глобализационных процессах, является постепенное, но все же неуклонное уменьшение веса в мировой экономике и сокращение конкурентоспособности по ряду ключевых промышленных позиций и технологий [Дрыночкин, Сергеев 2023]. Ряд авторов даже говорят о геоэкономическом упадке Европейского союза [Дизен 2023]. В целом такое положение соответствует общей тенденции к перебалансировке сил в мире и уменьшению веса развитых стран, что в значительной степени стимулировало дискуссию о необходимости пересмотра отношения ведущих стран к глобализации [Sjöholm 2024. Рр. 49–72]. По сути, именно из этой логики исходит нашумевший доклад М. Драги для нового состава Европейской комиссии 2024–2029², предполагающий более активные действия для сохранения и повышения конкурентоспособности ЕС.

Вероятно, подобная политэкономическая предпосылка является ключевой и для постепенного реформирования участия ЕС в глобализации в сторону несколько большей защиты от ее современных проявлений и для корректировки некоторых внешнеэкономических инструментов.

С учетом роста напряженности в мире, а также череды кризисов, значительная часть которых имела для Европейского союза чрезвычайный и экзогенный характер, исследовательское сообщество стран объединения констатирует стремление к «геоэкономическому пробуждению» ЕС [Ribeiro 2023]. Оно необходимо в условиях нарушения функционирования глобальных цепочек создания добавленной стоимости, критической зависимости ЕС от ряда ключевых товаров и поставщиков, геополитической нестабильности и желания сохранить свое место в мире. В ка-

² The future of European Competitiveness. Part A. A competitiveness strategy for Europe, European Commission. Режим доступа: https://commission.europa.eu/document/download/97e481fd-2dc3-412d-be4c-f152a8232961_en?filename=The%20future%20of%20European%20competitiveness%20_%20A%20competitiveness%20strategy%20for%20Europe.pdf

честве центрального элемента этого «пробуждения» рассматривается желание преобразовать ведущую роль ЕС в глобальной экономике в его геополитический вес [Fabry 2022]. Помимо этого, провозглашаются задачи устранения (внешне)экономических дисбалансов, защиты от экономического принуждения, достижения связи внешнеэкономической стратегии с ценностями ЕС и устойчивым развитием, защиты критических активов и цепочек [Gehrke 2022]. И в целом все современные действия ЕС видятся большим количеством исследователей в «единой парадигме» как отражение этого самого «геоэкономического пробуждения» [Olsen 2022].

Можно предположить, что и сама политика ЕС в определенном смысле является отражением этих дискуссий в исследовательской среде, поскольку система принятия решений в ЕС в значительной степени имеет технократический характер и во многом опирается на экспертную среду в выработке своей политики [Gornitzka, Sverdup 2010]. Именно поэтому текущий курс ЕС видится практически неотвратимым.

Представляется, что логику трансформации внешнеэкономической политики ЕС нужно рассматривать в своеобразном «реалистском» ключе [подробнее см.: Сергеев, Сорока 2024], а также в духе традиционных для политэкономии концепций структурной власти и властного транзита, происходящего в современном мире, что вполне соответствует специфике момента в современных европейских исследованиях [Postnikov 2020]. По крайней мере в тех шагах, которые осуществляют институты ЕС, отчетливо прослеживается намерение воздействовать на происходящее в мире через статус ЕС как торговой силы [Meunier, Nicolaidis 2011], а также регуляторной силы [Lavenex, Serrano, Büthe 2021]. Действительно, будучи одним из лидеров в мировой торговле товарами и услугами, а также движении капитала, ЕС, вероятнее всего, должен задействовать именно эти инструменты для влияния на своих контрагентов. Также логично ожидать попытки использовать право доступа на внутренний рынок Союза со стороны третьих стран как инструмент конкурентной борьбы. Стоит упомянуть и стремление распространить на своих партнеров собственные стандарты, нормы, практики и «понимания».

В условиях ослабления традиционных конкурентных преимуществ и факторов экономического развития ЕС именно такой подход видится логичным и во многом безальтернативным (речь прежде всего идет о замедлении экономической глобализации, уменьшающей интенсивность основных экономических потоков, прекращение поступления дешевой энергии, исчерпание возможностей низко- и среднетехнологических отраслей, в значительной степени определяющей лицо промышленности ЕС [Guerrieri, Padoan 2024]). Если воспринимать изменяющуюся глобализацию как своеобразный экзогенный кризис, внешний шок для ЕС, который неизбежно должен трансформировать поведение Союза, то мы вправе ожидать от него такое же «антикризисное» реагирование, каким оно было в периоды всех предшествующих кризисов: задействование своих сильных сторон в борьбе с кризисами и создание антикризисных надстроек в тех сферах, где его возможности ограничены. Думается, что попытки ЕС представить и реализовать концепцию открытой стратегической автономии нужно рассматривать именно в таком ключе.

Стержнем современного экономического планирования и программирования ЕС выступает концепция открытой стратегической автономии, в рамках которой ЕС

реагирует на изменение миропорядка [Miró 2022]. В соответствии с определением Европейской комиссии под ней понимается «возможность ЕС делать свой собственный выбор и выстраивать мир через лидерство и вовлечение, отражающие его стратегические интересы и ценности»³. Сама дискуссия относительно стратегической автономии фактически неотделима от эволюции отношения ЕС (и стран-членов) к вопросу «суверенитета» ЕС [Dupré 2022]. Появление и развитие концепции крайне любопытны, поскольку изначально идея об автономии возникла в сфере обороны и безопасности Союза, лишь позднее (на фоне коронакризиса и последующего нарушения цепочек поставок) перейдя на экономические вопросы (термин «открытая» в данном случае означает, что ЕС должен максимально задействовать свою крайне разветвленную сеть торговых соглашений для решения стратегических задач, в том числе для снижения зависимости от критически значимых поставщиков). По сути, речь идет о распространении принципов безопасности не только на традиционные для этого вопросы обороны, но и на сферу экономики — происходит секьюритизация экономической политики Союза.

Можно отметить, что охват ОСА довольно широк: от торговой политики (с включением в нее инвестиционного компонента) до финансов. В своей торговой политике ЕС провозглашает задачи реформирования ВТО; поддержки зеленого перехода и развития устойчивых цепочек создания стоимости; поддержки цифрового перехода и торговли услугами; увеличения регуляторного влияния ЕС; углубления глобальных партнерств ЕС со странами соседства, будущего расширения и Африки; фокусировки на заключении торговых соглашений⁴. В сфере финансов задачи включают повышение глобальной роли евро; создание сильного, конкурентного и устойчивого финансового сектора ЕС, обеспечивающего функционирование реального сектора и позволяющего избежать опоры на финансовые инструменты и инфраструктуру третьих стран; обеспечение защиты и укрепления устойчивости инфраструктуры финансового рынка; развитие эффективного механизма управления санкциями; сотрудничество с партнерами⁵.

Значимым элементом концепции ОСА также выступает возрождение дискурса о промышленной политике ЕС [Дрыночкин, Сергеев 2023]. Надо отметить, что исследователи давно ставили задачу связать внешнеэкономическую политику ЕС с общей конкурентоспособностью Европейского союза [Gustyn 2017]. В значительной степени ОСА выступает таким связующим звеном, поскольку через проведение более активной промышленной политики предполагается достичь большей стрессоустойчивости Союза⁶.

³ An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy, European Commission, Brussels, 18.02.2021. Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:5bf4e9d0-71d2-11eb-9ac9-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF

⁴ Questions and Answers: An open, sustainable and assertive trade policy. European Commission, 18.02.2021. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_21_645

⁵ Council Conclusions on the EU's economic and financial strategic autonomy: one year after the Commission's Communication, 2022. Режим доступа: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6301-2022-INIT/en/pdf>

⁶ Procompetitive Industrial Policy – Note by the European Union. OECD. 12.06.2024. Режим доступа: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2024\)18/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2024)18/en/pdf)

Возможно, необходимость поддержания конкурентоспособности ЕС как предпосылка для реализации концепции даже более важна, чем традиционные причины, фигурирующие в официальных документах ЕС. Наиболее часто к таковым относят нарушение энергетических поставок из России и ограничительные меры Китая против Литвы. Однако задачи открытой стратегической автономии поставлены в 2021 г. (т.е. до активного развития очередной волны энергетического кризиса в ЕС). Таким образом, как представляется, именно стремление сохранить свои конкурентные преимущества и в отдельных случаях оградить себя от конкуренции со стороны третьих стран лежит в основе корректировки основных внешнеэкономических инструментов ЕС.

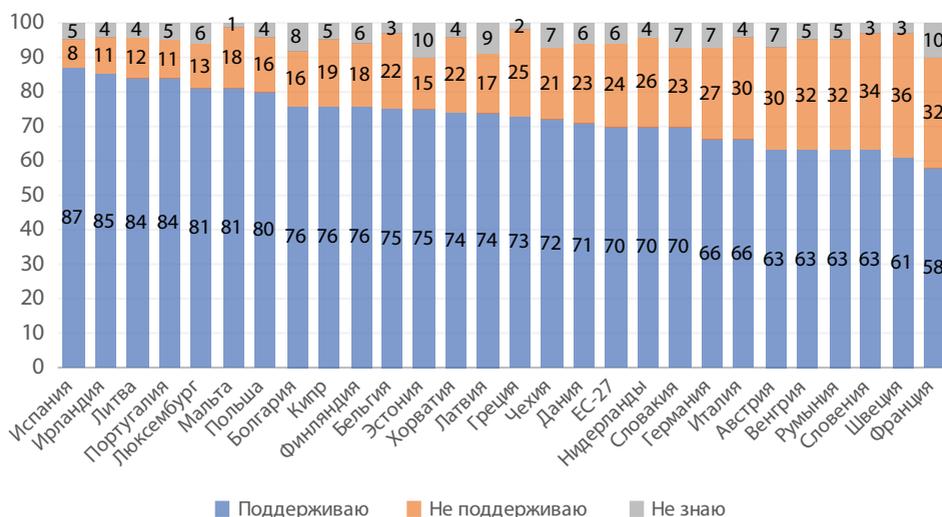
Можно ли воспринимать открытую стратегическую автономию как концептуальное явление, способное по-новому структурировать и трансформировать интеграционную конструкцию ЕС (по аналогии с тем, как некоторые авторы предлагают рассматривать «зеленый курс» [Кавешников 2024]), но во внешнеэкономической политике? Ответ на этот вопрос будет носить многоаспектный характер. Во-первых, ОСА не может привести к выполнению всех поставленных задач в силу их крайней амбициозности [Сидорова, Сидоров 2023]. Во-вторых, если принимать, что ключевой проблемой для ЕС являются его «критические зависимости», то у концепции ОСА должны быть весьма ограниченные проявления в вопросах имплементации, поскольку, по разным подсчетам, на «критические зависимости» приходится менее 10% торговли ЕС [Mejean, Rousseaux 2024]. В-третьих, ограничения и особенности интеграционной конструкции ЕС не позволяют имплементировать все заявленные вопросы на наднациональном уровне. Из всех сфер лишь торговая политика (и движение прямых иностранных инвестиций; ПИИ) находится в исключительной компетенции ЕС. Ни портфельные и прочие инвестиции, ни финансовые вопросы (кроме валютной политики в зоне евро) не могут регулироваться исключительно на уровне ЕС.

И тем не менее ОСА представляет собой довольно амбициозную и широкую по охвату экономическую стратегию. Вероятнее всего, она может и должна восприниматься как конструирование Европейским союзом своей внешнеполитической и в значительной степени внешнеэкономической идентичности (со всеми ограничениями применимости данного понятия к ЕС). Принимая большое количество стратегических документов в этой сфере, ЕС как бы рисует некий образ своей внешнеэкономической стратегии и то, каким он бы хотел восприниматься внутри себя и со стороны третьих стран.

Косвенным подтверждением этому тезису служит своеобразная секьюритизация специальных опросов Евробарометра. В отличие от опроса по торговой политике 2019 г., в последний опрос 2024 г. добавился раздел по экономической безопасности. Кроме того, отмечается рост «протекционистских» настроений: по мнению 61% опрошенных, ЕС должен применять более высокие импортные пошлины [Special Eurobarometer 2024. P. 81] (против 56% в 2019 г. [Special Eurobarometer 2019. P. 72]). Любопытно добавление раздела, посвященного инвестициям, что отражает тенденцию на рост связки между торговой и инвестиционной политикой в ЕС. В этом разделе также можно заметить довольно явный компонент секьюритизации, выра-

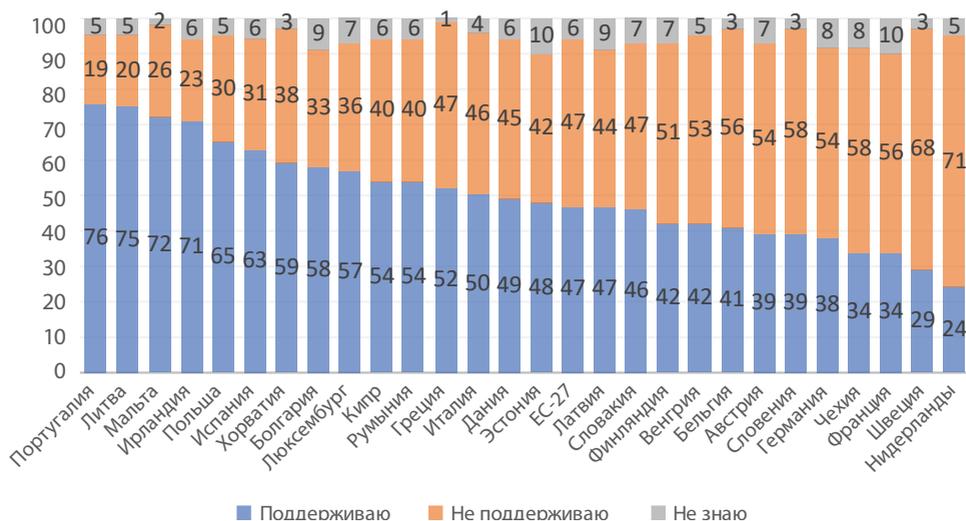
жающийся в том, как по-разному респонденты отвечают на вопросы о привлечении иностранных инвестиций и о покупке национального бизнеса иностранцами (см. рисунки 1 и 2 на с. 82).

Рисунок 1. Ответ на вопрос «Поддерживаете ли вы то, что иностранный бизнес из страны вне ЕС инвестирует в экономику вашей страны?»

Источник: Special Eurobarometer 554. Europeans Attitudes on Trade and EU Trade Policy. P. 60.

Рисунок 2. Ответ на вопрос «Поддерживаете ли вы то, что иностранный бизнес из стран вне ЕС покупает бизнес в вашей стране?»

Источник: Special Eurobarometer 554. Europeans Attitudes on Trade and EU Trade Policy. P. 61.

В целом весь указанный набор вопросов и сфер ОСА укладывается в логику, обозначенную новой Стратегией экономической безопасности ЕС, сочетающей в себе (вполне в духе ЕС) три опоры:

- Содействие конкурентоспособности и росту ЕС, укрепление единого рынка, поддержка сильной и устойчивой экономики, а также укрепление научно-технической и промышленной базы ЕС.
- Защита экономической безопасности ЕС с помощью целого ряда политических мер и инструментов, включая точечные новые инструменты, где это необходимо.
- Партнерство и дальнейшее укрепление сотрудничества со странами мира, которые разделяют озабоченности ЕС и с которыми у ЕС есть общие интересы в области экономической безопасности⁷.

Векторы трансформации основных элементов внешнеэкономической политики ЕС

Появление у ЕС новых артикулируемых целей в области экономической автономии сопряжено с изменениями в основных направлениях деятельности ЕС. Во-первых, отмечается некоторое переплетение основных направлений деятельности ЕС в приложении к концепции открытой стратегической автономии. Положения отдельных направлений и сфер деятельности проникают в соседние области: вопросы санкций, торговли товарами и услугами, движения инвестиций, заключения торговых и инвестиционных договоров, экономической, финансовой и даже жесткой безопасности увязываются друг с другом и взаимно переплетаются. Во-вторых, в процессе имплементации санкционного курса «геополитической комиссии» резко выросла институциональная роль самой Европейской комиссии, при этом довольно ощутимо снижается присутствие государств-членов в процессе инициирования и принятия санкций [Portela 2023]. В-третьих, внутри самой комиссии постепенно происходит трансформация, направленная на более явное соответствие целям открытой стратегической автономии [Couvreur 2024]. В целом это отражает курс на реактуализацию ЕС как наднационального института через кризисы.

Наконец, имплементация положений ОСА уже приводит к значимой трансформации внешнеэкономических инструментов Союза (вариант систематизации этих изменений представлен в таблице 1 на с. 84). Основная логика этой трансформации — попытка сочетать традиционные принципы внешнеэкономической политики ЕС с вопросами экономической безопасности. Добавим к этому также стремление поддержать общую конкурентоспособность Европейского союза, и новая антикризисная надстройка инструментов внешнеэкономической политики предстанет как новый вариант сочетания целей внешнеэкономической политики с промышленной конкурентоспособностью ЕС [Guerrieri, Padoan 2024].

Стоит также отметить, что с учетом задачи по поддержанию глобального положения ЕС некоторому пересмотру (а скорее адаптации) подвергаются сферы деятельности ЕС, напрямую не связанные с внешнеэкономической деятельностью. Это в целом отвечает задачам, стоящим перед Союзом: системные перемены требуют системного ответа. В результате вместе с внешними аспектами экономической трансформации пересмотру

⁷ Commission proposes new initiatives to strengthen economic security. European Commission. 24.01.2024. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_24_363

подвергаются и внутренние элементы экономической системы [Miró 2022]. Так, многие традиционные элементы интеграции (прежде всего в финансовом секторе), вызывавшие трудности при углублении экономической координации, увязываются с задачами в области ОСА, и необходимость их дальнейшего реформирования как бы объясняется общей конкурентоспособностью Союза (т.е. также происходит своеобразная секьюритизация). Таким образом, некоторое усиление наднациональной составляющей в финансовом секторе ЕС, объективно возникшее после финансового и долгового кризиса, должно получить новый импульс в рамках открытой стратегической автономии.

Таблица 1. Расширительная трактовка новых элементов во внешнеэкономической политике ЕС

Направление политики	Задача	Новые элементы
Новые торговые и квазиторговые инструменты	Защита от «нерыночной» (по мнению ЕС) конкуренции компаний третьих стран	Регламент по иностранным субсидиям ⁸ . Задействование повышенных импортных пошлин как инструмента борьбы с нерыночной конкуренцией (пример: повышенные пошлины на электромобили из КНР) ⁹
	Уменьшение рисков воздействия со стороны стран, на которые приходится значимая часть экспорта/импорта	Инструмент защиты от экономического принуждения (потенциальные меры воздействия включают импортные пошлины, ограничения в торговле услугами, интеллектуальной собственностью, ограничения в доступе на рынок ПИИ и госзакупок) ¹⁰ . Правила государственной помощи (state aid) для государств, пострадавших от действий третьих стран (Литва и торговые ограничения со стороны КНР) ¹¹
	Прекращение (минимизация рисков) от потери промышленной конкурентоспособности по ряду ключевых позиций	Контроль экспорта (особенно товаров двойного назначения; пример — ограничение экспорта оборудования для производства микрочипов из Нидерландов в 2023 г.), контроль за коммерческими транзакциями, инструкции Еврокомиссии по уменьшению иностранного вмешательства в НИОКР ¹²
	Глобальное распространение стандартов внутреннего рынка ЕС	Новая стратегия стандартизации ЕС ¹³
	Создание и поддержание глобальных правил игры по климатическим вопросам, поддержание конкурентоспособности ЕС в условиях энергоперехода	Трансграничный углеродный налог как торговый инструмент

⁸ Foreign Subsidies Regulation. European Commission, 2023. Режим доступа: https://competition-policy.ec.europa.eu/foreign-subsidies-regulation_en

⁹ Commission imposes provisional countervailing duties on imports of battery electric vehicles from China while discussions with China continue. European Commission. 04.07.2024. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_3630

¹⁰ New tool to enable EU to withstand economic coercion enters into force. European Commission. 27.12.2023. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6804

¹¹ State aid: Commission approves €130 million Lithuanian scheme to support companies affected by discriminatory trade restrictions. European Commission. 26.04.2022. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_2665

¹² Commission publishes a toolkit to help mitigate foreign interference in research and innovation. European Commission. 18.01.2022. Режим доступа: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/news/all-research-and-innovation-news/commission-publishes-toolkit-help-mitigate-foreign-interference-research-and-innovation-2022-01-18_en

¹³ Standardisation strategy. European Commission, 2022. Режим доступа: https://single-market-economy.ec.europa.eu/single-market/european-standards/standardisation-policy/standardisation-strategy_en

Направление политики	Задача	Новые элементы
Торговые соглашения	Диверсификация географической структуры торговли для решения проблем критической зависимости от ключевого поставщика, доступ к критическим элементам	Расширение сети преференциальных торговых соглашений, новые инициативы вовлечения партнеров (например, стратегия «Глобальные ворота»)
	Защита от конкуренции со стороны третьих стран на внешних рынках	Включение положений об РНБ в торговые соглашения [Bohnenberger, Weinhardt 2022]
	Глобальное распространение стандартов и «пониманий» ЕС	Попытка внедрить «существенные условия» (старые — верховенство права и права человека, новые — нормы «зеленого перехода») в общую систему торговых преференций ЕС ¹⁴ , исключение из преференциального режима за несоблюдение условий (пока договориться не удалось) ¹⁵ . Предложение о введении механизма санкций в случае «серьезных нарушений ключевых положений об устойчивом развитии в торговле, в особенности фундаментальных трудовых прав, утвержденных Международной организацией труда, а также положений Парижского соглашения по климату» ¹⁶ ; введение «климатической кондициональности» перед заключением торговых договоров
Инвестиционные инструменты	Гармонизация и углубление интеграции на внутреннем рынке	Попытки перейти от двусторонних инвестиционных соглашений, заключенных на уровне стран-членов, к соглашениям, заключенным от имени ЕС, и разрешить противоречия между ними [Сергеев, Сорока 2024]
	Защита от конкуренции со стороны третьих стран и защита от иностранного вмешательства в ключевые активы	Механизм мониторинга (скрининга) ПИИ ¹⁷
	Распространение норм и стандартов ЕС	Соглашения о «зеленых инвестициях» (соблюдение норм «зеленого курса» в обмен на инвестиции): первое соглашение с Анголой в 2024 г. ¹⁸
Реформирование глобального торгового режима	Восстановление дееспособности ВТО	Предложения ЕС по реформе ВТО ¹⁹ : через разрешение противоречий вокруг апелляционного органа к смысловой реформе; активизация сотрудничества с отдельными партнерами в рамках ВТО; создание Многостороннего временного соглашения об апелляции и арбитраже

¹⁴ A new GSP Framework. The GSP Hub, 2023. Режим доступа: <https://gsphub.eu/about-gsp/gsp-review>)

¹⁵ Ensuring Continuity: EU Extends Generalized Scheme of Preferences (GSP) Regulation until the end of 2027. The GPS Hub, 2024. Режим доступа: <https://gsphub.eu/news/GSP-extension-2027>

¹⁶ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The power of trade partnerships: together for green and just economic growth, COM (2022) 409 final, 2022. Режим доступа: <https://circabc.europa.eu/ui/group/8a31feb6-d901-421f-a607-ebb7d59ca0/library/8c5821b3-2b18-43a1-b791-2df56b673900/details> (дата обращения: 18.09.2023).

¹⁷ https://policy.trade.ec.europa.eu/enforcement-and-protection/investment-screening_en

¹⁸ <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2024/03/04/eu-angola-council-gives-final-greenlight-to-the-eu-s-first-sustainable-investment-facilitation-agreement/>

¹⁹ <https://circabc.europa.eu/ui/group/7fc51410-46a1-4871-8979-20cce8df0896/library/42115f40-e2ba-4a49-9162-de92098f15bd/details>

Направление политики	Задача	Новые элементы
Новые антикризисные (неторговые) инструменты в области экономической безопасности (Гео-экономическая антикризисная политика)	Защита внутреннего рынка от внезапных товарных кризисов	Инструмент защиты единого внутреннего рынка в чрезвычайных ситуациях (мониторинг ситуации на товарных рынках, складирование и закупка от имени ЕС необходимых товаров в период кризиса)
	Воздействие на агента, нарушающего экономический «порядок, основанный на правилах» (санкции как внешнеэкономический инструмент)	Экспортные ограничения, контроль за коммерческими транзакциями (например, механизм ценового потолка на российские нефть и нефтепродукты)
Валютная политика	Задача увеличить глобальную роль евро	Решение углубить интеграцию в рамках ЭВС ²⁰ (пока без практических шагов); предложение ввести цифровой евро для укрепления его международной роли
Финансовая политика	«Сильный, конкурентный и устойчивый финансовый сектор ЕС, обеспечивающий функционирование реального сектора, позволяющий избежать опоры на финансовые инструменты и инфраструктуру третьих стран»	Призывы завершить создание банковского союза, союза рынков капитала; использование общих долговые инструменты ЕС (в т.ч. с целью повышения их суверенного рейтинга) для финансирования мероприятий в рамках ОСА
	Привлечь средства для реализации целей ОСА	Использование средств фонда «ЕС следующего поколения» для финансирования «автономизации» в странах-членах (для завершения энергетического и цифрового перехода)
	«Развитие эффективного механизма управления санкциями» (защита от экстерриториальности санкций других стран (США) в сочетании с воздействием на страны, нарушающие санкционный режим ЕС)	Реактуализация Блокирующего статута ЕС [Lonardo, Szep 2023], но при этом попытки расширительно трактовать «территории ЕС» для решения проблемы обхода санкций ²¹ ; идея использовать доступ на внутренний рынок ЕС как рычаг воздействия на третьи страны [Bismuth, 2023]

Источник: составлено автором на основе McCaffrey C., Poitiers N.F. 2024. Instruments of Economic Security. Bruegel Working Paper 12/2024. Режим доступа: https://www.bruegel.org/system/files/2024-05/WP%2012%202024_0.pdf; Baba et al. 2023. Geoeconomic Fragmentation: What's at Stake for the EU. IMF Working Paper No. 2023/245. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/11/29/Geoeconomic-Fragmentation-Whats-at-Stake-for-the-EU-541864>; The EU's Open Strategic Autonomy from a central banking perspective. ECB, 2023. Режим доступа: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op311~5065ff588c.en.pdf>; Council Conclusions on the EU's economic and financial strategic autonomy: one year after the Commission's Communication, 2022. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/04/05/council-adopts-conclusions-on-strategic-autonomy-of-the-european-economic-and-financial-sector/>; собственные разработки.

В торговой политике в качестве основных новых корректирующих инструментов выступают меры по противодействию тому, что ЕС рассматривает как несправедли-

²⁰ Council Conclusions on the EU's economic and financial strategic autonomy: one year after the Commission's Communication, 2022. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/04/05/council-adopts-conclusions-on-strategic-autonomy-of-the-european-economic-and-financial-sector/>

²¹ Council Regulation (EU) 2022/1905 of 6 October 2022 amending Regulation (EU) No 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32022R1905>

вую рыночную конкуренцию (подробнее см. таблицу 1 на с. 84), а также попытки воздействия на объединение со стороны третьих стран через его уязвимые места. В ход здесь вступает Регламент об иностранных субсидиях, задействование которого уже привело к введению повышенных пошлин на электромобили из КНР. Далее значимым элементом становятся механизмы защиты от экономического принуждения, инструменты которого основываются на сферах, где роль ЕС по-прежнему крайне велика (торговля услугами, движение ПИИ) либо его рынок кажется крайне привлекательным (госзакупки). Естественно, нельзя оставить без внимания экспортные ограничения, которые ЕС довольно активно начал задействовать в своей политике.

Особую роль играют нетарифные торговые меры, направленные на распространение норм и стандартов ЕС прежде всего в климатической области. Отмечается также использование трансграничного углеродного налога в качестве нового торгового инструмента [Baba et al. 2023]. В сфере торговых соглашений ЕС основной вектор трансформации направлен на увеличение доступа ЕС на внешние рынки при желательной минимизации негативных последствий от конкуренции со стороны третьих стран.

Обращает на себя внимание отчетливый рост связки между торговыми и инвестиционными вопросами в деятельности ЕС (прежде всего выражающийся в попытках урегулировать проблемы вокруг двусторонних инвестиционных договоров), а также явное распространение принципов секьюритизации на политику привлечения ПИИ. Последнее выражается во внедрении механизма мониторинга ПИИ, который предполагает совместные механизмы проверки ПИИ, но оставляет окончательное решение на уровне стран. Степень гармонизации и эффективности этого инструмента пока находится на достаточно низком уровне, что не осталось без внимания Еврокомиссии, предлагающей дальнейшую гармонизацию²². В целом реализация надстройки (пусть пока и в крайне фрагментированном и точечном виде) в инвестиционной политике ЕС вполне соответствует тенденции к более избирательному подходу ключевых игроков (прежде всего США и ЕС) к притоку ПИИ [Зуев, Островская, Гильманова 2022]. В принципе то же самое можно сказать обо всех торговых и квазиторговых мерах: политика ЕС (так же, как и в вопросе санкций) направлена на создание институционализированных механизмов, позволяющих селективно воздействовать на своих контрагентов, точно корректируя параметры своих отношений с ними [Lonardo, Szer 2023]. На практике внешнеэкономические положения концепции ОСА выходят за пределы исключительно торговых и инвестиционных вопросов. Если рассматривать положение ЕС в мировой экономике как цельного игрока, то набор положений, заявленных в его концептуальных документах, постепенно сближает действия ЕС (или его намерения) с внешнеэкономической политикой национальных государств, включающей, помимо торговой, также элементы денежно-кредитной, фискальной и валютной политик [Олейнов 2016]. Попытки оценить некоторые нововведения в указанных областях (см. таблицу 1 на с. 84) показывают, что активность и эффективность действий ЕС снижаются по мере движения в сторону вопросов, где у ЕС нет исключительной

²² Ibid.

компетенции (фискальная политика) или ключевую роль играет не Комиссия, а Европейский центральный банк (денежно-кредитная и валютная политики). Однако сохраняется тенденция на гибридизацию направлений деятельности ЕС: вопросы санкций начинают более тесно связываться с положением на финансовых рынках; необходимость достижения конкурентоспособности Союза начинает зависеть от финансовых механизмов (например, фонда «ЕС следующего поколения») или контроля за ними (например, правила государственной поддержки); задачи по повышению глобальной роли евро объединяются с задачами по углублению финансовой интеграции. Все это так или иначе приводит к тому, что спектр вопросов, на которые претендует наднациональный уровень управления (и прежде всего Еврокомиссия), неуклонно расширяется.

Заключение

В сравнении с мировой практикой меры, принимаемые Европейским союзом, не выглядят его исключительными нововведениями. Скорее речь идет о специфике подхода объединения к тенденциям, довольно активно распространяющимся в мировой экономике. В вопросах мировой торговли речь прежде всего идет о трудностях реформирования глобального торгового режима и росте инструментов «неопротекционизма 2.0» [Миловидов, Аскерзаде 2020], а в движении капитала — об усилении страновых ограничений и введении новых защитных механизмов [Булатов 2023]. В целом все эти тенденции отражают тренд на рост «геополитической» составляющей в мировой экономике. Вероятнее всего, ЕС, как и многие другие ключевые игроки, склонен задействовать «удобные» и «привычные» для себя ограничительные инструменты и практики. В отличие, например, от Китая, скорее склонного действовать по неформальным каналам, ЕС вероятнее использует те форматы, которые уже были распространены на внутреннем рынке (например, правила государственных субсидий для компаний, применение которых сегодня де-факто интернационализируется) или в которых его роль в мировой экономике сравнительно велика.

Разворачивающийся «геоэкономический кризис» привел к тому, что Европейский союз все же начал трансформацию инструментов своего участия в глобальных экономических процессах. Эту трансформацию нельзя назвать всеобъемлющей и глубокой, поскольку ее основной вектор направлен на то, чтобы дать возможность ЕС как объединению и его государствам-членам как отдельным игрокам создать институциональные механизмы выборочного участия в глобализации и селективного взаимодействия со своими контрагентами. В значительной мере это представляет собой реактивную, даже консервативную стратегию реагирования на происходящие в мире структурные перемены. С другой стороны, происходящая трансформация по-настоящему системна, поскольку косметические перемены проникают практически во все сферы жизни Союза, хоть как-то связанные с его внешнеэкономическим позиционированием. В целом концепция открытой стратегической автономии своей эволюцией и постепенным расширением сферы применения убедительно доказывает этот тезис.

Библиография

Булатов А.С. Новые тренды в движении капитала в мире и России // Вопросы экономики. 2023. № 9. С. 65–83. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-9-65-83>

Дизен Г. Геоэкономическая мощь Европы: расцвет и упадок Евросоюза // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1. № 1 (1). Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-1-33-51>

Дрыночкин А.В., Сергеев Е.А. Европейский союз: новые тенденции участия в процессах глобализации // Новые тренды в экономической глобализации. Москва: Аспект Пресс, 2023. С. 165–192. Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=710945

Зуев В.Н., Островская Е.Я., Гильманова Д.Р. Дилемма допуска прямых иностранных инвестиций в политике ЕС и США: обеспечение притока капитала и/или усиление контроля стратегических активов? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 6. С. 88–109. Режим доступа: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/1300>

Кавешников Н. Ю. «Зеленый курс» как триггер углубления интеграции в Европейском союзе // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 6. С. 93–107. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67353321>

Лебедева М.М. Современные тренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 29–37. Режим доступа: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/09_2019/05-Lebedeva.pdf

Миловидов В.Д., Аскер-заде Н.В. Протекционизм 2.0: новая реальность эпохи глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 37–45. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2020/8-t-64/economy-economic-theory/protectionism-20-new-reality-in-the-age-of-globalisation>

Олейнов А.Г. Внешнеэкономическая политика стран мира: теория и методология анализа // Мировое и национальное хозяйство. 2016. № 39 (4). Режим доступа: <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2016-4-oleinov.pdf>

Сергеев Е.А., Сорока К.В. ЕС как торговая сила: настройка инструментов внешнеэкономической политики в современных условиях // Современная Европа. 2024. № 4. С. 71–83.

Сидорова Е.А., Сидоров А.А. Стратегическая автономия Европейского союза в экономике: концепция и проблемы реализации // Международные процессы. 2023. № 3. С. 119–142. Режим доступа: https://www.intertrends.ru/jour/article/view/369?locale=ru_RU

Baba et al. Geoeconomic Fragmentation: What's at Stake for the EU. IMF Working Paper. 2023. No. 2023/245. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/11/29/Geoeconomic-Fragmentation-Whats-at-Stake-for-the-EU-541864>

Bismuth R. The New Frontiers of European Sanctions and the Grey Areas of International Law // RED. 5 (1). Pp. 8–13. Режим доступа: <https://geopolitique.eu/en/articles/the-new-frontiers-of-european-sanctions-and-the-grey-areas-of-international-law/>

Bohnenberger F., Weinhardt C. Most-Favoured Nation Clauses: A Double-Edged Sword in a Geo-Economic Era // A Geo-Economic Turn in Trade Policy? / Adriaensen J., Postnikov E. (eds). The European Union in International Affairs. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2022. Pp. 127–148. Режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-81281-2_6

Covreux S. Inside the European Union's Trade Machinery: Institutional Changes in an Age of Geoeconomics // *Journal of Common Market Studies*. 2024. Online First. Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/jcms.13625>

Dupré B. European sovereignty, strategic autonomy, Europe as a power: what reality for the European Union and for what future? Robert Schuman Foundation. *Schuman Papers*. 2022. No. 620. Режим доступа: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/620-european-sovereignty-strategic-autonomy-europe-as-a-power-what-reality-for-the-european-union-and-for-what-future>

Fabry E. Building the strategic autonomy of Europe while global decoupling trends accelerate. CES Discussion Paper. 2022. No 9. Режим доступа: https://institutdelors.eu/wp-content/uploads/dlm_uploads/2022/12/221212-DP-ELVIRE-FABRY-CES-Final.pdf

Gehrke T. EU Open Strategic Autonomy and the Trappings of Geoeconomics // *European Foreign Affairs Review*. 2022. Vol. 27. Special Issue. Pp. 61–78. Режим доступа: https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2022/06/EU-Open-Strategic-Autonomy_Gehrke_2022.pdf?type=pdf

Geoeconomic Fragmentation: What's at Stake for the EU. IMF Working Paper No 2023/245. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/11/29/Geoeconomic-Fragmentation-Whats-at-Stake-for-the-EU-541864>

Gornitzka Å., Sverdrup U. Access of Experts: Information and EU Decision-making // *West European Politics*. 2010. No 34(1). Pp. 48–70. Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01402382.2011.523544>

Guerrieri P., Padoan P.C. European competitiveness and strategic autonomy. The European Union and the double challenge: strengthening competitiveness and enhancing economic security. LEAP Working Paper. 2024. No 5/2024. Режим доступа: <https://leap.luiss.it/wp-content/uploads/2024/03/WP5.24-European-competitiveness-and-strategic-autonomy.pdf>

Gustyn J. The Common Commercial Policy and the Competitiveness of EU Industry // *The New Industrial Policy of the European Union* / A. Ambroziak (ed.). Springer, 2017. Pp. 145–170. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/308960382_The_Common_Commercial_Policy_and_the_Competitiveness_of_EU_Industry

Hrynkiv O. Export Controls and Securitization of Economic Policy: Comparative Analysis of the Practice of the United States, the European Union, China, and Russia // *Journal of World Trade*. 2022. No 56(4). Pp. 633–656. Режим доступа: <https://kluwerlawonline.com/journalarticle/Journal+of+World+Trade/56.4/TRAD2022026>

Lavenex S., Serrano O., Büthe T. Power transitions and the rise of the regulatory state: Global market governance in flux // *Regulation and Governance*. 2021. No 15(3). Pp. 445–471. Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/rego.12400>

Lonardo L., Szép V. The Use of Sanctions to Achieve EU Strategic Autonomy: Restrictive Measures, the Blocking Statute and the Anti-Coercion Instrument // *European Foreign Affairs Review*. 2023. No 28(4). Pp. 363–378. Режим доступа: <https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/826150988/EERR2023027.pdf>

McCaffrey C., Poitiers N.F. Instruments of Economic Security. Bruegel Working Paper. 2024. No 12/2024. Режим доступа: https://www.bruegel.org/system/files/2024-05/WP%2012%202024_0.pdf

Mejean I., Rousseaux P. Identifying European Trade Dependencies // *Europe's Economic Security* / J. Pisani-Ferry, B. Weder di Mauro, J. Zettelmeyer (eds.). CEPR, 2024. Pp. 49–100. Режим доступа: https://cepr.org/system/files/publication-files/200566-paris_report_2_europe_s_economic_security.pdf

Meunier S., Nicolaïdis K. 2011. The European Union as a Trade Power // International Relations and the European Union / Hill, C. and M. Smith (eds.). Second Edition. The New European Union Series. New York, USA: Oxford University Press, 2011. Pp. 275–298.

Miró J. Responding to the global disorder: the EU's quest for open strategic autonomy // Global Society. 2022. No 37(3). Pp. 315–335. Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13600826.2022.2110042>

Olsen K.B. Diplomatic Realisation of the EU's "Goeconomic Pivot": Sanctions, Trade, and Development Policy Reform // Politics and Governance. 2022. No 10(1). Pp. 5–15. Режим доступа: <https://d-nb.info/1277071268/34>

Portela C. Sanctions and the Geopolitical Commission: The War over Ukraine and the Transformation of EU Governance // European Papers. 2023. No 8(3). Pp. 1125–1130. Режим доступа: <https://www.europeanpapers.eu/en/europeanforum/sanctions-geopolitical-commission-war-ukraine-transformation-eu-governance>

Postnikov E. Normative power meets realism: EU trade policy scholarship at the turn of the decade // Journal of European Integration. 2022. No 42(6). Pp. 889–895. Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07036337.2020.1809774>

Ribeiro G.C. Goeconomic Awakening: The European Union's Trade and Investment Policy Shift toward Open Strategic Autonomy. EU Diplomacy Paper No 03/2023. College of Europe, 2023. Режим доступа: https://www.coleurope.eu/sites/default/files/research-paper/EDP%203%202023_%20Castro%20Ribeiro.pdf

Sjöholm F. The Return of Borders in the World Economy: An EU-Perspective // The Borders of the European Union in a Conflictual World / A. Bakardjieva Engelbrekt et al. (eds.). Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2024. Pp. 49–72. Режим доступа: <https://www.ifn.se/media/uk2nurmp/2024-sjoholm-the-return-of-borders-in-the-world-economy-an-eu-perspective.pdf>

The EU's Open Strategic Autonomy from a central banking perspective. ECB, 2023. Режим доступа: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op311~5065ff588c.en.pdf>

Кирпичи для пирамид: иностранное участие в египетских мегапроектах

Орлов И.А., Уфимцев А.А.

Орлов Илья Александрович — младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, приглашенный преподаватель НИУ ВШЭ.

ORCID: 0000-0002-6645-2179

Researcher ID: HGD-1513-2022

Уфимцев Андрей Алексеевич — младший научный сотрудник Центра изучения африканской стратегии БРИКС Института Африки РАН, стажер-исследователь Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ.

ORCID: 0000-0002-4870-4360

Researcher ID: HLP-7821-2023

Для цитирования: Орлов И.А., Уфимцев А.А. Кирпичи для пирамид: иностранное участие в египетских мегапроектах // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. №2(6). EDN: XOVL0I

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-92-117>

Ключевые слова: Египет, мегапроекты, внешний долг, дефицит бюджета, БРИКС.

Аннотация

Решая задачи экономического развития, Египет не в первый раз прибегает к реализации масштабных проектов и привлекает для этого иностранные средства. В XIX в. таким проектом был Суэцкий канал, а в XX в. — Высотная Асуанская плотина. Каждый раз Египту приходилось платить высокую цену за эти инициативы. В XXI в. перед Египтом встает немало экономических проблем: перенаселение, нехватка продовольствия, безработица, перегрузка энергетической системы, инфляция и девальвация национальной валюты, дефицит бюджета и другие. Централизованная модель управления страной вновь привела Египет к идее мегапроектов и снова вынудила его обратиться за ресурсами к другим странам. Впрочем, в этот раз Египет проявляет осторожность и старается диверсифицировать иностранные инвестиции. В некотором смысле вступление в БРИКС является проявлением этой осторожности. В работе выделены три группы стран и рассмотрен их вклад в реализуемые в современном Египте мегапроекты. На основе этого анализа делается вывод, что страны ОЭСР и БРИКС-5 участвуют как в качестве инвесторов,

так и в качестве подрядчиков, в то время как страны ССАГПЗ почти всегда выступают именно в роли инвесторов. При этом страны БРИКС-5 и ССАГПЗ, как правило, представлены госкорпорациями и суверенными фондами, в то время как со стороны стран ОЭСР чаще вовлечены частные компании. Этот факт подчеркивает значимость БРИКС как площадки для проведения межгосударственных переговоров для расширения сотрудничества Египта со странами-членами этой организации. Тем не менее при выборе партнеров Египет руководствуется скорее экономическими, а не политическими соображениями, желая сохранять нейтралитет в мировой политике и не впадать в зависимость ни от одного из политических блоков. Экономическое будущее страны не придает уверенности, поэтому сохранение финансовой и политической независимости в будущем — это вызов для Египта.

Введение

1 января 2024 г. Египет вместе с Эфиопией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Ираном стал членом БРИКС. Вступая в новую международную организацию, Египет рассчитывает, что БРИКС поможет решить часть экономических, социальных и демографических проблем страны. Эти надежды артикулируют высшие чиновники страны: премьер-министр Мустафа Мадлуби говорит о возможностях получения льготного кредитования из Нового Банка развития, созданного странами — членами БРИКС, а министр финансов Мохамед Маит ожидает, что вступление Египта в эту организацию увеличит инвестиции и предоставит новые экспортные возможности за счет углубления экономического сотрудничества между Египтом и государствами-членами [Abdelaziz 2023]. Сегодня Египет особенно сильно нуждается во внешнем финансировании, так как президент страны Абд аль-Фаттах ас-Сиси повел страну по пути реализации мегапроектов, а многие традиционные кредиторы отказываются поощрять масштабные бюджетные траты. Так, Международный валютный фонд обещает увеличить поддержку Египта в случае, если страна сократит инфраструктурные расходы [IMF 2024a].

Сама идея решения социальных и экономических проблем с помощью крупных инфраструктурных проектов не нова для Египта. «Мегапроект» — это популярный сегодня термин, которым разные страны обозначают свои крупнейшие стройки. Однако, по сути, к аналогичным решениям правители Египта прибегали и в XIX, и в XX в., хотя и не называли их таким образом. На протяжении современной истории государство играло ключевую роль в экономике страны, а экономические прорывы требовали от него не только воли к реализации конкретных «мегапроектов», но и свободных средств, которые всегда приходилось искать за рубежом. Эти задачи не просто давались Египту, поэтому сегодня, обладая историческим опытом, страна должна быть крайне осторожной при выборе внешних кредиторов и подрядчиков, чтобы не оказаться в политической или экономической зависимости от других стран.

В данной статье будет рассмотрена роль «мегапроектов» и внешнего долга в истории современного Египта, текущее экономическое положение страны и те проблемы, которые призваны решить современные мегапроекты, а также участие иностранных акторов в реализации этих мегапроектов в контексте вступления Египта в БРИКС и многолетнего бюджетного дефицита. Задача исследования состоит в выявлении основных внешних инвесторов и подрядчиков мегапроектов, реализуемых сегодня в Египте.

«Мегапроекты» и внешний долг в истории современного Египта

Суэцкий канал — мегапроект XIX в.

Египет ступил на путь модернизации в начале XIX в., когда Мухаммад Али, наместник османского султана, решил использовать потенциал страны для укрепления собственной власти. Он стал привлекать европейских специалистов и отправлять египтян на учебу в Европу, благодаря чему создал современную для того времени армию и административную систему [Fahmy 2012. P. 65, 99, 106]. Несмотря на значительный прогресс, развитие Египта по своей природе было (и в значительной степени остается) именно догоняющим развитием. Наследникам Мухаммада Али для продолжения его модернизационной политики потребовалось обратиться к заимствованию средств за рубежом, к чему Египет прибегал не раз за свою историю и продолжает прибегать. Первая такая попытка была особенно неосторожной.

Впервые за иностранными деньгами обратился родной сын Мухаммада Али Саид. Он пришел к власти в 1854 г. и в тот же год под влиянием своего друга, бывшего французского консула, Фердинанда де Лессепса начал планирование первого «мегапроекта» современного Египта — Суэцкого канала [Лебедев и Мирский 1964. С. 7]. Однако для реализации этого плана, как и для запуска других модернизационных проектов требовались средства, которых в стране было не так много. Строительство Суэцкого канала шло с 1859 по 1869 г. Для запуска строительства Саиду пришлось выкупить акций не на 16 млн франков (около 640 тыс. фунтов), как это планировалось первоначально, а на 88 млн (более 3,5 млн фунтов). Еще 44 млн франков (около 1,75 млн фунтов) Египту потребовалось выплатить Компании Суэцкого канала в 1863 г. в виде неустойки из-за того, что османский султан под давлением Великобритании велел уже наследнику Саида Исмаилу забрать часть переданных компании земель и запретить принудительный труд египетских крестьян на стройке [Лебедев и Мирский 1956. С. 9–11].

Египетское руководство впервые обратилось к долговым инструментам незадолго до начала строительства Суэцкого канала. В 1858 г. Саид попробовал выпустить казначейские облигации, а в 1860 г. взять на личный счет кредит более чем на 1 млн фунтов (28 млн франков) во Французском банковском доме. Через два года с разрешения османского султана он взял уже государственный заем на 3,3 млн фунтов. Унаследовавший власть после смерти Саида в 1863 г. хедив Исмаил продолжил политику привлечения иностранных средств. Первые годы его правления пришлось на Гражданскую войну в США, из-за которой в мире очень сильно

выросли цены на выращиваемый в Египте хлопок. Исмаил думал, что благодаря этому притоку средств он без особых затруднений сможет выплатить все долги. С 1862 по 1867 г. египетское руководство пять раз выпускало государственные облигации в финансовых домах Парижа и Лондона на общую сумму 18 млн фунтов. Однако после завершения Гражданской войны в США цены на хлопок упали, и Исмаил понял, что для погашения долгов ему придется брать новые кредиты. В 1868 г. хедив взял долг еще на 11,9 млн фунтов у Имперского османского банка, Société Générale и Oppenheim, пообещав не брать более долги в течение пяти лет. Однако это не спасло Исмаила: уже в 1872 г. он обращается за новыми кредитами во Франко-египетский банк, а в 1873 г. берет крупнейший в истории страны заем на сумму 32 млн фунтов сразу у ряда банков. К тому моменту выплаты по всем долгам равнялись всем доходам государственного бюджета Египта [Tuncer 2021. P. 76–77].

Конечно, двор хедива далеко не всегда использовал средства для нужд страны. Расточительство и коррупция были характерной чертой сложившегося в тот период государства. Даже сам Исмаил использовал имеющиеся средства для подкупа родственников, чтобы получить от них согласие на то, чтобы власть за ним унаследовал именно его сын, а не старший из потомков Мухаммада Али [Dawkins 1901. P. 492]. Тем не менее политика иностранного кредитования позитивно сказывалась на экономическом росте страны: деньги инвестировались в строительство оросительных каналов, плотин, железных дорог, ремонтных мастерских, ткацких мастерских, сахарных и бумажного заводов [Hunter 1999. P. 40].

К 1875 г. Египет, несмотря на постоянные попытки повышения налогов и другие ухищрения, которые он предпринимал для изыскания средств на внутреннем рынке, обанкротился [Hunter 1999. P. 40, 180–181]. Хедив попытался продать свои 44% акций Суэцкого канала сначала французам, а потом Британии, которая согласилась выкупить их за 4 млн фунтов [Tuncer 2021. P. 77]. Эта сделка была одной из самых успешных в истории Великобритании, так как уже в 1901 г. эти акции оценивались в 24 млн фунтов, а в 1910-м — примерно в 32 млн фунтов [Dawkins 1901. P. 495; Лебедев и Мирский 1956. С. 12]. В 1876 г. Египет отменил выплаты по облигациям. Хедиву пришлось согласиться на создание Фонда государственного долга, возглавляемого иностранными комиссарами, которые стали собирать средства напрямую от местных органов власти. В фонд поступали налоги из Каира, Александрии и ряда других провинций, налог на соль и налог на табак, торговые пошлины, а также доходы железных дорог, порта Александрия и т. п. Египет обязался не снижать эти налоги и не брать новые долги. Чтобы восстановить финансовый суверенитет, Египту следовало погасить общий долг в объеме 91 млн фунтов [Tuncer 2021. P. 82]. Однако за потерей финансового суверенитета последовала и потеря суверенитета политического — подавление направленного против засилья иностранцев восстания Ураби-паши в 1882 г. привело к оккупации Египта Великобританией.

Асуанская плотина — мегапроект XX в.

Следующая попытка провести Египет по пути догоняющего развития принадлежала уже Гамалю Насеру. Примечательно, что его экономическая политика тоже

ознаменована поиском иностранных средств для осуществления нового «мегапроекта» — строительства Высотной Асуанской плотины (ВАП). При этом если за сто лет до этого правителям Египта не на что было больше положиться, кроме как на европейский капитал, то Насер оказался в более конкурентных условиях нового биполярного мира.

Еще во времена британской оккупации идею строительства ВАП предложил египетский агроном греческого происхождения Адриано Данинос. Его план, не привлекая в свое время внимания британцев, был положительно воспринят новым руководством «свободных офицеров» [Shokr 2009. P. 12]. Обсуждение строительства началось уже через несколько месяцев после революции в 1952 г., но решение о начале разведывательных работ было принято после окончательного утверждения у власти Насера в 1954 г. Только на предварительные работы, для проведения которых привлекались немецкие эксперты и французская компания, было выделено 17 млн долл. [Joesten 1960. P. 57]. Помимо экспертов из Германии, консультации проводились с ведущими специалистами разных стран мира, в первую очередь с американцами. Но Германия проявила особый интерес и готовность выделить средства на планирование плотины, так как, выплачивая компенсации евреям Израиля, не хотела испортить отношения с арабским миром. Немецкие эксперты рассчитали, что сама плотина обойдется Египту в 210 млн египетских фунтов, а общие расходы на весь проект составят около 400 млн (или около 600 млн и 1,15 млрд долл. соответственно) [Тауіе 2018. P. 425–426]. По другим оценкам, судя по всему взятым за основу руководством Египта в дальнейшем, расходы на саму плотину должны были составить не менее 1,3 млрд долл., а на проект в целом с учетом сооружения на плотине ГЭС и создания инфраструктуры вокруг Асуана для размещения рабочих и иностранных специалистов — 2,2 млрд долл. [Joesten 1960. P. 58]

Насер не обладал достаточными средствами, чтобы самостоятельно покрыть расходы на строительство плотины, поэтому он обратился во Всемирный банк, надеясь получить средства для столь важного для развития его страны проекта. Египет был готов за 10 лет строительства изыскать собственные средства в объеме 900 млн долл., однако еще как минимум 400 млн необходимо было найти за рубежом. Сначала Всемирный банк выразил готовность выделить 100 млн долл., потом 200 млн при условии тщательного надзора за расходами со стороны Банка. Однако этого все еще было недостаточно, и уже начали возникать вопросы относительно способности Египта погасить долг. Тогда Всемирный банк привлек к обсуждению данной инициативы представителей США и даже Великобритании, которые выражали готовность выделить средства в формате грантов на определенных условиях. Одним из таких условий был отказ Египта от каких-либо иных внешних займов в период строительства плотины. Ситуация осложнялась тем, что как раз в конце 1955 г. после Израильской атаки на египетские силы в секторе Газа Египет стал через Чехословакию закупать советское оружие. Это обстоятельство нервировало США и Великобританию, тем не менее совместно с Всемирным банком эти страны предложили Насеру финансирование в объеме 270 млн долл. Египетский президент согласился на выдвинутые условия, несмотря на то что обещанных средств было

явно недостаточно, что ограничивался его суверенитет и что СССР, со своей стороны, также начинал интересоваться возможностью принять участие в строительстве ВАП. 9 февраля 1956 г. было подписано предварительное соглашение с президентом Всемирного банка. Однако 19 июля 1956 г., возможно, из-за участвовавших контактов между Египтом и СССР, египетскому послу в США было объявлено, что после обсуждений с Конгрессом американский президент решил отказаться от финансирования ВАП, а 20 июля Государственный департамент США публично объявил, что проект ВАП обречет Египет на 12–15 лет нищенства. Через неделю после этого заявления раздосадованный Насер объявил о национализации Суэцкого канала, который должен был окончательно перейти в собственность Египта через десять лет — в 1966 г. [Tayie 2018. P. 426–428; Joesten 1960. P. 59–60].

Развязанный Суэцкий кризис окончился для Египта успешно и привел к сближению с Советским Союзом. Доходы от Суэцкого канала составляли около 140 млн долл. в год, а доходы от национализации имущества английских и французских банков могли превысить 1 млрд долл. [Мирский 1965. С. 40]. Осенью 1958 г. начались переговоры о строительстве ВАП с советской стороной, и уже 27 декабря было подписано соглашение о первой фазе строительства — СССР выделил 400 млн руб. (около 100 млн долл.). Соглашение предполагало, что Египет будет возвращать средства начиная с 1964 г. по 12 платежей в год по ставке 2,5% годовых. Несмотря на временное охлаждение отношений весной 1959 г. на фоне антикоммунистической кампании в Египте, сотрудничество продолжилось — летом началось строительство. В тот же период было подписано соглашение с Суданом, который давал разрешение на затопление своих территорий в обмен на компенсацию в размере около 43 млн долл. 27 августа 1960 г. было подписано соглашение о финансировании СССР завершения строительства плотины. Кредит на 900 млн руб. (около 225 млн долл.) должен был покрыть расходы на дополнительные исследования, разработку окончательного проекта, установку шлюза и ГЭС, а также на техническое оснащение ирригационных проектов [Tayie 2018. P. 431–432; Joesten 1960. P. 61]. У строительства плотины были и негативные следствия: затопленные территории; потери воды из-за испарений из водохранилища, образовавшегося посреди пустыни; сокращение поступления ила с водой. Однако положительные эффекты явно перевешивали отрицательные. Плотина должна была очень быстро окупиться [Tayie 2018. P. 434–435].

Этот период в правлении Насера характеризуется сменой курса в сторону социалистического блока. Несмотря на то что Насер никогда не хотел окончательно принимать ту или иную сторону в холодной войне, его курс на арабский социализм и массовая политика национализации 1961 г. свидетельствуют о влиянии СССР. При этом национализация позволила Насеру заполучить собственность в объеме около 1 млрд египетских фунтов (почти 3 млрд долл.). С 1953 по 1963 г. почти в 30 раз выросли государственные капиталовложения в промышленность. Уже в 1962 г. 96% экономики принадлежало государству. Около 100 промышленных объектов реализовывалось с советской помощью [Мирский 1965. С. 45–46, 55]. Существует мнение, что вместе с финансовой помощью СССР стал настолько быстро проникать в Египет, что его влияние стало существенно ограничивать суверенитет страны.

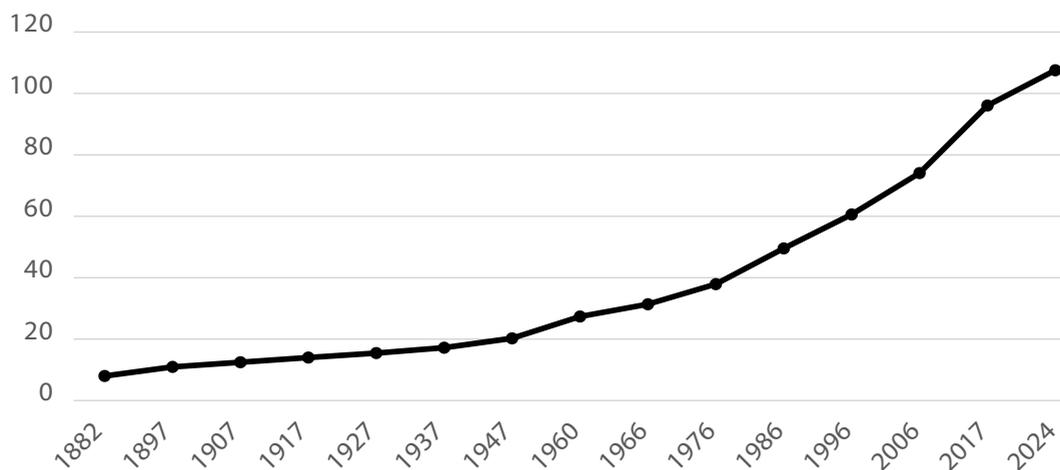
Возможно, это стало одной из причин смены политического вектора страны после прихода к власти Анвара Садата [Fahim 2013. P. 26].

Экономические проблемы Египта

Демографическая проблема

Одной из проблем, которые должны были быть решены благодаря строительству Асуанской плотины, была нехватка пригодных для ведения сельскохозяйственной деятельности земель. Контроль стока реки Нил позволял лучше планировать ирригационные работы и снабжать водой большее количество территорий. Уже тогда решение этой проблемы было связано с угрозой перенаселения Египта, которую стали активно обсуждать еще в 1930-е гг. [Shokr 2009. P. 16–17]. Со времен строительства ВАП население Египта выросло в четыре раза. В 2024 г. население страны превысило отметку в 106 млн человек [CAPMAS 2023] (см. рисунок 1 на с. 98).

Рисунок 1. Население Египта (млн чел.)

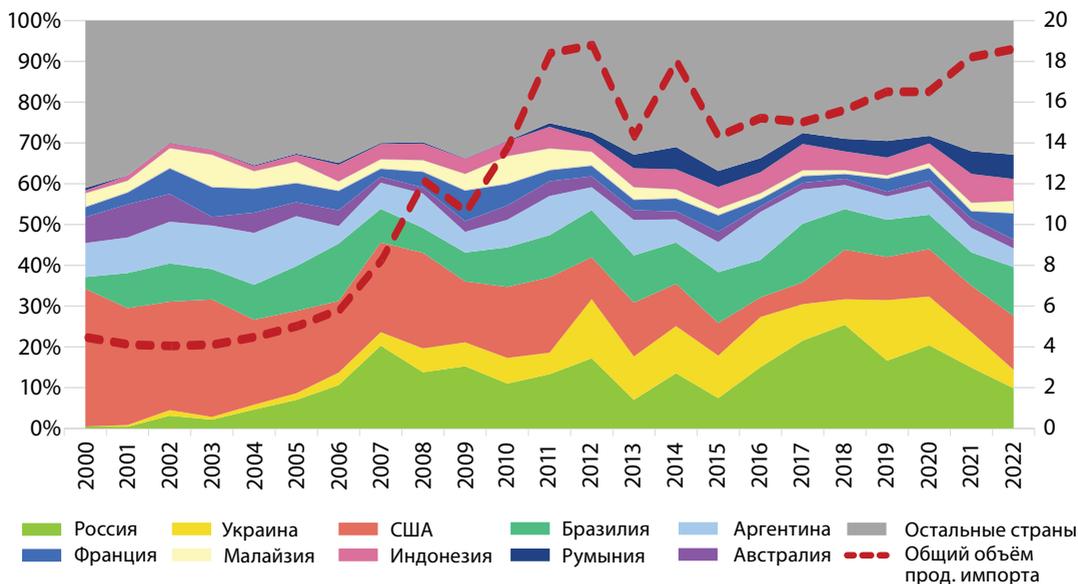
Источник: CAPMAS – Central Agency for Public Mobilization and Statistics. Egypt in Numbers.

Продовольственная проблема

Несмотря на то что общая территория Египта велика, лишь небольшая ее доля — долина Нила и частично побережье — пригодны для жизни. Рост количества людей в XX в. и начале XXI в. привел к резкому увеличению плотности населения, что негативно сказывается на экологии, износе инфраструктуры и общем качестве жизни. Помимо этого, высокая плотность населения привела к тому, что некогда прославленная своим сельским хозяйством держава сегодня находится в полной зависимости от импорта продовольствия: имеющихся территорий не хватает для удовлетворения национального спроса на базовые продукты питания, такие как пшеница и масличные культуры

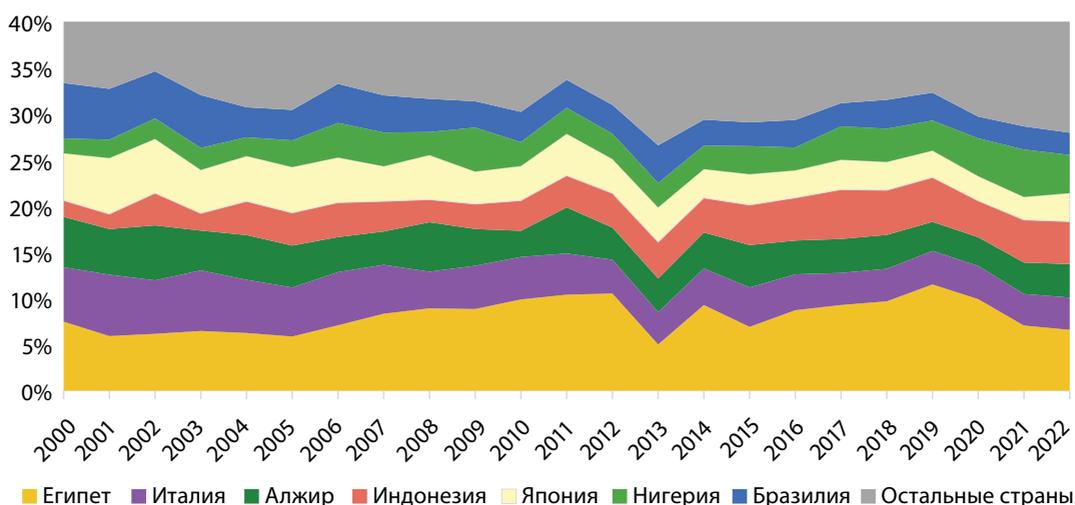
[Chansiri 2023. P. 44]. Около половины потребляемой пшеницы Египет покупает за рубежом [Varens 2022. P. 6]. Особенно быстро рост импорта продовольственных товаров наблюдался с 2006 по 2011 г. (см. рисунок 2 на с. 99).

Рисунок 2. Распределение продовольственного импорта Египта по странам (по левой оси) и общий объем продовольственного импорта Египта (по правой оси) (млн долл.)

Источник: Observatory of Economic Complexity.

Рисунок 3. Доля крупнейших импортеров в мировом импорте пшеницы

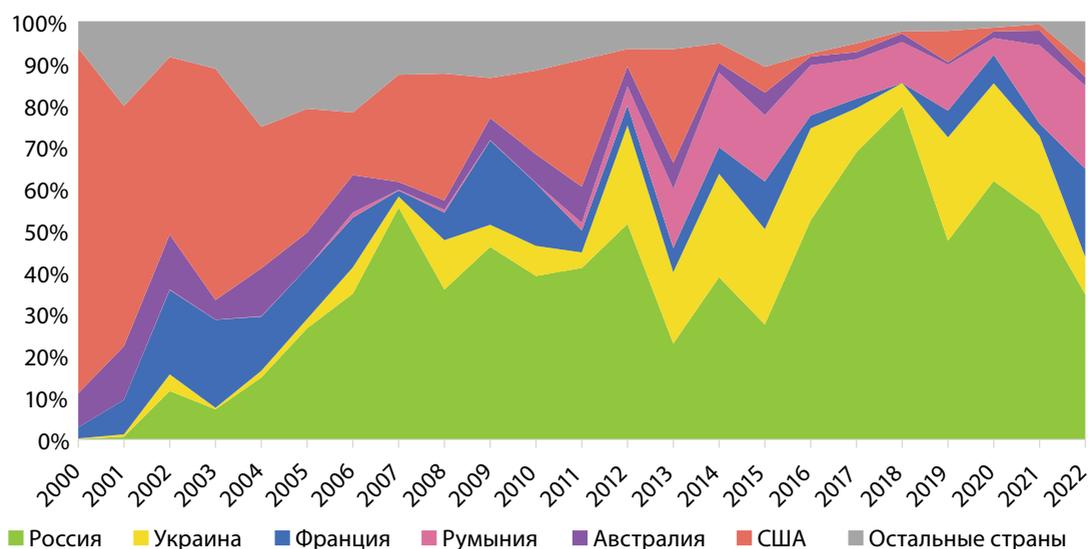

Источник: Observatory of Economic Complexity.

Потребительская корзина в Египте отличается от европейской: она не такая дорогая, т.к. в ней меньше мяса, рыбы, овощей и фруктов, но больше пшеницы. Лепешки, кускус, булгур, макароны (например, в составе египетского национального блюда *кóшари*) составляют основу питания египтян. Потребление пшеницы на человека в Египте, как и во многих других странах Арабского мира, в два раза выше, чем в среднем по миру [World Population Review 2024]. Египет, крупнейшая арабская страна, уже многие годы является самым крупным импортером пшеницы (см. рисунок 3 на с. 99).

На рисунке 4 (с. 100) видно, что в начале 2000-х гг. Египет покупал почти всю необходимую пшеницу в США, однако постепенно переориентировался на Россию и в меньшей степени на Украину. К 2022 г. импортная корзина по этому товару не была достаточно диверсифицирована. Вооруженный конфликт на территории Украины привел к сокращению доли совокупного российского и украинского импорта пшеницы до уровня 2006 г. и вынудил Египет начать поиск новых поставщиков.

Рисунок 4. Распределение импорта пшеницы в Египет по странам (млн долл.)

Источник: Observatory of Economic Complexity.

Следует отметить, что в Египте цены на хлеб и другие товары первой необходимости поддерживаются на достаточно низком уровне за счет субсидий. До прихода к власти нынешнего президента Абд аль-Фаттах ас-Сиси система субсидий контролировалась достаточно слабо. Государство снабжало пекарни мукой и средствами, чтобы те продавали хлеб по низкой цене. Но эта политика приводила к злоупотреблениям: люди покупали больше хлеба, чем им было нужно. Хлеб даже использовался в качестве корма для домашних животных. При этом людям приходилось долго стоять в очередях за хлебом, а иногда его не хватало. В 2014 г. была проведена

реформа: были введены специальные пластиковые карточки, которые позволяют гражданам получать ограниченное количество хлеба по существенно заниженной цене из расчета пять лепешек на человека в день. Злоупотребления с этой системой тоже присутствуют в египетском обществе: служащие государственных пекарен иногда обманывают граждан, записывая на их карточки покупки более крупного объема, чтобы сэкономить муку и пустить ее на производство других изделий. Иногда по сговору с пекарями граждане отдают им свои карточки, чтобы те списывали с них весь лимит, который будет оплачен государством. Тем не менее новая система показала свою эффективность — она сократила количество очередей и сделала хлеб более доступным [Barens 2022. P. 159–167]. Однако эти субсидии дорого обходятся государству. На субсидии на хлеб, а также на ряд других товаров первой необходимости уходит около 4% всех государственных расходов [Breisinger 2024. P. 112]. Государство сегодня работает над тем, чтобы снизить долю граждан, получающих субсидии, с 70–80 до 50–60%, однако оно не может ограничить доступ к субсидированному хлебу даже для среднего класса, который благодаря этой мере поддерживает свое благосостояние и не скатывается в бедность [Barens 2022. P. 167].

Таким образом, расходы египетского государства находятся в сильной зависимости от цены на пшеницу на международном рынке, т.к. они влияют на то, сколько правительство должно будет выделить средств на субсидирование хлеба, цену которого на внутреннем рынке правительство вынуждено держать на низком уровне. Так, например, резкий рост цен на пшеницу в результате начала российско-украинского конфликта вызвал серьезную обеспокоенность руководства страны (см. рисунок 5 на с. 101). Египет на три месяца запретил экспорт некоторых продуктов, таких как макаронные изделия, мука и несколько видов круп, включая пшеницу, которую он периодически продавал в соседние страны [Al-Ahram 2022]. Руководство страны прекрасно понимает, что нехватка хлеба или рост цен на него может спровоцировать массовые протесты, как это было в 1977, 2008 и в 2011 гг. [Barens 2022. P. 3].

Рисунок 5. Цены на мировом рынке пшеницы (долл./бушель)

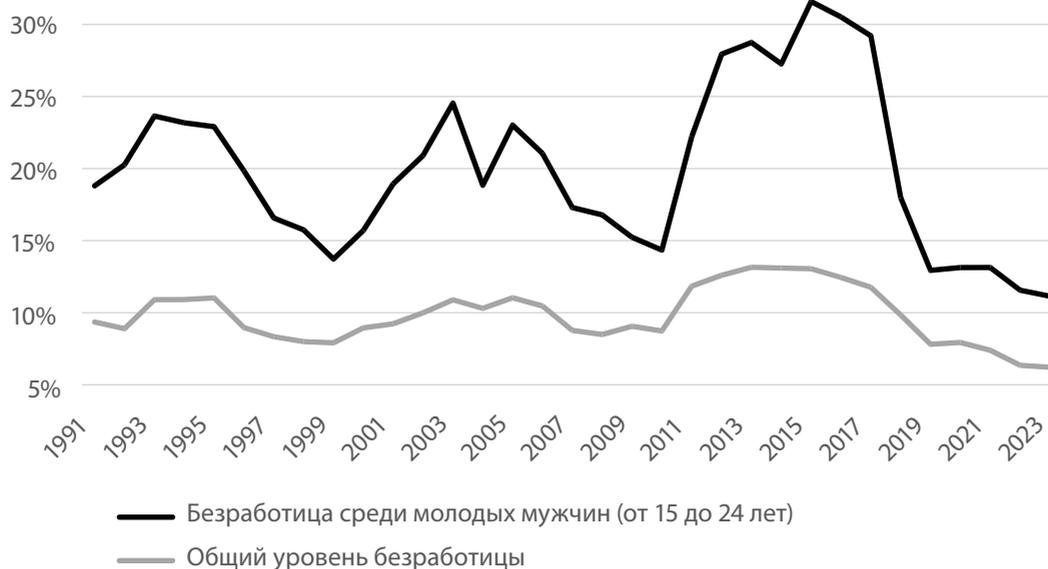

Источник: Trading Economics.

Проблемы низкого уровня жизни и безработицы

Другой важный социально-экономический фактор, который влияет на уровень недовольства населения Египта, — это безработица. Значительная часть протестующих в Египте во время «арабской весны» была представлена молодыми людьми, которые не могли найти работу даже после получения высшего образования [Жоротаев и Зинькина 2011. С. 23]. Впрочем, после прихода Абд аль-Фаттах ас-Сиси ситуация стала налаживаться. В последние годы как общая безработица, так и безработица среди молодежи демонстрирует рекордно низкие для Египта показатели (см. рисунок 6 на с. 102).

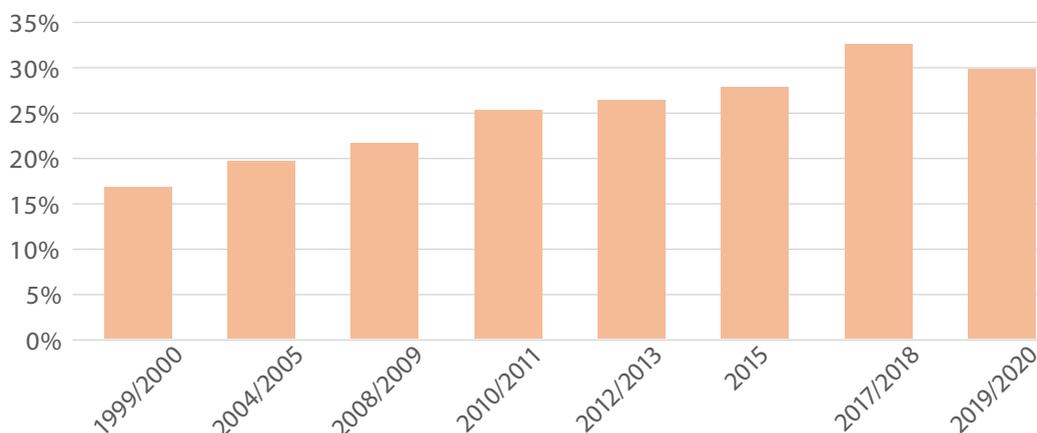
Рисунок 6. Безработица в Египте

Источник: World Bank.

Несмотря на то что в Египте очень низкий уровень нищеты (доли людей, проживающих менее чем на один доллар в день), бедность является большой проблемой для страны. Так, например, в 2019 г. более 40% населения тратило в день менее пяти долларов [PIR 2019]. Из-за инфляции национальной валюты государство в последние годы несколько раз меняло пороговые показатели для определения бедности. Однако согласно государственной статистике, бедность в последние десятилетия неуклонно росла, по крайней мере до последнего времени (см. рисунок 7 на с. 103). При этом, если в некоторых мухафазах бедность составляет около 5%, в других она превышает 50%. В первую очередь это касается мухафаз Верхнего Египта, более половины сельского населения которых не может удовлетворить базовые потребности [Elshahawany and Elazhary 2024. P. 112, 116–117].

Рисунок 7. Доля населения Египта, проживающего ниже национально определенной черты бедности

Источник: CAPMAS.

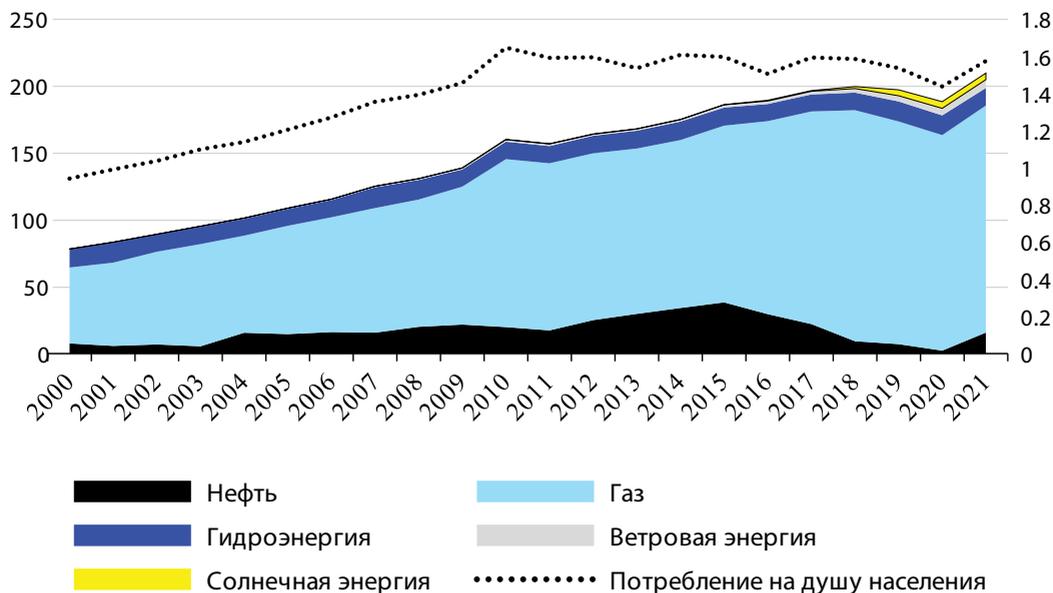
Энергетическая проблема

Строительство Асуанской плотины в свое время радикально изменило энергетический потенциал Египта. В конце 1960-х и 1970-е гг. Асуанская ГЭС производила более 50% всего потребляемого в стране электричества [Тауіе 2018. Р. 434]. Однако уже к началу XXI в. доля ГЭС в общем производстве электроэнергии в стране опустилась до 20%, а к началу 2020-х — до 6%. Сегодня большая часть всего электричества в стране производится за счет сжигания газа. При этом начиная с 2010 г. рост потребления электричества на душу населения остановился (см. рисунок 8 на с. 104). Газ для производства электроэнергии по большей степени добывается в Египте, и лишь небольшая его часть импортируется (при наличии экспорта газа из страны). Так, в 2015–2017 гг., когда производство газа не удовлетворяло внутренний спрос, Египет нарастил импорт. В 2018 г. в результате начала добычи газа на месторождении Зохр импорт стал падать, а в 2020 г., когда потребление энергии на фоне пандемии снизилось, Египет временно почти остановил импорт газа [Rana and Khanna 2020. Р. 9–10] (см. рисунок 9 на с. 104).

Несмотря на то что уже к 2007 г. 99% домохозяйств Египта получили доступ к электричеству, в энергетическом секторе страны имеются внутренние проблемы. Основная из них состоит в том, что электроэнергия в Египте субсидируется и продается по цене намного ниже себестоимости, что приводит к большим бюджетным расходам. В 2013 г. на энергетические субсидии уходило 22% государственных расходов, что составляло около 6% ВВП. Низкие цены на электроэнергию не позволяли частным энергетическим компаниям выходить на рынок без поддержки государства. При этом на фоне политической нестабильности и нехватки административных ресурсов в период 2012–2014 гг. в стране наблюдались частые перебои в поставке энергии. Правительство было очень обеспокоено сложившейся ситуацией и с тех пор стало ежегодно сокращать субсидии, повышая тарифы на электроэнергию. С 2014 по 2019 г.

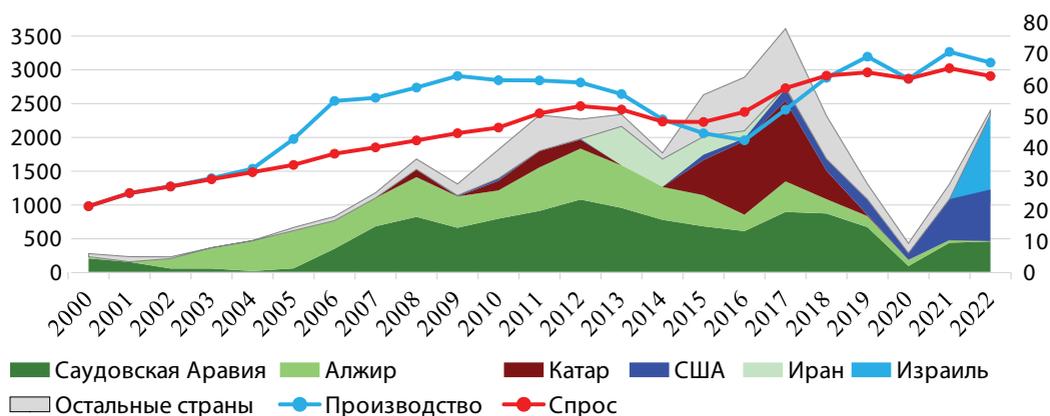
цена на электроэнергию в Египте выросла в 3,5 раза [Rana and Khanna 2020. P. 10–15, 25–29]. Тем не менее решение проблемы перебоев в работе электросети стало достижением правления Абд аль-Фаттах ас-Сиси. Однако с августа 2023 г. из-за недостатка производственных мощностей для удовлетворения растущего спроса перебои возобновились [Ауоуб 2024], и проблема сохраняется по сей день [Morsy 2024].

Рисунок 8. Распределение производства электричества в Египте по источникам энергии (по левой оси; ТВт·ч) и потребление электроэнергии на душу населения в Египте (по правой оси; мВт·ч/чел.)

Источник: IEA.

Рисунок 9. Распределение импорта природного газа в Египет по странам (по левой оси; млн долл.) и производство и спрос на внутреннем рынке на природный газ (по правой оси в млрд м³)

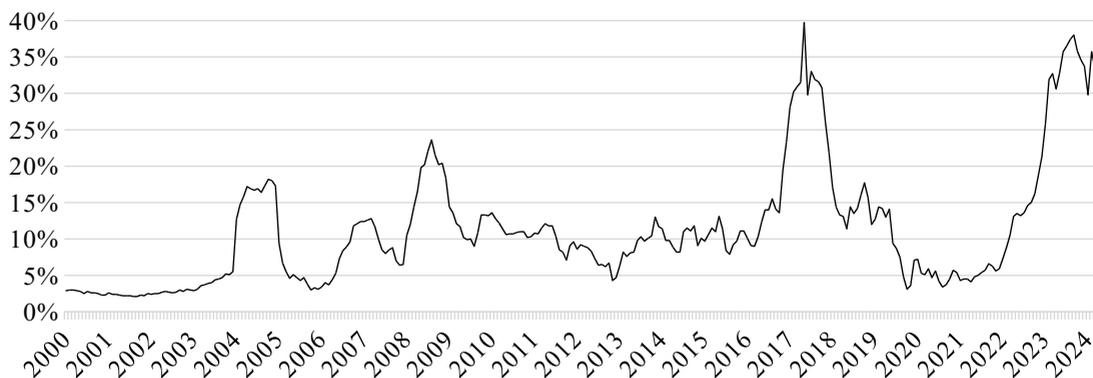

Источник: ОЕС, ОПЕС.

Макроэкономические проблемы

В Египте растут цены не только на электроэнергию. Если большую часть времени Центральному банку Египта удавалось удерживать инфляцию на уровне 10–15%, то в 2017 г. и начиная с 2022 г. по сегодняшний день инфляцию можно охарактеризовать как галопирующую (см. рисунок 10 на с. 105).

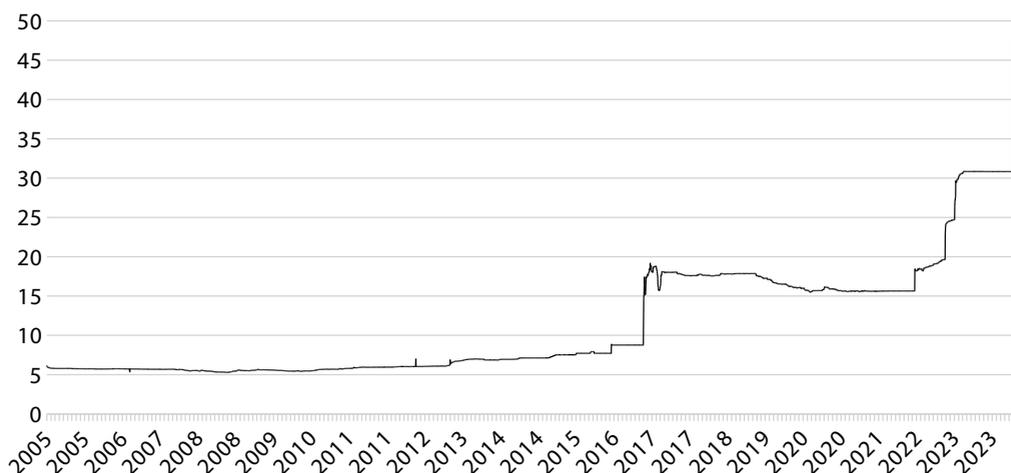
Рисунок 10. Индекс потребительских цен в Египте

Источник: Trading Economics.

Одновременно происходила и значительная девальвация египетского фунта по отношению к доллару. Последние годы стали особенно тяжелыми для национальной египетской валюты (см. рисунок 11 на с. 105).

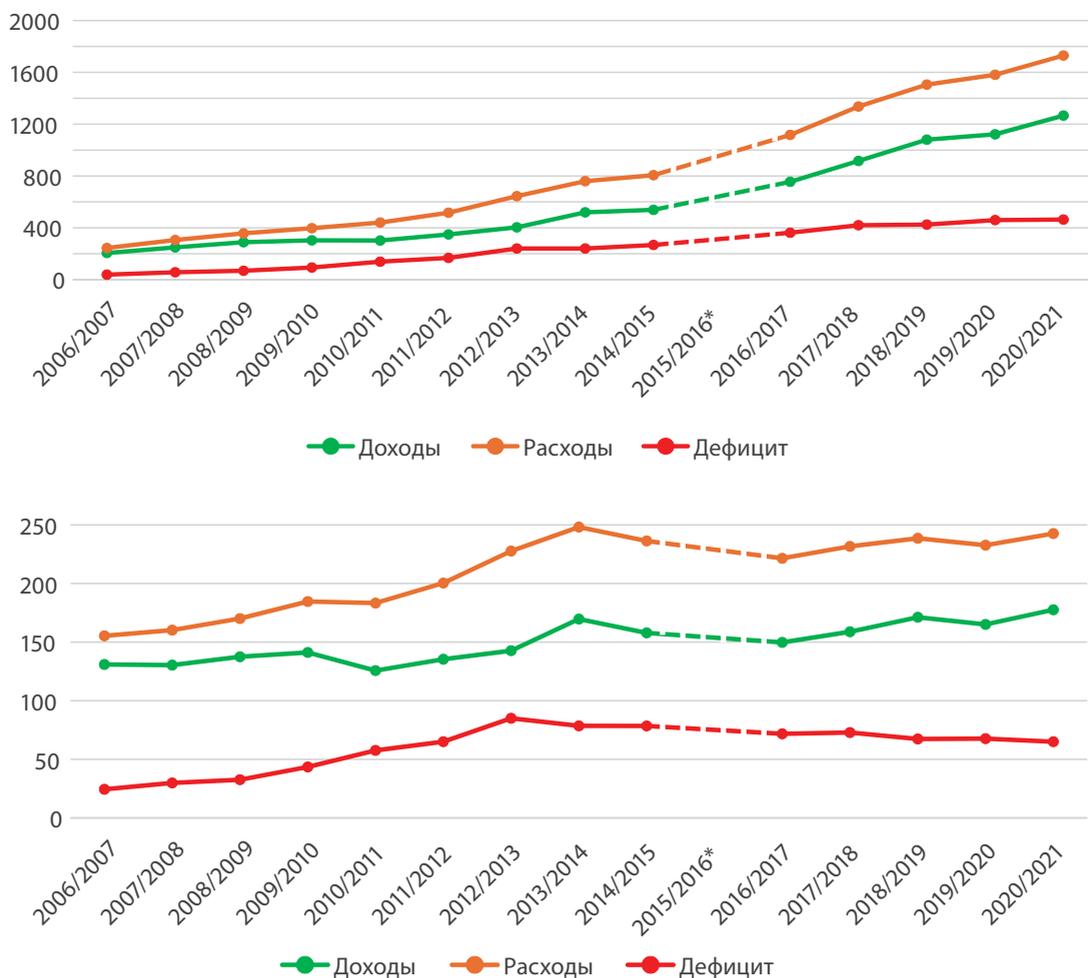
Рисунок 11. Стоимость доллара США в египетских фунтах по официальному курсу

— Курс доллара к египетскому фунту

Источник: Central Bank of Egypt.

Рисунок 12. Государственный бюджет Египта в текущих ценах (вверху; млрд египетских фунтов) и с поправкой на инфляцию в ценах 2000 г. (внизу; млрд египетских фунтов 2000 г.)

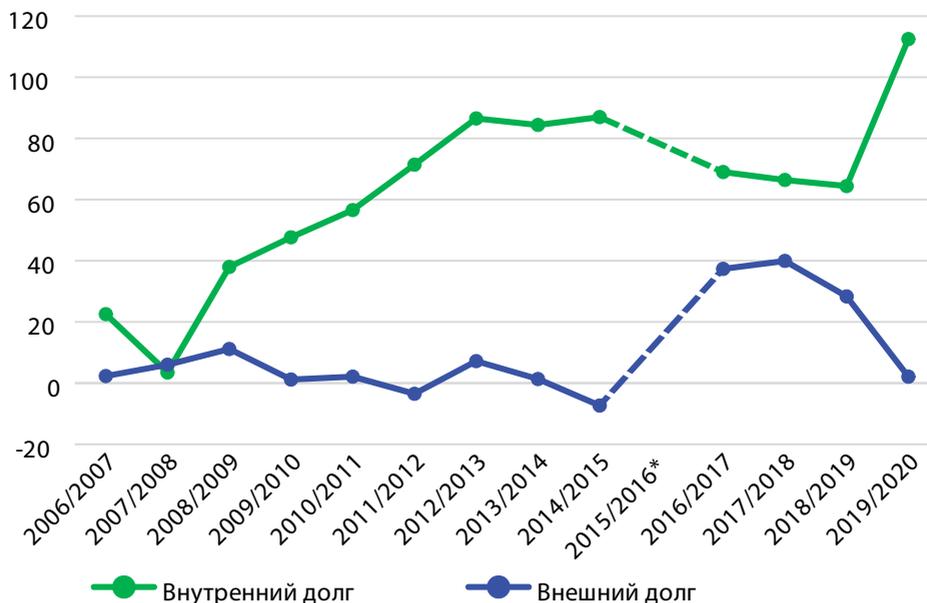
* За 2015/2016 финансовый год данные отсутствуют

Источник: Central Bank of Egypt.

Инфляция приводила к тому, что в номинальном выражении происходил постоянный рост дефицита бюджета. Однако при поправке на инфляцию окажется, что начиная с прихода к власти в 2014 г. Абд аль-Фаттаха ас-Сиси бюджетный дефицит даже начал сокращаться, хотя он все равно остается значительным (см. рисунок 12 на с. 106). Дефицит бюджета египетское правительство традиционно закрывало внутренним долгом, выросшим во много раз по сравнению с серединой 2000-х гг. Однако Абд аль-Фаттаха ас-Сиси стал в значительно большей мере ориентироваться на внешнее финансирование дефицита. Только в первый год пандемии, когда оно сократилось,

для обеспечения дефицита пришлось вновь прибегнуть к увеличению внутреннего долга (см. рисунок 13 на с. 107). А начало российско-украинского конфликта способствовало росту инфляции и последующему обвалу курса. При новом президенте значительно вырос внешний долг страны, во многом за счет привлечения средств из Китая и стран ССАГПЗ, а также международных организаций [Roll 2022. P. 8, 15, 19].

Рисунок 13. Внутренний и внешний долг Египта с поправкой на инфляцию в ценах 2000 г. (млрд египетских фунтов 2000 г.)

* За 2015/2016 финансовый год данные отсутствуют

Источник: Central Bank of Egypt.

Мегапроекты — решение проблем

Египет находится в уязвимой ситуации, в которой страна вынуждена выбирать между двумя неблагоприятными стратегиями. Первая предполагает сокращение государственных расходов, а следовательно, сокращение дефицита бюджета и чистого импорта. Однако следствием такой жесткой экономии станет падение ВВП, снижение уровня жизни и рост безработицы, т.к. сокращение государственных расходов повлечет за собой снижение экономической активности. Макроэкономическая стабилизация такой ценой может ослабить позиции текущих египетских элит и снизит уровень поддержки со стороны населения. Вторая стратегия состоит в сохранении или увеличении расходов, что позволит поддержать уровень экономической активности и занятости. Однако ценой повышения государственных расходов является рост дефицита бюджета и чистого импорта.

И хотя обе стратегии обладают значительными издержками, выбор египетского правительства предсказуемо пал на вторую. Египет продолжает проводить

стимулирующую фискальную политику, поддерживая высокий уровень расходов [IMF 2024b. P. 7]. Одна из причин такого выбора заключается в том, что жесткая экономия сопряжена со значительными политическими издержками: потерявшие работу и лишённые части социальной помощи люди могут начать выражать свое недовольство публично. Такой сценарий является нежелательным.

В результате египетское руководство реализует стратегию мегапроектов. Какого-либо официального набора критериев относительно того, что является мегапроектом, не существует: этот термин используется в СМИ и официальных документах применительно к крупным инфраструктурным проектам (например, термин содержится в египетском стратегическом плане “Vision 2030” [Egypt Vision 2030. P. 17]). Поэтому в дальнейшем мы будем относить к мегапроектам те крупные проекты, которые были так обозначены и в других источниках, в первую очередь в СМИ.

Мегапроекты помогают решать следующие проблемы страны:

1. Проблему перенаселения и износа инфраструктуры призваны решить транспортные и градостроительные мегапроекты;
2. На преодоление продовольственной проблемы направлены мегапроекты по рекультивации земли для сельского хозяйства, а также по созданию рыбных ферм;
3. Социально-экономические проблемы преодолеваются за счет привлечения населения к реализации мегапроектов, а также дальнейшего трудоустройства на новых объектах;
4. Энергетическую проблему призваны решить многочисленные электростанции, основанные как на ископаемых, так и на возобновляемых источниках, а также крупная атомная электростанция Ад-Дабаа;
5. Наконец, макроэкономические проблемы могут быть сглажены за счет создания положительного образа мегапроектов и более активного привлечения средств из-за рубежа.

Мегапроекты обладают и политическим эффектом. В отличие от простого улучшения макроэкономических показателей, мегапроекты могут служить демонстрацией развития и процветания, тем самым обеспечивая поддержку властей. Политический эффект мегапроектов усиливается тем, что «великие стройки» разбросаны по различным регионам, демонстрируя жителям экономическую мощь страны.

За политические выгоды правительство расплачивается тем, что инфраструктурные проекты ложатся тяжким бременем на бюджет страны [IMF 2024a], а их рентабельность (в том числе крупнейших проектов, таких как Новая административная столица или расширение Суэцкого канала) часто подвергается сомнению [Roll 2022. P. 27–28]. Для того чтобы облегчить это бремя, египетское руководство пытается привлекать иностранные инвестиции и ищет внешних подрядчиков (см. приложения 1–5). Часто объем вложений бывает очень существенным: так, 23 февраля 2024 г. ОАЭ обязались инвестировать \$35 млрд в проект строительства Рас-аль-Хекмы взамен на 65%-ную долю в данном проекте [NewArab 2024].

Иностранное участие в современных египетских мегапроектах

Методология

Поскольку единого актуального списка мегапроектов не существует, авторы для целей исследования составили данный список самостоятельно. Для этого были проанализированы материалы следующих медиа: «Аль-Кахира аль-Ихбария» (араб. القاهرة الإخبارية), «Аль-Айн аль-Ихбария» (араб. العين الإخبارية), Oxford Business Group, CSR Egypt, SkyNews Arabiya, al-Ahram, Reuters, CNN, al-Arabiya, The Impossible Build, Indian Construction Info, Ventures Onsite, Construction Review, The New Africa Channel, MEED, Vlaanderen. Изучение данных СМИ разных стран и профилей позволило получить достаточно широкий список, включающий 44 мегапроекта. Из этих 44 мегапроектов два не были реализованы (мост Короля Салмана и ТЭС Хамравейн), а в десяти не было выявлено иностранное участие. Это не означает, что иностранные компании не участвовали в этих проектах, вполне возможно, что оно не было публичным или не освещалось в медиа.

Для того чтобы определить зарубежные страны-участницы, был использован агрегатор Google News для системного поиска упоминаний конкретных мегапроектов и их инвесторов в новостных сообщениях. На первом этапе название каждого мегапроекта задавалось на английском языке в сочетании с формами участия. Например: «*New Administrative Capital + Foreign Investment*»

Таким образом осуществлялся поиск части упоминаний, связанных с иностранными инвестициями в Новую административную столицу. Далее название мегапроекта вводилось в сочетании с названием стран. В начале поиск осуществлялся по списку десяти основных торговых партнеров Египта по импорту за период 2012–2022 гг. (КНР, США, Россия, Саудовская Аравия, Германия, Турция, Италия, Украина, Индия, ОАЭ) [ОЕС n.d.]. Например:

«*New Administrative Capital + Saudi Arabia*»

В дальнейшем при упоминании новой страны она добавлялась в список государств, по которым осуществлялся поиск. Благодаря этому удалось обнаружить значительное участие Республики Корея, Японии, Великобритании и некоторых других стран в египетских мегапроектах. Такой детальный и подробный поиск позволил не пропустить важную информацию и не прийти к ошибочным выводам.

Существует риск, что авторы собрали неполную информацию из-за того, что названия стран не содержались в статьях, а иностранное присутствие выявлялось через названия иностранных компаний. Однако этот риск не представляется существенным. Как правило, через несколько запросов новые упоминания мегапроекта начинали попадаться все реже и реже.

После завершения поиска список стран был разделен на три группы: страны ОЭСР, БРИКС-5 и ССАГПЗ. Несмотря на то что с 1 января 2024 г. ОАЭ стали полноправными членами БРИКС, а Саудовская Аравия участвует во многих мероприятиях организации, было решено объединить монархии Персидского залива в отдельную группу. Саудовская Аравия и ОАЭ наравне с Кувейтом и Катаром, как правило, участвуют в мегапроектах специфическим образом — с помощью финансирования через суверен-

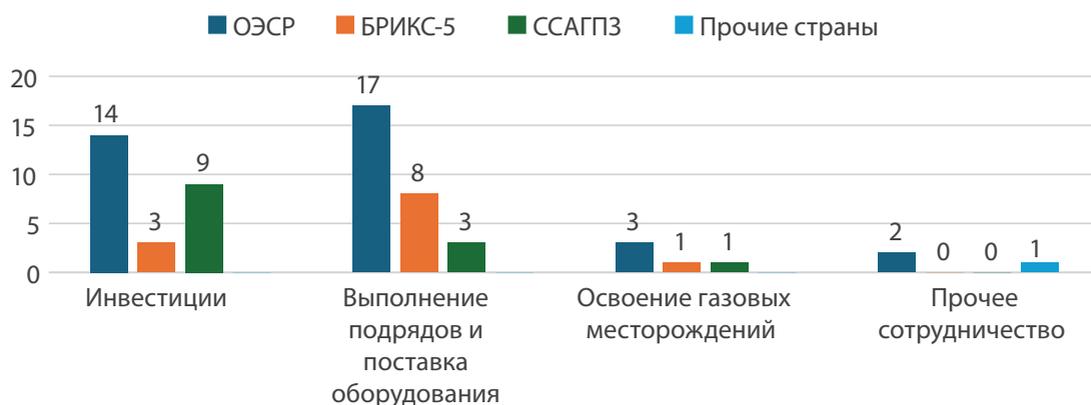
ные фонды. Например, в строительстве города Рас-аль-Хукма от ОАЭ участвует Abu Dhabi Development Holding Company [The New Times 2024], а СЭС Бэнбан управляется через компанию Masdar, принадлежащую суверенному фонду Mubadala Investment Company (ОАЭ) [PV Tech 2023]. ОЭСР добавлена в анализ, поскольку объединяет практически все развитые страны, благодаря чему становится возможно проводить сравнение влияния стран БРИКС и развитых стран на развитие египетских мегапроектов.

Для каждой страны был обозначен формат участия в проекте, который указан в скобках: Г – участие государства, суверенного фонда или государственной корпорации; Ч – участие страны через частные компании; Н – форма участия не определена (см. приложения 1–4).

Результаты

Анализ полученных данных показывает, что участниками наибольшего числа мегапроектов Египта являются страны ОЭСР – как в качестве инвесторов, так и в качестве подрядчиков. Их активное участие объясняется положительной взаимосвязью между уровнем ВВП на душу населения страны и объемом ее зарубежных инвестиций, обусловленным более высокой капиталовооруженностью развитых стран и, следовательно, более низкой отдачей от внутренних инвестиций, в результате чего компании развитых стран охотнее инвестируют в развивающиеся страны [Bano and Tabbada 2015]. Этим же объясняется и то, что страны ССАГПЗ чаще других выступают именно в качестве инвесторов, а не в качестве подрядчиков, поскольку монархии Персидского залива, стремясь к сбережению нефтяных доходов, направляют их в суверенные фонды, которые могут инвестировать эти средства в том числе в египетские мегапроекты (см. рисунок 14 на с. 110).

Рисунок 14. Число мегапроектов, в которых участвуют иностранные инвесторы и подрядчики, принадлежащие к разным группам стран, по типам участия

Источник: составлено авторами на основе данных СМИ.

Активное участие стран ОЭСР в египетских мегапроектах в качестве подрядчиков связано с общим уровнем их технологического и экономического развития, обеспечивающего лидерство в области производства транспорта и энергетического оборудования. Здесь вклад стран БРИКС, прежде всего Китая, значительно выше, чем вклад монархий Персидского залива, в которых высокотехнологичная обрабатывающая промышленность развита не так сильно.

Участие различных групп стран в мегапроектах является отражением нейтрального статуса Египта и показывает, что страна отдает предпочтение тому или иному иностранному контрагенту, исходя из качества предоставляемых им услуг, а не из геополитических соображений. «Росатом» является ведущей компанией в области атомной энергетики, и потому российской компании было доверено возведение АЭС Ад-Дабаа. Китай — лидер по объемам вводимого жилья и потому играет критическую роль в возведении Новой административной столицы и Нового Аламейна. А немецкая компания Siemens — один из лидеров в области производства энергетического оборудования, и потому Египет отдал предпочтение услугам этой компании при строительстве ТЭС Бени Суэйф и ТЭС Буруллус [Egypt Independent 2024; Nguji 2023; Power Online 2016; Power Technology 2019].

Зарубежные страны существенно различаются по форме участия в египетских мегапроектах. Страны ОЭСР гораздо чаще представлены частными компаниями, в то время как страны БРИКС и ССАГПЗ — госкорпорациями и суверенными фондами. Это связано со структурой экономик стран-инвесторов и подрядчиков — роль государственных компаний в странах БРИКС и ССАГПЗ значительно выше.

Неравен и масштаб участия зарубежных стран в мегапроектах Египта. Провести его точную оценку невозможно из-за того, что многие сведения не публичны и формы участия иностранцев отличаются. Как показали оценки С. Ролла, наибольший объем прямых иностранных инвестиций осуществляют страны ССАГПЗ, прежде всего Саудовская Аравия и ОАЭ. Их сотрудничество со странами БРИКС значительно усилило позиции организации в Египте. И хотя число мегапроектов с участием стран БРИКС все еще отстает от числа мегапроектов с участием стран ОЭСР, по объему прямого финансирования БРИКС, вероятно, будет опережать крупнейшие экономики Запада, во многом благодаря решающему вкладу арабских суверенных фондов [Roll 2022].

Выводы и обсуждение результатов

Как показало исследование, иностранные участники зачастую подключаются к реализации египетских мегапроектов в качестве подрядчиков (28 мегапроектов), а не только в роли инвесторов (26 мегапроектов). Это можно объяснить тем, что мегапроекты финансируются не только частными инвесторами, но и за счет средств государства. Быстрый рост населения вынуждает Египет с помощью мегапроектов решать проблемы с занятостью, а также недостатком энергии и качественной инфраструктуры. Однако их реализация создает значительную нагрузку на государственный бюджет и, следовательно, высокие риски для египетской экономики.

Мы полагаем, что вступление в БРИКС может оказать некоторый положительный эффект на экономику страны благодаря тому, что у Египта появится больше возможностей для взаимодействия с членами этой организации и, как следствие, больше возможностей для заключения новых контрактов. Важно, что страны ОЭСР участвуют в финансировании и реализации мегапроектов опосредованно: как правило, правительство Египта заключает контракты с компаниями из этих стран, а не с их правительствами. Ситуация со странами БРИКС, куда с 2024 г. входят и ОАЭ, обратная: эти страны представлены в экономике Египта в основном госкорпорациями и суверенными фондами. Это означает, что для того, чтобы воспользоваться услугами государственной корпорации или суверенного фонда страны БРИКС, необходимо заключить договор на государственном уровне. И если частной фирме Египет может предложить только деньги, то соглашение между двумя государствами будет с большей вероятностью иметь значительную нефинансовую политическую составляющую.

Вопрос, сможет ли международное сотрудничество решить экономические проблемы Египта, остается открытым. Если значимость Суэцкого канала и Асуанской плотины, до сих пор играющих большую роль в экономике Египта, в свое время не вызывала сомнений, то смогут ли современные мегапроекты вывести Египет из затруднительной экономической ситуации, не до конца очевидно. В этом контексте для страны критически важно, прибегая к иностранной помощи, не впасть в зависимость ни от одного из политических блоков и не стать жертвой нарастающих глобальных противоречий.

Библиография

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. №. 2. С. 5–29.

Лебедев Е. А., Мирский Г. И. Материалы к лекции на тему: Суэцкий канал. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, 1956.

Мирский Г. И. Арабские народы продолжают борьбу М.: Международные отношения, 1965.

Руденко Л. Н. Современные экономические проблемы Египта // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. №6. С. 25–35.

Abdelaziz M. Egyptian Media Reflections on Egypt's Accession to BRICS. 2023. Fikra Forum. Режим доступа: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/egyptian-media-reflections-egypts-accession-brics> (дата обращения 25 апреля 2024).

Al-Ahram. At-tijara tuqifu tasdir 6 sala'i ghiza'iyti li-muddati thalahtati ashhurin [Аль-Ахрам. Останавливается экспорт шести продовольственных товаров на три месяца]. Режим доступа: <https://gate.ahram.org.eg/News/3436685.aspx> (дата обращения 20 апреля 2024).

Ayoub M. Egypt's Energy Blackouts: A Growing Crisis Amid War. The Tahrir Institute for Middle East Policy. 2024. Режим доступа: <https://timep.org/2024/02/12/egypts-energy-blackouts-a-growing-crisis-amid-war/> (дата обращения 25 апреля 2024).

Bano S., Tabbada J. Foreign direct investment outflows: Asian developing countries // Journal of Economic Integration. 2015. Vol. 30, No 2. P. 359–398.

- Barnes J. Staple Security. Bread and Wheat in Egypt. Duke University Press, 2022.
- Breisinger C. et al. From Food Subsidies to Cash Transfers: Assessing Economy-Wide Benefits and Trade-Offs in Egypt // *Journal of African Economies*. 2024. Vol. 33. No 2. P. 109–129.
- CAPMAS – Central Agency for Public Mobilization and Statistics. Egypt in Numbers. 2023. Режим доступа: https://www.capmas.gov.eg/Pages/StaticPages.aspx?page_id=5035 (дата обращения 20 апреля 2024).
- Casey J. P. UAE to develop 10GW of renewable capacity in Africa, including 300MW of solar // *PV Tech*. 2023. Режим доступа: <https://www.pv-tech.org/uae-to-develop-10gw-of-renewable-capacity-in-africa-including-300mw-of-solar/> (дата обращения 25 апреля 2024).
- Central Bank of Egypt. Режим доступа: <https://www.cbe.org.eg/en/economic-research/statistics/> (дата обращения 20 апреля 2024).
- Chansiri A. An Investigation of the Effects of Globalization and Trade Liberalization on Food Consumption and Food Security in Egypt // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2023. No 4. P. 42–50.
- Dawkins C. E. The Egyptian Public Debt // *The North American Review*. 1901. Vol. 173. No 539. P. 487–507.
- Egypt Independent. El Dabaa Nuclear Project is the largest cooperation project between Egypt and Russia. 2024. Режим доступа: <https://www.egyptindependent.com/el-dabaa-nuclear-project-is-the-largest-cooperation-project-between-egypt-and-russia/> (дата обращения 20 апреля 2024).
- Egypt Vision 2030. Режим доступа: https://arabdevelopmentportal.com/sites/default/files/publication/sds_egypt_vision_2030.pdf (дата обращения 20 апреля 2024).
- Elshahawany D. N., Elazhary R. H. Government Spending and Regional Poverty Alleviation: Evidence from Egypt // *Asia-Pacific Journal of Regional Science*. 2024. Vol. 8. No 1. P. 111–135.
- Fahim H. M. Dams, People and Development: The Aswan High Dam Case. Pergamon Press, 2013.
- Fahmy K. Mehmed Ali: from Ottoman governor to ruler of Egypt. Simon and Schuster, 2012.
- Hunter F. R. Egypt under the Khedives, 1805–1879: from Household Government to Modern Bureaucracy. American University in Cairo Press, 1999.
- IEA – International Energy Agency. Countries. Electricity. Egypt. Режим доступа: <https://www.iea.org/countries/Egypt/electricity> (дата обращения 20 апреля 2024).
- IMF. IMF Staff and the Egyptian Authorities Reach Staff Level Agreement on the First and Second Reviews under the EFF Arrangement. 2024a. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/03/06/pr-2459-egypt-staff-and-authorities-reach-agreement-on-reviews-under-the-eff-arrangement> (дата обращения 25 апреля 2024).
- IMF. Country Report No. 2024/098. Arab Republic of Egypt. 2024b. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2024/04/26/Arab-Republic-of-Egypt-First-and-Second-Reviews-Under-the-Extended-Arrangement-Under-the-548335> (дата обращения 20 мая 2024).
- Joesten J. Nasser’s Daring Dream: The Aswan High Dam // *The World Today*. 1960. Vol. 16. No 2. P. 55–63.
- Morsy A. Blackouts are Back // *Ahram Online*. 2024. Режим доступа: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/50/1201/522457/AIAhram-Weekly/Egypt/Blackouts-are-back.aspx> (дата обращения 25 апреля 2024).

NewArab. Egypt economic crisis: What is Ras al-Hekma and why is Cairo “selling it” to UAE? 2024. Режим доступа: <https://www.newarab.com/news/egypt-economy-what-ras-al-hekma-cairo-selling-uae> (дата обращения 20 мая 2024).

Ngugi M. The New Administrative Capital Project in Egypt // *Constructionreview*. 2023. Aug. 16. Режим доступа: <https://constructionreviewonline.com/construction-projects/the-new-administrative-capital-project-in-egypt/> (дата обращения 20 апреля 2024).

ОЕС – Observatory of Economic Complexity. Режим доступа: <https://оес.world/en/> (дата обращения 20 апреля 2024).

ОПЕС. Data. Режим доступа: https://асb.оес.org/data/ASB_Data.php (дата обращения 20 апреля 2024).

PIP – Poverty and Inequality Program. World Bank. 2019. Country Profiles. Египт. Режим доступа: <https://pip.worldbank.org/country-profiles/EGY> (дата обращения 20 апреля 2024).

Power Online. First Siemens Gas Turbines Begin Their Journey to Egypt. 2016. Режим доступа: <https://www.poweronline.com/doc/first-siemens-gas-turbines-begin-their-journey-to-egypt-0001> (дата обращения 20 апреля 2024).

Power Technology El Burullus Power Plant. 2019. Режим доступа: <https://www.power-technology.com/projects/el-burullus-power-plant/?cf-view> (дата обращения 20 апреля 2024).

Rana A., Khanna A. Learning from Power Sector Reform: The Case of the Arab Republic of Egypt // *World Bank Policy Research Working Paper*. 2020. No 9162.

Roll S. Loans for the President: External Debt and Power Consolidation in Egypt. *SWP Research Paper*. 2022.

Shokr A. Hydropolitics, economy, and the Aswan High Dam in mid-century Egypt // *The Arab Studies Journal*. 2009. Vol. 17. No 1. P. 9–31.

Tayie M. S. Impact of the International Context on the Political and Legal Dimensions of the Aswan High Dam (1952–1960) // *Grand Ethiopian Renaissance Dam Versus Aswan High Dam / A.M. Negm, S. Abdel-Fattah (eds.)*. Springer, 2018. P. 419–450.

The New Times. Egypt, UAE sign deal to develop new city on Egypt’s northern coast. 2024. Режим доступа: <https://www.newtimes.co.rw/article/14790/news/international/egypt-uae-sign-deal-to-develop-new-city-on-egypts-northern-coast> (дата обращения 25 апреля 2024).

Trading Economics. Режим доступа: <https://tradingeconomics.com> (дата обращения 20 апреля 2024).

Tunçer A. C. Foreign Debt and Colonization in Egypt and Tunisia (1862–82) // *In Sovereign Debt Diplomacies: Rethinking Sovereign Debt from Colonial Empires to hegemony / P. Penet, J.F. Zendejas (eds.)*. Oxford University Press, 2021. P. 73–93.

World Bank. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения 20 апреля 2024).

World Population Review. Wheat Consumption by Country 2024. 2024. Режим доступа: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/wheat-consumption-by-country> (дата обращения 20 апреля 2024).

Приложения

Приложение 1. Страны — инвесторы в мегапроекты Египта

Название проекта	Тип проекта	ОЭСР	БРИКС-5	ССАГПЗ
Новая административная столица	Градостроительный		Китай (Г), ЮАР (Н)	ОАЭ (Н)
3-я линия метро Каира	Транспортный	Южная Корея (Г)		
4-я линия метро Каира	Транспортный	Япония (Г), Южная Корея (Г)		
Нефтехимический комплекс Тахрир	Промышленный	США (Г), Южная Корея (Г), Италия (Г)		
СЭС Бенбан	Энергетический	Великобритания (Г)		ОАЭ (Г)
ТЭС Буруллус	Энергетический	Германия (Ч)		
ТЭС Бени Суэйф	Энергетический	Германия (Ч)		
Строительство новых дорог	Транспортный			Кувейт (Г)
City Gate	Градостроительный			Катар (Г)
Золотой треугольник	Прочее	Австралия (Ч)		Кувейт (Г)
Высаживание пальм	Прочее			ОАЭ (Ч)
Новая плотина Асьют	Энергетический	Япония (Г), Германия (Г)		
ВЭС Заафрана	Энергетический	Дания (Ч), Япония (Ч), Швейцария (Ч)		
Город 10-го Рамадана	Градостроительный	Турция (Н), Италия (Ч), Франция (Ч)	Индия (Ч), Китай (Н)	Саудовская Аравия (Н)
ВЭС Габаль аз-Зейт	Энергетический	Великобритания (Ч)		
Экономическая зона Суэцкого канала	Промышленный	Япония (Ч), Германия (Н)	Россия (Г), Китай (Н)	Катар (Г), Кувейт (Г), ОАЭ (Г)
Порт Айн-Сохна	Транспортный	Британские Виргинские острова/Гонконг (Ч)		
6-я линия метро Каира	Транспортный	Южная Корея (Г)		
Рас-аль-Хекма	Градостроительный			ОАЭ (Г), Катар (Г)

Источник: составлено авторами на основе данных СМИ.

Приложение 2. Выполнение подрядов и поставки оборудования для мегапроектов Египта

Название проекта	Тип проекта	ОЭСР	БРИКС-5	ССАГПЗ
Новая административная столица	Градостроительный	Германия (Ч)	Китай (Г)	Саудовская Аравия (Г)
ж/д Айн — Сохна — Мерса — Матрух	Транспортный	Германия (Ч)	Китай (Г)	

Название проекта	Тип проекта	ОЭСР	БРИКС-5	ССАГПЗ
АЭС Дабаа	Энергетический	Южная Корея (Г)	Россия (Г)	
3-я линия метро Каира	Транспортный	Южная Корея (Г)		
4-я линия метро Каира	Транспортный	Южная Корея (Г), Франция (Ч)		
Нефтехимический комплекс Тахир	Промышленный	Южная Корея (Ч), Германия (Ч)		
Новый Аламейн	Градостроительный		Китай (Г)	
Монорельс в Новую административную столицу	Транспортный	Великобритания (Ч), Испания (Ч), Канада (Ч)	Китай (Г)	
СЭС Бенбан	Энергетический	Германия (Ч)		
ТЭС Буруллус	Энергетический	Германия (Ч)		
ТЭС Бени Суэйф	Энергетический	Германия (Ч)		
Золотой треугольник	Прочее	Италия (Ч)		
Новая плотина Асьют	Энергетический	Япония (Ч), Австрия (Ч), Германия (Ч)		
ВЭС Заафрана	Энергетический	Норвегия (Ч)		
Газовый проект в Западной дельте	Энергетический	Италия (Ч)		
Газовое месторождение Саламат	Энергетический	Дания (Ч)		ОАЭ (Г)
Город 10-го Рамадана	Градостроительный		Китай (Г)	
6-я линия метро Каира	Транспортный	Франция (Г), Канада (Ч)		

Источник: составлено авторами на основе данных СМИ.

Приложение 3. Разработка газовых месторождений в Египте

Название проекта	ОЭСР	БРИКС-5	ССАГПЗ
Разработка газового месторождения Зохр	Италия (Ч), Великобритания (Ч)	Россия (Г)	ОАЭ (Г)
Газовый проект в Западной дельте	Великобритания (Ч)		
Газовое месторождение Саламат	Великобритания (Ч)		

Источник: составлено авторами на основе данных СМИ.

Приложение 4. Прочее сотрудничество

Название проекта	Тип проекта	ОЭСР	Прочие страны
Новая административная столица	Градостроительный	Канада (Г)	
Аль Галала	Градостроительный	США (Г)	
Расширение аэропорта	Транспортный		Сингапур (Г)

Источник: составлено авторами на основе данных СМИ.

Приложение 5. Мегапроекты Египта, в которых авторам не удалось выявить участие зарубежных стран

Название проекта	Тип проекта
Расширение Суэцкого канала	Транспортный
Зоны по разведению рыбы	Прочее
Медицинская столица	Градостроительный
Осевой мост Род аль-Фараг	Транспортный
Рекультивация с/х	Прочее
Октябрьский оазис	Градостроительный
Военная база Беренис	Прочее
4-й терминал каирского аэропорта	Транспортный
Мебельный город в Думьяте	Промышленный
Большой Египетский музей	Прочее

Источник: составлено авторами на основе данных СМИ.

Обзор круглого стола «Сохранение окружающей среды и борьба с изменением климата: что БРИКС может предложить миру?»

18 апреля 2024 г. на площадке НИУ ВШЭ в рамках работы Экспертного совета по вопросам участия Российской Федерации в объединении БРИКС состоялся круглый стол «Сохранение окружающей среды и борьба с изменением климата: что БРИКС может предложить миру?». С докладами и комментариями выступили ведущие эксперты России по вопросам экономики окружающей среды и устойчивого развития.

* * *

Работу круглого стола открыл руководитель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ **И.А. Макаров**. Он подчеркнул, что сотрудничество по вопросам окружающей среды и борьбы с изменением климата в рамках БРИКС ведется активно, однако нельзя утверждать, что к настоящему моменту страны объединения выработали единую позицию в этой сфере. Россия заинтересована в том, чтобы придать данному направлению сотрудничества новый импульс. Мероприятие нацелено на предложение и обсуждение идей, которые могли бы использоваться в этих целях в рамках российского председательства в БРИКС в 2024 г.

С первым докладом выступил заведующий кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова **С.Н. Бобылев**. Он выделил пять основных факторов, определяющих, почему БРИКС является экологическим донором планеты. Во-первых, страны БРИКС обладают самыми крупными в мире по площади ненарушенными хозяйственной деятельностью территориями. Во-вторых, странам БРИКС также принадлежит крупнейший массив лесов мира, оказывающий очень большое влияние на климатическую систему Земли. В-третьих, еще более значимо, что страны БРИКС обладают огромными запасами пресной воды — одного из ключевых ресурсов XXI века. В-четвертых, у стран объединения есть большой запас биоразнообразия. В-пятых, на их территории находятся огромные площади водно-болотных угодий, которые служат ловушками углерода, что очень важно для стабилизации климата. Сергей Николаевич отметил важность создания общей платформы для согласования экологических интересов стран БРИКС. Например, полезно было бы согласовать критерии проектов устойчивого и зеленого развития в странах, а также синхронизировать развитие рынков зеленых и устойчивых облигаций. Сергей Николаевич закончил свой доклад призывом к внедрению системы компенсаций (платежей) за экосистемные услуги в России и объединению усилий стран БРИКС для капитализации своих экологических преимуществ.

Доклад эксперта Центра морских исследований МГУ им. М.В. Ломоносова **А.С. Шестакова** был посвящен перспективам сотрудничества стран БРИКС в области биоразнообразия. Александр Сергеевич как постоянный участник переговоров по биоразнообразию согласился с мнением С.Н. Бобылева о важности экосистемных услуг и отметил, что этот термин постепенно эволюционировал во «вклад природы в благополучие человека». Эксперт отметил, что предыдущие декларации БРИКС затрагивали проблематику биоразнообразия: последняя декларация имеет три параграфа, посвященных этому вопросу. Шесть стран БРИКС являются странами с мегабиоразнообразием, и для них проблема защиты биоразнообразия имеет критическую важность. В рамках БРИКС интерес представляют такие вопросы, как разработка природоохранных технологий и обмен такими технологиями, наращивание потенциала по наукоемким направлениям в области биоразнообразия. БРИКС мог бы перенять опыт Группы стран-единомышленников с мегабиоразнообразием (ряд стран БРИКС входит в Группу, но не Россия), которая крайне активна на международных переговорах, и наладить систему участия в переговорах с единой позицией. На настоящий момент было лишь одно небольшое заявление от стран БРИКС в экологической сфере — в рамках последней ассамблеи ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде).

В своем докладе Александр Сергеевич перечислил приоритеты взаимодействия стран БРИКС в области биоразнообразия. Во-первых, стоит задача обеспечить не менее 200 млрд долл. финансирования для защиты биоразнообразия из всех источников к 2030 г. — крайне важный вопрос для объединения сил стран БРИКС на международных переговорах. В прошлом году был создан новый глобальный фонд биоразнообразия, на который развивающиеся страны (и в том числе страны БРИКС) рассчитывают. Эксперт добавил, что страны БРИКС в том числе надеются на российскую поддержку деятельности фонда. Во-вторых, стоит вопрос о создании международного механизма распределения выгод от цифровой информации о генетических последовательностях, которые могут быть использованы для финансирования задач в области сохранения биоразнообразия. В-третьих, существует глобальная задача довести охраняемые территории на суше и на море к 30% от всей территории к 2030 г. Страны БРИКС проявляют интерес к практической составляющей новой концепции «эффективные меры территориальной охраны природы». Разработка индикаторов биоразнообразия, а также вопросы обязательного предоставления отчетности также могут стать приоритетами взаимодействия стран, как и постепенная интеграция вопросов биоразнообразия во все секторальные планы, финансовые документы, систему ОВОС (Оценка воздействия на окружающую среду) и т.п.

Обсуждение климатического сотрудничества в рамках БРИКС началось с выступления руководителя департамента многостороннего экономического сотрудничества и специальных проектов Министерства экономического развития России **С.В. Литвиновой**. Она напомнила, что в рамках своего председательства в БРИКС Россия ставит задачу усилить климатическое сотрудничество в объединении и вычленив его в отдельное направление. Инициатива создания контактной группы по климату и устойчивому развитию одобрена всеми партнерами по БРИКС. Софья Владимировна выразила надежду, что в период председательства Бразилии работа в этом направлении также продолжится. Предполагается, что данная площадка будет использована для

обмена экспертизой и лучшими практиками по вопросам низкоуглеродного развития, реализации климатических проектов, развития инфраструктуры углеродных рынков, «зеленого» финансирования, использования природных экосистем для решения климатических задач. Большое внимание в рамках инициативы уделяется развитию научного и экспертного сотрудничества с партнерами по БРИКС. Более того, со стороны России предложено запустить платформу климатических исследований БРИКС. Похожие инициативы уже существуют в области энергетики и технологий. Отдельное предложение России касается создания Партнерства БРИКС по открытым углеродным рынкам — синхронизация их развития будет в интересах всех стран объединения. Особую важность для стран БРИКС имеет тематика адаптации к изменению климата и адаптационного планирования, поэтому партнерам была представлена инициатива по разработке рекомендаций для стимулирования адаптационного потенциала БРИКС и критериев для адаптационных проектов. В России адаптационная таксономия пока не разработана: начало обсуждения в БРИКС данной темы могло бы стимулировать развитие российского внутринационального регулирования в данной области.

Следующий доклад был представлен модератором семинара **И.А. Макаровым**. По его мнению, климатическое сотрудничество стран БРИКС должно стать одним из приоритетов работы объединения. Для этого есть все предпосылки. Страны БРИКС являются крупнейшими эмитентами парниковых газов: с учетом новых членов выбросы составляют более половины от общемировых, при этом доля постоянно растет. Страны БРИКС разделяют взгляды на мировой порядок, в том числе и по вопросам изменения климата. У стран БРИКС нет готовых «простых» решений, которые предлагают развитые страны (например, отказ от ископаемого топлива). Напротив, страны БРИКС понимают сложность данной проблемы, а также осознают, что борьба с изменением климата может как способствовать решению других социально-экономических проблем, так и, наоборот, противоречить некоторым ЦУР (например, целям, связанным с уменьшением бедности). Наконец, страны БРИКС являются экспортёрами углеродоемкой продукции и, следовательно, экспортёрами выбросов в составе готовой продукции.

Игорь Алексеевич также представил несколько идей для возможного взаимодействия стран БРИКС. Во-первых, было выдвинуто предложение по созданию собственного центра экспертизы (Агентство климатических исследований БРИКС), который отвечал бы за разработку климатических и энергетических сценариев, экспертных рекомендаций для стран БРИКС. Сейчас подобного рода работу выполняют МЭА (Международное энергетическое агентство) и ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), однако опираясь преимущественно на опыт и интересы западных стран, тогда как приоритеты стран БРИКС остаются слабо представленными в таких исследованиях. Во-вторых, Игорь Алексеевич призвал к переходу на подсчет выбросов по потреблению наряду с подсчетом выбросов по производству, а также выдвинул предложение об интеграции на добровольной основе целей по выбросам по потреблению в национальные цели стран БРИКС по сокращению выбросов. Дальнейшим шагом могли бы стать активизация диалога между странами по инструментам регулирования выбросов по потреблению и требование о включении целей сокращения выбросов по потреблению в будущие климатические соглашения в рамках ООН.

В-третьих, важно сотрудничество по развитию инфраструктуры углеродных рынков. Издержки сокращения выбросов парниковых газов в странах БРИКС гораздо ниже, чем в развитых. Построение БРИКС системы бесшовно действующих между странами углеродных рынков могло бы стимулировать реализацию климатических проектов именно на их территории. В-четвертых, необходимо на уровне декларации лидеров стран БРИКС (или отдельной декларации по климатическим проблемам) утвердить разделяемые объединением принципы международного климатического сотрудничества. Среди них технологическая нейтральность, нейтральность инструментов климатической политики, необходимость решать климатическую проблему без ущерба для других ЦУР, необходимость диалога между экспортерами и импортерами ископаемого топлива и углеродоемких товаров, необходимость расчета выбросов не только по производству, но и по потреблению и необходимость противодействия протекционизму под предлогом климатической политики. Сформулированные принципы БРИКС в дальнейшем могли бы войти и в глобальные документы.

Далее слово было передано **А.Д. Хлебновой**, руководителю направления «Климат и экология» Центра международных и сравнительно-правовых исследований, которая начала свое выступление с напоминания о том, что вопрос изменения климата в рамках объединения БРИКС стоит с самого начала работы организации, однако до последнего времени это направление не было выделено в отдельное. Такая ситуация вызвана разной степенью прогресса в реализации климатической политики в странах БРИКС. Александра Дмитриевна отметила, что основная работа по проблематике изменения климата началась после проведения COP26 в Глазго (Конференция РКИК ООН 2021 г.). Она добавила, что необходимо уходить от консерватизма, присущего странам БРИКС в этой области, и выработать проактивную позицию внутри объединения, которую в дальнейшем можно было бы транслировать и на глобальных площадках. Спикер подчеркнула, что замечает острую проблему взаимной неосведомленности об углеродном регулировании стран БРИКС. Она выразила надежду на то, что компании из этих стран, способные участвовать в существующих и развивающихся в рамках объединения климатических инициативах, будут иметь более полное представление о возможностях, которые рынки стран БРИКС представляют друг другу. Экспертное сотрудничество внутри БРИКС могло бы содействовать этому.

Вице-президент, начальник Центра по внедрению принципов устойчивого развития АО «Газпромбанк» **Е.Ю. Хилинский** отметил, что некоторые из упомянутых ранее инициатив и направлений сотрудничества активно обсуждаются в рамках Делового совета БРИКС. Особенно он выделил инициативу по добровольным углеродным рынкам, которая нацелена на снижение барьеров для торговли углеродными активами между странами. Сейчас данный рынок крайне фрагментирован. Для решения этой проблемы в рамках стран БРИКС Евгений Юрьевич предложил трехэтапный подход: во-первых, гармонизация регуляторной базы, во-вторых, формирование пула взаимно признаваемых верификаторов и, в-третьих, создание единого реестра климатических проектов. Коллеги из Китая в целом согласны с таким подходом, готовы к более детальной его проработке. Коллеги из Индии, однако, опасаются, что реестр климатических проектов БРИКС будет дублировать механизмы статьи 6.4 Парижского соглашения. Эксперт также упомянул, что в рам-

как работы Делового совета БРИКС российской стороной будет предложен общий подход к тому, какие проекты могут считаться переходными. В будущем можно ожидать в рамках БРИКС формирования единой концепции (а может быть и таксономии) того, что собой представляет переходное финансирование. После того, как данная концепция будет утверждена, следующим логичным шагом станет приращение переходному финансированию статуса климатического финансирования.

С. П. Семенцов, научный руководитель Центра устойчивого развития Института ВЭБ.РФ, начал свое выступление с ремарки о том, что предмет обсуждения в меньшей степени является научной проблемой и в большой степени экономической проблемой, потому что речь идет о том, куда будут направлены инвестиции, как будут использоваться технологии, как будут развиваться и строиться новые рынки. Эксперт выразил скепсис относительно возможности создания единой таксономии климатических проектов в странах БРИКС, потому что у каждой страны свои направления развития и своя специфика. Существует также и раскол между развивающимися и развитыми странами, который, в первую очередь, связан с пониманием термина «устойчивое развитие» и его истинной сутью: «Что такое устойчивое развитие? Это про то, чтобы пострадать, или про то, чтобы развиваться?». Сергей Павлович прокомментировал, что Европа относится к устойчивому развитию как к «пострадать», и определил, что, исходя из такой политики, основная цель — это смягчение негативных последствий перехода к низкоуглеродному развитию. В то же время развивающиеся страны считают, что новая повестка должна вести их вперед. Помимо упоминания этого разлома, Сергей Павлович также сделал акцент на том, что Европа придерживается тезиса «Климат — наше все», а развивающиеся страны, наоборот, рассматривают устойчивое развитие в комплексе, то есть и адаптацию, и митигацию, и окружающую среду, и социальный аспект. В заключении, эксперт поддержал постановку в рамках БРИКС принципа технологической нейтральности: «неважно какого цвета технология, если она сокращает выбросы CO₂, значит это хорошо».

Следующий доклад был представлен **Д.А. Чернышевым**, вице-президентом Санкт-Петербургской товарно-сырьевой биржи. Дмитрий Александрович констатировал, что на современном этапе формирование глобальных стандартов и сертификации в климатической сфере монополизировано развитыми странами, стандарты ориентируются на их специфику и их идеологические предпосылки. Более того, стандарты и сертификации зачастую используются как инструмент ограничения конкуренции на своих рынках. Но страны БРИКС — это основные игроки в производстве и поставках большинства базовых товаров. А на отдельных рынках, например, на рынке стали, алюминия и т.д., они главные игроки, обеспечивающие более половины спроса и предложения. Однако даже на этих рынках страны БРИКС полностью зависят от стандартов, сертификаций и систем ценообразования, которые развиваются вне их пределов. Странам БРИКС необходимо увеличивать влияние на процессы формирования правил международной торговли с учетом своих собственных интересов. Сейчас же в действиях стран БРИКС наблюдается разобщенность позиций, что и позволяет развитым странам с легкостью продвигать свои интересы. Странам БРИКС необходимо выступать более консолидированно. Например, они первыми могли бы предложить практику прослеживаемых цепочек поставок зеленой про-

дукции. Целесообразно было бы также создать Ассоциацию зеленых товаров, чьей основной функцией будет разработка и утверждение методологий верификации углеродного следа продукции, а также аккредитация национальных компаний как непосредственных верификаторов. Сертификаты данной ассоциации могли бы стать общепризнанными документами, подтверждающими размер углеродного следа зеленой продукции в рамках трансграничной и национальной торговли.

В.В. Дребенцов, главный советник генерального директора Российского энергетического агентства Министерства энергетики, выделил два проблемных вопроса, по которым необходимо прийти к консенсусу внутри российского экспертного сообщества в контексте сотрудничества по климату в рамках БРИКС. Первый вопрос: насколько необходимо объединение всех «природных» тем — загрязнения, биоразнообразия, воды и т.д. — с климатом? Он скорее поддерживает вариант «нет», с учетом того, что смягчение изменения климата, в первую очередь, связано с энергетикой. Второй вопрос: для чего необходимо проводить гармонизацию систем регулирования и выработку каких бы то ни было единых стандартов? С целью облегчения торговли углеродными единицами внутри БРИКС или с целью выработки единой позиции БРИКС по этому вопросу в отношениях с третьими странами? БРИКС, в отличие от G7, — это искусственно созданное объединение, внутри которого нет четкой экономической, торговой и любой другой основы. Из этого следует, что странам БРИКС важно достичь консолидированной позиции и с этой позицией участвовать в переговорном процессе. Например, в отношении расчета выбросов по потреблению ключевые вопросы касаются разделения ответственности за выбросы и за соответствующее финансирование. Чтобы ставить эти вопросы, странам БРИКС необходима единая позиция. Таким образом, БРИКС более выгодно выступать единым фронтом вовне, чем развивать взаимоотношения внутри себя. Для создания единой позиции странам БРИКС, среди прочего, будут полезны общие сценарии энергоперехода — взамен тех, что сейчас разрабатываются каждой из стран-членов самой для себя. Усилия всех платформ, создаваемых для сотрудничества внутри БРИКС, необходимо направить на то, чтобы формализовать совпадающие интересы в рамках той единой позиции, которую далее можно будет продвигать на международных переговорах.

Завершая семинар, **И.А. Макаров** отметил, что у БРИКС действительно есть возможность выработки единой позиции по вопросам окружающей среды и изменения климата, в том числе и чтобы предложить определенную альтернативу действующему климатическому режиму. Но для этого необходимо, чтобы страны БРИКС в отношении климатических и экологических вопросов становились более проактивны. Идеи, которые прозвучали на данном семинаре, могут быть использованы для выстраивания каналов взаимодействия внутри БРИКС с целью создания основы для такой проактивности.

**Каневская Полина Александровна,
Литинская Наталия Александровна**
стажеры-исследователи Научно-учебной лаборатории
экономики изменения климата НИУ ВШЭ

Наши авторы

Галкина Анна Александровна – старший научный сотрудник ИНЭИ РАН.

Гнидченко Андрей Андреевич – к.э.н., ведущий эксперт Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), старший научный сотрудник ИНП РАН, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ.

Грушевенко Дмитрий Александрович – старший научный сотрудник ИНЭИ РАН.

Каневская Полина Александровна – стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории экономики изменения климата НИУ ВШЭ.

Кулагин Вячеслав Александрович – заведующий отделом исследования энергетического комплекса мира и России ИНЭИ РАН.

Литинская Наталия Александровна – стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории экономики изменения климата НИУ ВШЭ.

Носко Полина Анатольевна – к.э.н., эксперт Научно-учебной лаборатории экономики изменения климата НИУ ВШЭ.

Орлов Илья Александрович – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, приглашенный преподаватель НИУ ВШЭ.

Сергеев Егор Александрович – к.э.н., доцент кафедры мировой экономики, старший научный сотрудник Центра европейских исследований ИМИ МГИМО МИД России.

Тимофеев Иван Николаевич – доцент МГИМО МИД России.

Уфимцев Андрей Алексеевич – младший научный сотрудник Центра изучения африканской стратегии БРИКС Института Африки РАН, стажер-исследователь Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ.

Чуприянова Полина Игоревна – программный координатор Российского совета по международным делам (РСМД).